

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

ТАНЕЦ ПОБЕДИТЕЛЯ*

РОМАН-БИОГРАФИЯ

Глава двадцать восьмая

ВТОРОЕ ОКРУЖЕНИЕ ПОД ВЯЗЬМОЙ

“Шапка была набекрень у всех тогда...”

Контрнаступление под Москвой развивалось успешно. Тогда многим в Ставке и Генштабе казалось, что теперь сорванные с позиций немецкие дивизии и корпуса, танковые армии, потерявшие большое количество бронетехники, будут отступать до границы и дальше, что война с Германией может быть победоносно завершена, возможно, уже к лету.

Эти настроения порой охватывали и штаб Жукова. Но то, что реально происходило перед наступающими армиями Западного фронта, заставляло осторожнее оценивать свои возможности перед лицом по-прежнему сильного противника.

Враг пребывал в замешательстве недолго. Немецкие генералы убедили Гитлера: отвод войск на новый оборонительный рубеж неизбежен на любой войне. Гитлер определил рубеж, дальше которого отступать запретил, а пока — “удерживать фронт до последнего солдата”.

Когда читаешь боевые донесения армий Западного фронта периода московского контрнаступления, приходишь к выводу, что немецкие войска приказ Гитлера выполнили в точности. Отходили медленно, в основном выводя из зоны боёв тяжёлую технику и транспорт. На дорогах оставляли заслоны, которые, контролируя основные направления, эффективно сдерживали продвижение наших наступающих колонн. Так было на фронте 50-й армии, 49-й, 43-й, 33-й, 5-й и других. Попытки окружить противника путём узких глубоких прорывов конно-механизированных соединений с последующим охватом сколько-нибудь существенного успеха не имели. Противник контратаковал, расчищал от снега свои колонные пути и уходил на запад, эвакуируя и живую силу, и ценные грузы. Так было и южнее Тулы, и в районе Калуги, и в Верее, и под Мятлевым и Юхновом. Как заметил маршал Рокоссовский, наши войска в тот период, наступая по всему фронту, выталкивали противника. На большее не хватало ни сил, ни умения, ни опыта.

* Журнальный вариант. Главы из книги о Маршале Георгии Константиновиче Жукове. Полный текст готовится издательством “Молодая гвардия” в серии “Жизнь замечательных людей”. Первые главы романа-биографии были опубликованы в №6 за 2014 год и в №5 за 2015 год.

Пятого января 1942 года Жуков прибыл в Кремль на заседание Ставки. С фронта ехал на поезде, от станции Обнинская. В Ставке обсуждался план дальнейших военных действий.

Жуков предложил все усилия сконцентрировать на Западном направлении и, пока противник не успел закрепиться на новых рубежах основательно, пополнить войска личным составом, оружием, боевой техникой, в первую очередь, танками и реактивными установками залпового огня. Создать сильные резервы. Особое внимание уделить артиллерии. “Без наличия мощных артиллерийских средств, — подытожил он, — наши войска не смогут прорвать оборону, сами измотаются и понесут большие, ничем не оправданные потери”.

Когда Жуков сказал о бесперспективности наступательных действий на других направлениях, ему тут же резко возразили Ворошилов и Маленков. Началась дискуссия. Жукова неожиданно поддержал заместитель председателя СНК СССР Вознесенский. Как член ГКО он отвечал за производство вооружения и боеприпасов. Вознесенский сказал, что “в настоящее время мы ещё не располагаем материальными возможностями, достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление всех фронтов”.

Впрочем, как вскоре узнал Жуков, его столкновение с Ворошиловым и Маленковым было более чем бессмысленным: директива на начало наступления уже распечатывалась и готовилась к отправке в штабы почти всех фронтов.

Свой пакет Жуков получил 7 января поздно вечером. Задача фронта: совместно с войсками Калининского фронта окружить и уничтожить ржевско-вяземскую группировку противника. Конев должен был ударить на Ржев и Вязьму. Ему же предстояло атаковать на Юхнов и Вязьму.

Десятого января 1942 года пошли вперёд. А 19 января поступил приказ: вывести из боя 1-ю ударную армию и передать в управлении Северо-Западного фронта.

Жуков, возмущённый, позвонил Верховному, хотя ответ знал наперёд: Сталин никогда не отменял своих решений.

В эти же дни новый командующий группы армий “Центр” фон Клюге опасно контратаковал силами жиздринской группировки на Сухиничи. Группировка прикрывала Брянск и состояла из моторизованного корпуса, усиленного пехотными дивизиями, только что прибывшими из Франции и Бельгии. Противник ударил во фланг 10-й армии и потеснил её. Ставка приказала срочно перебросить в район Сухиничей 16-ю армию Рокоссовского.

На правом крыле и в центре вначале всё шло хоть и напряжённо, но так, как задумано. 33-я армия генерала Ефремова освободила Верею. 5-я армия ворвалась в Можайск. 43-я армия взяла Медынь. 49-я овладела Кондровом и продвигалась к Юхнову.

В самый разгар боёв разведка доложила: на стыке 43-й и 33-й армий в результате пешного отступления противника образовалась брешь шириной около 40 километров. В неё и погнался Жуков группировку, спешно сформированную из самых боеспособных дивизий 33-й армии. Второпях наделали много ошибок. “Расчёт с просчётом на войне по соседним тропинкам ходят...” Три дивизии во главе с командармом Ефремовым ушли в разрыв между немецкими группировками с задачей захватить важнейший коммуникационный узел группы армий “Центр” Вязьму.

Одновременно к Вязьме таким же узким прорывом с севера шёл 11-й кавкорпус Калининского фронта. В полосе действия 50-й армии через Варшавское шоссе в том же направлении и с той же задачей — на Вязьму! — прорвался 1-й гвардейский кавкорпус генерала Белова. В районе Знаменки и Желанья были десантированы части 8-й воздушно-десантной бригады. Жуков усиливал группировку всем, чем мог.

В случае успеха группа армий “Центр” оказалась бы расколотой на две изолированных части, потеряла бы управление и устойчивость. Казалось, вот оно, желанное окружение, достигнутое в результате глубокого прорыва с последующим широким охватом целой группировки противника.

Вначале всё шло хорошо. И Ефремов с востока, и Белов с юго-востока продвигались к Вязьме по глубоким снегам, уничтожая по пути мелкие

немецкие гарнизоны, и вскоре подошли к Вязьме. С севера давили части Калининского фронта. Конники 11-го кавкорпуса перехватили Минское шоссе. Авангарды Западной группировки 33-й армии оседлали шоссе Вязьма-Юхнов и железнодорожные перегоны.

Но дальнейшие действия войск, прорвавшихся к Вязьме, развития не получили. Причин было несколько.

Операция по штурму Вязьмы не имела общего плана и единого командования. И Западная группировка 33-й армии, и 1-й гвардейский кавкорпус, и конники Калининского фронта, и десантники действовали разрозненно, каждый на своём участке. Повторялась схема действий Западного фронта в предыдущие дни, когда каждая армия наступала на своём участке, когда силы и средства не массировались на отдельных направлениях с целью глубоких прорывов и последующих охватов.

В Вязьме в это время оказались полевые управления и 4-й, и 9-й армий группы армий “Центр”. 4-й армией командовал генерал Хейнрици. 9-й — Модель. В вермахте именно эти два генерала считались лучшими оборонительными тактиками Восточного фронта. К тому же на вяземский участок обороны к этому времени вышли из окружения несколько довольно крупных группировок, сумевших вывезти даже тяжёлую артиллерию и бронетехнику. В их числе верейская и мятевская. Это неожиданное пополнение значительно уплотнило оборону Вязьмы, насытило её огневыми средствами. Прибывали также свежие части из Германии, Франции и даже Африки.

Вначале немцы отбили 11-й кавкорпус Калининского фронта и начали теснить 39-ю армию. Впоследствии 39-я, части 29-й армий и 11-го кавалерийского корпуса будут сдавлены в “котле”.

В таком же положении вскоре оказались войска Западного фронта, прорвавшиеся к Вязьме. В начале февраля коридор в районе Износок, по которому осуществлялся подвоз и связь с Восточной группировкой 33-й армии, был перехвачен танками и мотопехотой боевой группы “Тома”, действовавшей в этом районе.

Командир диверсионной группы особого назначения майор Жабо в те дни сообщал Жукову: “Доношу, что 29.01.1942 получил от Вас лично задачу. Батальон в составе 294 человека 2 февраля 1942 года выступил из штаба 33-й армии к линии фронта на выполнение поставленной задачи. В 2.00 3 февраля 1942 года батальон достиг деревни Пинашино, где было сообщено, что противник (в каком составе — неизвестно) занял деревни Воскресенское и Савино, перерезав коммуникацию 33-й армии к наступающим её соединениям. Учитывая важность данной дороги, отсутствие войск от деревни Износки до деревни Пинашино, я решил отклониться от поставленной задачи и в 3.00 3 февраля 1942 года вступил в бой с противником, имея целью:

1. Очистить дорогу от противника и дать возможность движения по ней транспорта 33 А;

2. Не дать возможности противнику напасть на штаб 33 армии;

3. Уничтожение противника, т. к. имел сведения, что в данном районе он немногочислен.

Бой длился в течение 17 часов, т. е. до 20.00 3 февраля 1942 года. Общее руководство я принял на себя, т. к. в Пинашино, кроме моего батальона, находился батальон 1134 сп 338 сд, состоящий из 60 человек, и миномётного взвода 120-мм миномётов. В 12.00 на мой КП прибыл генерал-майор В. А. Ревякин, который возглавил ведение данной операции до конца боя. К исходу дня пришлось по приказу генерал-майора Ревякина отойти из деревни Пинашино в деревню Белый Камень.

Как я впоследствии выяснил в разведотделе 33 армии, против нас действовал 4-й полк СС, усиленный пятью танками и мощной авиацией, т. е. в один полёт действовало до 17 самолётов штурмовой и бомбардировочной авиации, действовавшей в течение целого дня. Кроме того, против нас действовали отдельные группы финнов силою 20–30 человек каждая. Результаты боя: противник на рубеже Воскресенское, Савино был остановлен на 17 часов. Подбит один танк”.

Владимир Владиславович Жабо — личность легендарная. Ему было в то время 32 года. В РККА с 1929 года. С октября 1941 по февраль 1942 года командовал отрядом особого назначения, который действовал на оккупированной территории. В ноябре 1941 года он со сводным отрядом красноармейцев и партизан совершил налёт на штаб 12-го армейского корпуса 4-й полевой армии немцев в Угодском Заводе на родине Жукова. Отряд в тот период напрямую подчинялся Жукову и выполнял лично его приказы. В феврале 1942 года отряд особого назначения был развернут в полк. Впоследствии Жабо командовал 4-й воздушно-десантной бригадой, затем 3-й гвардейской мотострелковой дивизией, 49-й механизированной бригадой. Погибнет он 8 августа 1943 года в бою за деревню Дуброво Хотынецкого района Орловской области в ходе Курской битвы.

Немцы начали сжимать кольцо окружения.

Начальник штаба 33-й армии (Восточная группировка) генерал Кондратьев, к сожалению, со своими обязанностями не справлялся, к тому же, постоянно пил и в пьяном состоянии зачастую отдавал нелепые приказы, которые солдаты оплачивали своей кровью.

Снова, как и под Спас-Деменском в 1941 году во время немецкого прорыва, не смог управлять ситуацией комбриг Онуприенко, в то время заместитель командующего 33-й армией. Ефремов их оставил в Износах: Кондратьева — чтобы командовал Восточной группировкой армии; Онуприенко — чтобы обеспечивал коридор.

Летом 1942 года, когда шло разбирательство по поводу причин гибели Западной группировки 33-й армии, комбриг Онуприенко в личном письме генералу Жукову признавался: “По прибытии в штаб 33 армии бывший член Военного совета М. Д. Шляхтин мне передал: “Командарм приказал Вам лично заняться ликвидацией Северной группировки противника”. Эта задача мною была выполнена силами 222-й и 110-й стрелковых дивизий. Считаю своей ошибкой, что по прибытии в штаб я лично не проверил, как надёжно прикрыт стык и коммуникации со стороны 43-й армии, а поверил докладу и сводкам, что 43-я армия в двух местах перерезала дорогу Гжатск—Юхнов.

Правда, к этому времени основную опасность составляла северная группировка противника, т. к. там он был на удалении 3-х и даже 2,5 км от коммуникации. В дальнейшем, когда противник захватил Захарово и Пинашино, необходимы были мои самые решительные и немедленные меры по его ликвидации.

Перед Вами и страной я в большом долгу за 33-ю армию; я этого никогда не забываю...”

В марте 1942 года положение окружённых стало невыносимым. Съели почти всех лошадей, варили ремни и гужи. Раненым и больным заваривали сосновую хвою. Катастрофически не хватало боеприпасов, медикаментов, перевязочных материалов. Когда закончилось горючее, были приведены в негодность и брошены все грузовики, танки вкопаны в землю. “Котёл” постоянно сжимался, и вскоре танки пришлось тоже бросить. Вдобавок ко всему в деревнях, где удерживала круговую оборону Западная группировка армии Ефремова, начался тиф.

Тем временем Жуков, всё ещё не теряя надежды выполнить приказ Ставки и взять Вязьму, буквально толкал в спину своих командармов вперёд. Потом, когда стало очевидным, что немцы укрепились основательно, задачу Болдину, Захаркину и Голубеву сузил до прорыва к окружённой Западной группировке 33-й армии и выводу её на восток. Но время было уже упущено.

Маршал впоследствии говорил, что напрасно Ефремов настоял на выходе к Юхнову по кратчайшему пути, что надо было выходить на юго-запад, к Кирову, на позиции 10-й армии, что соответствующую директиву он направил Ефремову, но тот через голову штаба Западного фронта напрямую обратился к Сталину... Ефремов, чувствуя, что Жуков не владеет реальной обстановкой, сложившейся в окружённой группировке, и, возможно, не верит его докладом, действительно обратился напрямую в Ставку с просьбой разрешить выход. Но вот директиву Жукова на выход через Киров исследо-

вателям истории гибели 33-й армии обнаружить в архивах не удалось. Существовала ли она вообще? Или её для маршала сочинил в бессонные ночи солдат Крапилин?..

Бывший шифровальщик штаба Западной группировки 33-й армии лейтенант И. В. Якимов, переживший немецкий плен, вспоминал, как однажды после очередного нервного разговора с Жуковым генерал Ефремов в сердцах обронил: “Тебя бы сюда хотя бы на недельку...”

По свидетельству Александра Бучина, Жуков в те дни ходил мрачнее тучи, его всё раздражало, и иногда он срывался на тех, кто оказывался рядом. Такое с ним случалось редко. Гибель генерала Ефремова и Западной группировки 33-й армии останется для Жукова незаживающей раной. Хотя он всячески пытался гримировать её...

В какой-то момент в штабе фронта почувствовали, что соседи 33-й просту не хотят лезть под Вязьму, имитируют атаки и сразу же откатываются на исходные.

К концу марта положение в “котле” стало катастрофическим. Участились случаи самоубийств и перехода на сторону противника. Жуков начал предпринимать более энергичные меры для оказания помощи окружённым. В ночь на 2 апреля фронтовая авиация доставила на полевого аэродром 33-й армии довольно много грузов. Назад “дугласы” вывозили тяжелораненых. В те же дни Жуков телеграфировал генералу Голубеву: “Приказ тов. Сталина об очистке тылов Ефремова к 27.03.1942 года Вами не выполнен в срок, установленный к 30.03.1942 года. Сегодня 02.04, а у Вас абсолютно нет никаких успехов. Видимо, вместо энергичного и добросовестного выполнения приказа в армии крепко укоренилась система лживых заверений и невыполнений поставленных задач. Военный совет армии и командиры всех степеней в армии обязаны точно и беспрекословно выполнять поставленные задачи в назначенные сроки. Если это у Вас не делается, то это только свидетельствует об отсутствии элементарных основ дисциплины и полной потере чувства ответственности. Более какой-либо другой армии, фронт Вам оказывает помощь пополнением и боеприпасами, но Вы вместо разумного и бережного отношения к людям, боеприпасам подходите к этому исключительно легкомысленно и расточительно: для 5 гв. сд было дано 3500 человек пополнения. Вы умудрились за шесть дней боя потерять 2370 человек, не добившись никакого результата.

За невыполнение поставленной приказом тов. Сталина задачи объявляю Вам выговор и предупреждаю, что, если в течение ближайших трёх дней задача не будет выполнена, я поставлю перед тов. Сталиным вопрос об отстранении Вас от командования армией”.

Третьего апреля 1942 года в окружённую группировку немцы сбросили ультиматум о капитуляции.

“Главнокомандующему 33 армией генерал-лейтенанту Ефремову и командирам 113, 160 и 338 стрелковых дивизий.

Германский солдат и германское руководство питают уважение к мужеству окруженной 33-й Красной армии и подчинённым ей 113, 160 и 338 стрелковым дивизиям.

Эта армия храбро сражается. Она была окружена с начала февраля благодаря тому, что Советское правительство не сумело оценить значение германской военной мощи. Все попытки вашей армии прорвать образовавшееся вокруг неё кольцо оказались безрезультатными. Они только вызвали огромные жертвы. Также и в будущем этим трём храбрым дивизиям не удастся прорвать германские линии. Эта армия ждёт своего избавления от 43-й армии и остатков 33-й армии, которые, придя с востока, должны прорвать немецкие линии у реки Угры и Вори.

Германский солдат считает недостойным солдата делом бороться с безоружным противником.

Генерал Ефремов!

Командиры!

Подумайте о своей судьбе. Опасная заразная болезнь свирепствует в армии. Голод опустошает ряды солдат изнутри. Эта ваша армия идёт навстречу

своему уничтожению. Ничто, никакие ваши усилия не смогут предотвратить вас от неизбежной гибели.

В благодарность за вашу храбрость вам будет устроен Военный трибунал. Германское Верховное командование армии, которая держит вас в окружении, предлагает вам сдаться.

Жизнь всех командиров и красноармейцев будет гарантирована.

Германский солдат не убивает пленных. Это ложь.

Раненые и больные получают немедленную помощь.

До 18-ти часов 3-го апреля 1942 года мы будем ждать ваших посредников для переговоров.

Они должны идти по дороге от Горбы к Красной Татарке или к Лосьмино. Идти только днем, махая белым флагом”.

Командарм немедленно шифром переслал его в штаб Западного фронта.

“1. Германское командование сбросило к нам письмо на моё имя с предложением о капитуляции войск со сроком переговоров 3.04.42 г.

2. Прошу покрепче продолбить район с врагом: Лосьмино, Кр. Татарка, Стар. Греково, Кошелево, Ломовка, Ежевицы, Бесово, Мелихово”.

В архиве сохранился этот документ с резолюцией Жукова:

“Тов. Худяков, 3.04.42 года.

3.04.42 года всю авиацию бросить на указанные пункты.

3.04.42 года на Болдина не работать”.

49-я армия генерала Захаркина тем временем наступала вдоль Вяземского шоссе на Климов Завод и Слободку — расчищался коридор к группировке генерала Ефремова. Жукова раздражала медлительность Захаркина.

Из переговоров Жукова и Захаркина по прямому проводу 7 марта 1941 года:

“Жуков: Здравствуйте, доложите, как вы выполняете приказ Военного совета?

Захаркин: Здравствуйте. Докладываю. В течение вчерашней ночи и дня сегодня на всём фронте армии вёлся напряженный бой. Противник, упорно обороняясь на реках Угра и Ресса, на отдельных участках переходил в контратаки. Особенно упорно обороняется противником и применяются контратаки на реке Ресса; на Вяземском большаке в течение дня против 133-й и 238-й дивизий предпринимал четыре контратаки. К данному времени части армии занимают следующее положение.

Жуков: Где у вас танки? Почему медленно продвигаетесь с армией, не выполняете приказ, кто за это наказан?

Захаркин: Танки ещё не прибыли.

Жуков: Где шесть танков, которые я вам послал? А у вас что, нет огня? Вам дано включительно до тяжелой артиллерии.

Захаркин: Артиллерия применяется очень широко, включительно до тяжёлой, и противнику наносятся большие потери, но всё же у противника силы огневые большие, что задерживает и замедляет наше наступление. Кроме того, дивизии имеют весьма малочисленный состав. Вчера прибыло пополнение, которое сегодня вводится уже в строй.

Жуков: Напрасно вы думаете, что успехи достигаются человеческим мясом, успехи достигаются искусством ведения боя, воюют умением, а не жизнями людей. Вы даёте противнику всё время возможности останавливаться и готовиться к бою, а затем, когда противник организуется, вы начинаете наступать, а отсюда все качества ваших действий. Приказ Военного совета о немедленном выдвижении за реку Угра и занятии в течение 7 марта Климова Завода вы не выполнили. Я вынужден вас строжайше предупредить о том, что мы не можем терпеть таких дел, которые творятся, тем более не выполняются приказы. У меня создаётся впечатление, что до вас не дошло моё требование, если вы не уяснили до сих пор того, что нужно разбить противника во что бы то ни стало; неплохо было бы в этом случае вам лично доложить Военному совету. К сожалению, мы не можем оторваться, может быть, вы сможете приехать поговорить подробно или обойдемся без разговоров, как ваше мнение?

Захаркин: Я просил бы сроку ещё два дня. Я полагаю и надеюсь, что удар двумя правофланговыми дивизиями даст мне возможность разбить сопротивляющуюся группу противника в районе Марьино. Кроме того, и на правом фланге есть надежда овладеть Русиново и Павлово, что позволит мне выйти на Вяземский большак. Докладываю, что дивизии ведут весьма напряжённый бой и действуют весьма энергично, но противник ещё крепко держится, главным образом, применяя большое минирование и огонь миномётных батарей, и на этом рубеже дивизиям приходится наступать целиной, по глубокому снегу, лесистой местности и тащить на руках артиллерию. Большие потери несём от минированных полей. На дорогах и вне дорог разбросаны сотни мин. Так, например, от Пречистого до Емельяновки, то есть на расстоянии двух километров, на этой дороге изъято 360 мин. Вот это замедляет темп нашего наступления. Хотелось бы тоже прибыть к вам и доложить лично, но сейчас прошу отсрочки, чтобы провести намеченные мной мероприятия на левом фланге, а также на правофланговой группе. Вопросов у меня много, чтобы доложить вам и получить ваши указания.

Жуков: Нажимайте быстрее вперёд, завтра во что бы то ни стало выйти на дорогу Юхнов—Вязьма”.

А вот запись переговоров Жукова с командармом-49 от 13 марта 1942 года.

Жуков: Здравствуйте! Что же вы свои слова плохо держите. Обещали за два дня ликвидировать противника, а прошло четыре дня, вы ничего не делаете. Чем всё-таки это объясняется?

Захаркин: Здравствуйте! Докладываю: основное — уже не удастся применить танки, которые я имею к данному времени, — 9 штук. Чрезвычайно трудно устроить переправу для танков незаметно для противника. На 11—12.3 всё как будто было подготовлено, однако противник обнаружил строительство переправы и в течение ночи начал обстрел, задерживая работу сапёров. А сегодня днём артиллерией противника переправа была разрушена. <...> Считаю необходимым продолжать наступление на участке Бельдягино, перехватить Вяземское шоссе и с получением пополнения, пополнив 5-ю гвардейскую дивизию, продолжать развивать наступление с целью ликвидации противника в районе Крутое, Рыляки, Марьино. Всё.

Жуков: Я вас понял так, что вы настолько малочисленны, что можете развивать наступление, только пополнившись, а сейчас, до переправы танков и укомплектования частей, вы на наступление не способны и успеха не ожидаете. Так ли я вас понял?

Захаркин: Сейчас я имею более полнокровной 238-ю дивизию (до 700 штыков) и 34-ю бригаду (до 200 штыков), которыми я сумею овладеть...

Жуков: Как вы считаете штыки: по моему приказу или как вам нравится?

Захаркин: Отдельно от боевого состава”.

Бедный Захаркин, стараясь предупредить гнев командующего войсками фронта, начал доклад с основного — с танков. Но Жуков на этот раз вцепился в штыки. Причина, конечно, была в медленном продвижении 49-й армии к Климову Заводу. Не могли уже измотанные дивизии и бригады, от которых остались одни только названия да по нескольку взводов бойцов, успешно атаковать вперёд. А Жуков, видимо, всё-таки надеялся проломиться своими армиями к Вязьме. В дело уже ввязались по уши, отступать и выводить части из боя было слишком поздно.

Среди военных историков идёт спор о роли Жукова в гибели Ефремова. Одни считают, что Жуков недолюбливал Ефремова и, когда выпал случай, попросту погубил его в окружении. Другие историки эту ересь смягчают до упрека: Жуков недостаточно сделал для того, чтобы выручить Западную группировку 33-й армии и спасти её командующего. Вышеприведённые документы и факты свидетельствуют об обратном.

Другое дело, что Жуков в ходе боёв зимой-весной 1942 года почувствовал, что исполнительская дисциплина в штабах, особенно армейских, упала.

Летний приказ 1941 года за временем потерял остроту, и воздействовать им на подчинённых было уже трудно. По всей вероятности, об этом он докладывал в те дни Верховному, пытаясь объяснить отсутствие успехов в том числе и общим падением исполнительской дисциплины штабов. Жестокие приказы уже не действовали.

В окружённой группировке 33-й армии в это время ждали разрешения на выход.

Немцы же почувствовали, что Ефремов с остатками своих войск у них в кулаке, и усилили нажим.

Существует версия: командование группы армий “Центр” под влиянием сторонников “нового порядка” из числа русских, в том числе и вернувшихся на родину эмигрантов, решило пополнять свои поредевшие дивизии и полки за счёт “наших иванов” — русских, украинцев, белорусов, эстонцев, латышей и прочих, кто соглашался служить германской армии в её походе против большевиков; для этого нужен был генерал, желательно, выходец из низов, из той же социальной среды, к которой принадлежала основная масса солдат. Идеальный вариант — генерал вместе с полевым управлением. Исследователи утверждают, что абвер засылал своих агентов к генералу Белову и что с ним якобы даже велись переговоры, но Белов ответил резким отказом и приказал своей контрразведке тщательно зачислить расположение на предмет выявления шпионов. Возможно, подобные предложения получал и генерал Ефремов. Не случайно последние часы жизни и сама смерть командарма-33 до сих пор покрыты тайной.

Почти за месяц до этого Ефремов, видя бесперспективность усилий 43-й армии по деблокаде его группировки, обратился в Москву к начальнику Главного политуправления Л. З. Мехлису. Вскоре получил от члена Военного совета Западного фронта Хохлова шифрограмму следующего содержания: “Вы жалуетесь в Москву на Голубева, на то, что он якобы плохо дерётся и до сих пор не открыл Вам коммуникации, просите Мехлиса воздействовать на Голубева. Первое: оценку Голубеву и 43-й армии может дать только Военный совет фронта, главком и Ставка, а не сосед. Второе: 43-я армия действовала и действует лучше 33-й армии, что касается Голубева, мы также его ценим очень высоко. Следствие показывает: не Голубев виноват в том, что противник вышел на тылы 33-й армии, а Военный совет и штаб 33-й армии, оставивший только 90 человек без артиллерии и миномётов на прикрытие своих тыловых путей, которые при появлении противника разбежались...”

К сожалению, Вяземская группа 33-й армии до сих пор ни на один шаг не сдвинулась и это осложняет обстановку для Голубева на правом фланге.

Голубеву направлена категорическая задача в ближайшие 1-2 дня с Вами соединиться. Это, видимо, 43-й будет сделано, если только Вы не будете врагу сдавать своих тыловых путей. Боеприпасов по мере возможности Вам будем подбрасывать. Пошлите своих людей к Жабо и согласуйте с ним свои действия”.

Ефремов ответил штабу Западного фронта примерно в том же духе: “Ни на кого я не жалуясь, а по-большевистски сказал, что есть, и не кому-нибудь, а тов. Мехлису, что очень хочу скорейшей очистки коммуникаций 33-й армии.”

Находясь под Вязьмой по Вашему приказу, я тыл никак не мог прикрыть, что Вы прекрасно понимаете, поскольку состав дивизий Вам был до выхода под Вязьму известен, как и растяжка коммуникаций 33-й армии.

Поймите, мы каждые сутки ведём бой вот уже полтора месяца почти без боеприпасов и уничтожили несколько тысяч немцев. Сами имеем три тысячи раненых. Воюем.

Не могу понять одного: как можно месяцами стоять перед какой-либо деревней, и терпеть не могу, когда свою вину сваливают на других. Эта система приносит огромнейший вред...

В последний раз Вам, как Военному совету, докладываю: положение дивизий армии тяжёлое, я сделал и делаю всё, чтобы врага бить и не допустить разгрома нас врагом.

Спешите дать боеприпасы, нет у нас боеприпасов”.

Жуков на это отреагировал немедленно: “Вам не дано право вступать в полемику с Военным советом фронта и наводить критику на командарма-43”. Ответ выдаёт крайнюю степень раздражения. В нём ни слова по существу: ни о боеприпасах, ни о помощи раненым. Такую шифrogramму в окружённую группировку целесообразнее было бы не посылать вовсе.

Наступала весна. Вскрывались реки. Это тоже сильно затрудняло запоздалый выход окружённой группировки. Стали непригодными для посадки самолётов полевые аэродромы. Какое-то время транспорты ещё могли садиться и взлетать в ночное время, когда морозы подтягивали почву. Но потом и это стало невозможным. Когда прилетел последний борт, лётчик передал генералу Ефремову записку от Жукова. Некоторые исследователи говорят, что записка была от Сталина. В ней был приказ Ефремову вылететь последним бортом на Большую землю. Приказ этот генерал не выполнил. Сказал: “С солдатами сюда пришёл, с солдатами и уйду”.

В начале апреля Ефремов повёл свою группировку на прорыв. Немцы встретили колонны 33-й армии огнём и танковыми ударами. Колонны сразу же распались. Ефремов утратил связь с командирами дивизий и полков. Начался хаос. Из 11 500 человек на позиции 49-й, 43-й и Восточной группировки 33-й армии вышло всего 889 человек. Некоторые группы и одиночки ушли в леса и воевали потом в составе партизанских отрядов. Некоторые растворились в деревнях. Большинство погибли или попали в плен. Когда генерал Ефремов, к тому времени уже дважды раненный и потерявший способность передвигаться, понял, что может попасть в плен, он застрелился.

Просчёт штаба Западного фронта, возможно, был в том, что к Вязьме, а затем и к блуждающему “котлу” Западной группировки генерала Ефремова армиям Болдина, Захаркина и Голубева ставились индивидуальные, автономные задачи, что не было сформировано единой ударной группы, которая могла бы более мощно и эффективно действовать на одном направлении, пробить коридор к 33-й армии и вывести её личный состав и обозы с тысячами раненых.

Да и Вязьму, как мы уже знаем, пытались взять “растопыренными пальцами”.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Развивая наступление из района Наро-Фоминска в общем направлении на Вязьму, 33-я армия в последний день января быстро вышла в район Шанского Завода и Доманова, где оказалась широкая, ничем не заполненная брешь в обороне противника. Отсутствие сплошного фронта дало нам основание считать, что у немцев нет на этом направлении достаточных сил, чтобы надёжно оборонять город. Поэтому и было принято решение: пока противник не подтянул сюда резервы, захватить с ходу Вязьму, с падением которой вся вяземская группировка противника окажется в исключительно тяжёлом положении.

Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов решил сам встать во главе ударной группы армии и начал стремительно продвигаться на Вязьму.

3-4 февраля, когда главные силы этой группировки в составе трёх дивизий вышли на подступы к Вязьме, противник, ударив под основание прорыва, отсек группу и восстановил свою оборону по реке Угре. Второй эшелон армии в это время задержался в районе Шанского Завода, а левый её сосед — 43-я армия — в районе Медыни. Задачу, полученную от командования фронта об оказании помощи группе генерала М. Г. Ефремова, 43-я армия своевременно выполнить не смогла.

Введённый в сражение на вяземском направлении кавалерийский корпус П. А. Белова, выйдя в район Вязьмы и соединившись там с войсками М. Г. Ефремова, сам лишился тыловых путей.

К тому времени немецкое командование перебросило из Франции и с других фронтов в район Вязьмы крупные резервы и сумело стабилизировать там свою оборону, прорвать которую мы так и не смогли.

В результате пришлось всю эту группировку наших войск оставить в тылу противника в лесном районе к юго-западу от Вязьмы, где базировались многочисленные отряды партизан.

Находясь в тылу противника, корпус П. А. Белова, группа М. Г. Ефремова и воздушно-десантные части вместе с партизанами в течение двух месяцев наносили врагу чувствительные удары, истребляя его живую силу и технику.

10 февраля 8-я воздушно-десантная бригада и отряды партизан заняли район Моршаново—Дягилево, где разгромили штаб 5-й немецкой танковой дивизии, захватив при этом многочисленные трофеи. В тот же день мы поставили об этом в известность генералов П. А. Белова и М. Г. Ефремова. Им было приказано увязать свои действия с командиром этой бригады, штаб которой находился в Дягилеве.

Командование фронта, установив с П. А. Беловым и М. Г. Ефремовым радиосвязь, в пределах возможного наладило снабжение их войск по воздуху боеприпасами, медикаментами и продовольствием. Воздушным путём было вывезено большое количество раненых. В группу неоднократно вылетал начальник оперативного отдела штаба фронта генерал-майор В. С. Голушкевич, а также офицеры связи.

В начале апреля обстановка в районе Вязьмы серьёзно осложнилась. Противник, сосредоточив крупные силы, начал теснить группу, стремясь к весне ликвидировать эту опасную для него “занозу”. Наступившая в конце апреля оттепель до крайности сократила возможность манёвра и связь группы с партизанскими районами, откуда она также получала продовольствие и фураж.

По просьбе генералов П. А. Белова и М. Г. Ефремова командование фронта разрешило им выводить войска на соединение с нашими главными силами. При этом было строго указано выходить из района Вязьмы через партизанские районы, лесами, в общем направлении на Киров, где 10-й армией будет подготовлен прорыв обороны противника, так как там она была слабее.

Кавалерийский корпус генерала П. А. Белова и воздушно-десантные части в точности выполнили приказ и, совершив большой подковообразный путь, вышли на участок 10-й армии 18 июля 1942 года. Умело обходя крупные группировки противника и уничтожая на своём пути мелкие, большинство частей вышло через прорыв, образованный 10-й армией, в расположение фронта. За время действия в тылу врага была утрачена значительная часть тяжёлых орудий и боевой техники. Большинство частей всё же вышло к своим войскам. Какой радостной была встреча для тех, кто вырвался из тыла врага, и тех, кто с фронта обеспечивал их выход! Бойцы и командиры не стыдились своих слёз: это были слёзы радости и самой крепкой в жизни солдатской дружбы.

Однако выйти удалось, к сожалению, не всем. Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов, считая, что путь на Киров слишком длинен для его утомлённой группы, обратился по радио непосредственно в Генштаб с просьбой разрешить ему прорваться по кратчайшему пути — через реку Угру.

Мне тут же позвонил И. В. Сталин и спросил, согласен ли я с предложением Ефремова. Я ответил категорическим отказом. Но Верховный сказал, что Ефремов опытный командарм и что надо согласиться с ним. И. В. Сталин приказал организовать встречный удар силами фронта. Такой удар был подготовлен и осуществлён 43-й армией, однако действий со стороны группы генерала М. Г. Ефремова не последовало.

Как выяснилось позже, немцы обнаружили отряд при движении к реке Угре и разбили его. Командарм М. Г. Ефремов, дравшийся, как настоящий герой, был тяжело ранен и, не желая попасть в руки врага, застрелился. Так закончилась жизнь талантливого и храбрейшего военачальника, вместе с которым погибла и значительная часть героических воинов его группы.

Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов вступил в командование 33-й армией 25 октября 1941 года, когда немцы рвались к Москве. В битве за Москву войска армии под его командованием дрались мужественно и не пропустили через свои оборонительные рубежи противника. За боевую доблесть в битве под Москвой генерал М. Г. Ефремов был награждён орденом Красного Знамени.

Вместе с М. Г. Ефремовым погиб командующий артиллерией армии генерал-майор П. Н. Афросимов, способнейший артиллерист, большой душой человек, и ряд других командиров и политработников, отличившихся в боях за Москву.

Критически оценивая сейчас эти события 1942 года, считаю, что нами в то время была допущена ошибка в оценке обстановки в районе Вязьмы. Мы переоценили возможности своих войск и недооценили противника. “Орешек” там оказался более крепким, чем мы предполагали”.

В этом отрывке воспоминаний маршала много неточностей. К примеру, недавно опубликован приказ Жукова, о том, чтобы Ефремов сам возглавил Западную группировку, атакующую на Вязьму. Этот приказ последовал вслед за донесением командарма 33 о том, что он занимается обеспечением коридора, чтобы обезопасить тылы группировки, втянувшейся глубоко на запад по узкому разрыву.

М. П. Сафир, в то время полковник, командующий бронетанковыми войсками 33-й армии, писал, что отношение Жукова к Ефремову “было негативным”, что воспоминания Жукова, “касающиеся М. Г. Ефремова и прорыва 33-й армии к Вязьме, носят предвзятый и необъективный характер, порой просто искажают действительность”.

После войны маршала частенько беспокоили вопросами о трагедии 33-й армии.

Журнал “Коммунист” (№ 14) в 1988 году опубликовал ранее состоявшуюся беседу членов редколлегии “Военно-исторического журнала” и военных историков, авторов этого журнала, с маршалом. Кто-то попросил: “Расскажите о затухающих операциях Ефремова и Белова”. И вот что ответил Жуков: “Там, собственно говоря, и операции никакой не было. Прорвались, Ефремова отсекли, Белова отсекли. Они остались в тылу... у Белова и Ефремова не было как такового затухания, потому что не было операции. Она началась против Вязьмы и прекратилась, Белов сам по себе вышел без тяжёлых средств артиллерийских, без танков; Ефремов — у него немного больше было — тоже потерял много боеприпасов. Они перешли, собственно говоря, на положение партизанских отрядов. Так что о затухании операции здесь не может быть и речи, они просто не имели возможности вести такую-то”.

Полоса действий войск фронта зимой 1942 года простиралась на 600 км и, конечно, очень трудно было уследить за вопросами тактического порядка... Ефремов с частью сил армии прошёл в свободную “дырку”. Сзади у него остались главные силы армии. Я не мог уследить, что он для обеспечения флангов на Угре оставил, а он, к вашему сведению, оставил отряд в составе 90 человек — без танков, без пушек, с легкими средствами. Разделяю ли я ответственность за Ефремова? Ну, конечно, я за все войска отвечаю, но не за такие действия, которые я не организую. Вопрос обеспечения — это вопрос не командующего фронтом, и я не считал нужным смотреть, что справа и слева. Что должен был сделать Ефремов? Он должен был за счёт главных сил армии, которые задержались у Шанского Завода, пару дивизий посадить, как распорки, для того, чтобы у него тыл был бы обеспечен. Он этого не сделал. Ну, шапка была набекрень у всех тогда — и я недооценил состояние вяземской группировки противника. Я, по-моему, там пишу о наших ошибках, что орешек оказался более твёрдым. Ну, а большую часть себя ответственность для того, чтобы показать здесь себя самокритичным, я думаю, надобности нет...”

Не в характере Жукова было посыпать голову пеплом...

Глава двадцать девятая

1942-й

“Почему вы не учитесь и не учитесь командиров искусства тактики у врага?..”

В начале весны 1942 года на стол Верховного лёг очередной доклад Главного разведывательного управления: “Центр тяжести весеннего наступления будет перенесён на южный сектор фронта с вспомогательным ударом на севере при одновременной демонстрации на центральном фронте против Москвы...”

Для весеннего наступления Германия вместе с союзниками выставит до 65 новых дивизий...

Наиболее вероятный срок наступления — середина апреля или начало мая”.

На Западном фронте продолжались активные действия, однако ничего существенного армии добиться не смогли. Лишь в начале марта 49-я выбила противника из Юхнова. Но юхновская группировка отошла западнее, за реки Рессу и Угру и закрепилась там. В полосе 50-й армии противник оседал Варшавское шоссе. При этом занял ряд артиллерийских высот в районе Зайцевой горы и держал под своим контролем обширный район вокруг.

Жуков приказал генералу Болдину взять эти высоты — “внезапным ударом прорвать оборону противника на фронте Фомино 1-е, Каменка, овладеть Варшавским шоссе на участке Фомино 2-е, Кузёмки и, прочно обеспечивая фланги ударной группы, не позднее 27.3 ударом через Милятино соединиться с группой Белова, нанести главными силами удар в северо-восточном направлении вдоль Варшавского шоссе в тыл юхновской группировке противника. После её разгрома иметь в виду развивать стремительное наступление на фронт Дорогобуж, Ельня. Наступление армии с 24.3 будет поддержано ударной авиагруппой № 4. Для развития операции армия по ходу действий будет усилена четырьмя-пятью стрелковыми дивизиями и двумя танкбригадами из резерва Ставки”.

Наступление провалилось.

Из переговоров Жукова и Болдина по прямому проводу 15 апреля 1942 года, когда судьба генерала Ефремова и его группировки была ещё неясна, а ударная группировка 50-й армии, взяв ключевую высоту, снова уступила её:

Жуков: Сколько противника наступало на высоту 269,8 и сколько обороняло её? Где были ваши танки в это время, что делали артиллерия и миномёты?

Болдин: На высоте 269,8 вёл бой полк 298-й стрелковой дивизии. Противник, по докладу товарища Захарова, из Фомино 2-е на высоту 269,8 наступал силой до 2-х батальонов пехоты и 7-8 танков. Наши танки в это время находились на северной окраине Фомино 1-е. Наши артиллерия и миномёты вели огонь мало ввиду ограниченного количества боеприпасов.

Жуков: Где же были 298-я и 290-я стрелковые дивизии, когда ваш полк сталкивали с высоты, или так же, как и танковая бригада, стояли, поджавши руки, и безучастно наблюдали? Непонятная тактика и больше чем странная. Отвечайте.

Болдин: 290-я стрелковая дивизия в это время вела бой в лесу юго-западнее отметки 223,3; 298-я стрелковая дивизия — один полк вёл бой на юго-востоке высоты 269,8, и второй полк вёл бой в районе отметки 223,3, то есть на юго-западных скатах высоты 269,8, и третий полк выдвигался во втором эшелоне в направлении высоты 269,8. По докладу командира 298-й стрелковой дивизии, полк, который занимал эту высоту, решением командира полка под сильным воздействием артиллерийско-миномётного огня был отведён на юго-западные скаты высоты 269,8.

Жуков: А вы? Вы где были?

Болдин: Я потребовал, когда узнал об этом, от командира дивизии и от товарища Захарова решительными действиями 198-й и 146-й стрелковых дивизий, 108-й и 11-й танковых бригад восстановить положение и продолжать выполнять задачу.

Жуков: Почему же у вас безнаказанно творятся такие преступления, и вы не привлекаете виновных к ответственности?

Болдин: Я приказал виновника оставления высоты 269,8 расстрелять.

Жуков: Когда приказали?

Болдин: Приказал тогда, когда мне стало известно о том факте. Приказ отдал товарищу Захарову.

Жуков: Пусть Захаров донесёт исполнение лично мне. А вас я лично очень внимательно инструктировал о тактике действий, о руководстве частями, о требовательности и быстроте расправы с паникёрами и не выполняю-

щими боевых приказов. Видимо, не всё вами понято, так как я не вижу точного выполнения, в частности, из 15 соединений, которые вы имеете, у вас на сегодняшний день и вчерашний день активно дрались только три дивизии, а 10 действовали пассивно, оборонялись. Из 13 стрелковых дерутся только пять, остальные стоят на месте. Танковые бригады сегодня бездействовали. Что же это за тактика, не понимаю.

Противник вас гонит с семью танками. Вы имеете сто танков, то есть в четырнадцать раз больше. Что же это за тактика такая? Вы, видимо, читали доклад командира 10-й мотодивизии, как он одним полком всё время отбивал наступление ваших семи дивизий. Такое поведение только дискредитирует Красную армию. Как же вы можете мириться с подобными фактами, дискредитирующими Красную армию? Вы всё время жаловались на отсутствие танков. Сейчас у вас в десятки раз их больше, чем у противника, но результаты всё те же: дискредитация Красной армии. Непонятно, почему вы узнаете об отходах тогда, когда это уже совершилось. Значит, вы не руководите боем. Не организовано у вас управление, нет у вас своих глаз на передовых позициях, а это значит, армия действует без руля и ветрил. Я требую под вашу главную ответственность занятия: Зайцева Гора, Фомино 2-е, Тычк, Екатеринбург, Бельская, Липовая Роща. Я требую заставить 116-ю и 385-ю стрелковые дивизии немедленно занять Малиновский и выйти в назначенные районы. Я требую для усиления удара завтра же ввести 58-ю стрелковую дивизию. Танковые бригады — 11-ю и 108-ю — держать с пехотой на шоссе, 112-ю бросить на помощь левому флангу; к левому флангу подтягивать 69-ю. Устройство тыла немедленно перекантовать на Бяратинскую, откуда и производить подачу войскам. В неподготовленности дорог виноваты только вы. Провлаживали, а сейчас пожинаете свои плоды. Шесть тракторов, что мы могли найти и оторвать временно от других частей, вам послано, больше у меня помочь вам нечем. Устраивайте тыл на Бяратинскую. Прикажете 69-й, её правому крылу, приступить к энергичным, активным действиям, чтобы не дать противнику маневрировать своими резервами. Противник имеет четыре дивизии и ими маневрирует против ваших 15 соединений так, как ему хочется. Он играет с вами, как кошка с мышкой. Почему вы не учитесь и не учите командиров искусству тактики у врага? Имейте в виду, что это не зазорно, наши предки всегда учились у врагов, а затем били их, своих учителей. А вы, видимо, не хотите перенимать у врага хорошие и полезные примеры. Вы обязаны впитывать в себя все новинки и учить своих подчинённых. Поэтому у вас ничего не получается. Короче говоря, вы должны строго помнить наш последний уговор, я о нём докладывал, считаю, что я мягковато поступил, но я уверил, что если ещё случится, то будет выдано в квадрате. Сейчас же передайте мои требования всем, кому следует, и организуйте выполнение указаний...”

Своей волей отстранить командующего армией от должности и назначить на его место другого Жуков не мог. Это было не в его власти. Тем более что Болдин был не простой генерал, а генерал, попавший в приказ Ставки № 270 от 16 августа 1941 года в качестве положительного примера стойкости и лучших командирских качеств, проявленных в критической ситуации. Приказ подписал Сталин. Верховный медленно избавлялся от собственных иллюзий, и Болдин был у него на хорошем счету. Счёт этот вскоре иссякнет. Но пока Жукову приходилось терпеливо читать командарму-50 лекции по тактике, учить, как прорвать оборону четырёх дивизий противника пятнадцатью своими. Как член Ставки, Жуков тоже подписал тот приказ. Но прекрасно знал, что в его преамбуле, где говорилось о подвиге заместителя командующего войсками Западного фронта, не всё правда. Болдина и его группу вывел из окружения Конев, в тот период командующий 19-й армией. Прорубил коридор и по нему вывел, буквально вынес всех, кто ждал помощи по ту сторону фронта.

Тот разговор по телефону стенографисты зафиксировали не полностью. Но офицеры штаба запомнили, что, когда командующий положил трубку, в сердцах пальнул одним привычным словом, но значительно огрублённым, более соответствующим случаю.

Племянник Георгия Константиновича Виктор Фокин рассказывал: “Мудачок” — любимое словцо Жукова. Но в этом словце не было жуковского гнева, скорее, редкие для Жукова снисхождение и ирония...

Зимой 1945-го командующего 2-го Белорусского фронта маршала Рокоссовского, человека, как известно, интеллигентного и выдержанного, приведёт в ярость бездеятельность командующего 50-й армией, и он отстранит генерала Болдина от командования и потребует, чтобы духу его не было в расположении фронта. К тому времени приказ № 270 подзабудется, превратится в этакий анахронизм первого периода войны, командиры станут инициативней, самостоятельней. Точно так же с маршалом бронетанковых войск Ротмистровым поступит генерал армии Черняховский. Не возьмут его к себе ни командующий 1-го Белорусского маршал Жуков, ни командующий 1-го Украинского маршал Конев. Судьба же генерала Болдина сложится более благополучно: “герой” Зайцевой горы встретит Победу на 3-м Украинском в должности заместителя командующего.

Так что с теми, кто воевал спустя рукава, у Жукова отношения не складывались.

Двадцатого апреля 1941 года после очередной провальной атаки 50-й армии Жуков вновь позвонил Болдину.

“*Жуков*: 112-я бригада у вас дерётся на левом фланге, и есть сведения, что она ворвалась в Гореловский, а 108-я и 11-я второй день бой не ведут. Почему они не помогают ни 112-й бригаде, ни пехоте?”

Болдин ответил подробным докладом, суть которого заключалась в том, что “большая часть танков 108-й и 11-й танковых бригад бездействуют по технической неисправности”, что атаки танков и пехоты на опорные пункты Гореловский и Малиновский закончились неудачей из-за сильного артиллерийского огня и налётов штурмовой авиации, “дело с дорогами очень плохо и с каждым днём ухудшается...”

“*Жуков*: Во-первых, первый раз слышу, что 11-я, 108-я танковые бригады растрепаны. Это, кажется, будет по счёту пять или шесть растрепанных бригад. Вы были обязаны, согласно приказу, производить тщательное расследование о каждом погибшем танке или выбывшем из строя и немедленно доносить факт, достойный сожаления, невыполнения приказа. Вынужден буду назначить следствие. Вы всё время доносили о том, что высота 268,8 находится в ваших руках, а сейчас докладываете — северо-восточные скаты в руках противника. Не пойму я вас, почему вам понадобилось вести танки на артиллерийский огонь. Непонятно, можно было танки подвести по юго-западным скатам. Но дело, видимо, не в том, где их вести, а, главное, вести нечего вам, всё растрепали. Если так легкомысленно будут бросаться танки, как до сих пор вы бросаете на нерасстроенную систему огня, ничего у вас не выйдет. Непонятно мне, для чего у вас врываются танки наподобие: ворвались в Гореловский, ворвались в Малиновский, а пехота, оказывается, отбита организованной системой огня. Азбучная истина обязывает: прежде, чем бросить танки, нужно подавить систему огня, а тогда только бросать танки. А у вас делается наоборот. Вам об этом неоднократно давалось указание, но, видимо, до сих пор эти элементарные истины не поняты, и танки продолжают гибнуть без всякой пользы. Бросание танков без подавления системы огня противника я считаю авантюрой. Виновников гибели танков, танкистов, безусловно, надо судить. В отношении паники от авиации противника могу только предложить одно: пресекать эту панику в корне. Никакой массовой гибели от бомбометания на протяжении всей войны не было и нет сейчас. Всё это выдумывается для оправдания невыполнения приказа, для оправдания потерь, которые получились при панике в Фомине 1-м, о чём нас информировал Быстров, и массовых потерь от плохой организации боя, массовых потерь от той вакханалии и беспорядка, который существует и творится в армии. Ваша авиация сейчас бездействует, об этом вы пишете в донесениях, но не отчитываетесь в невыполнении приказа о подготовке аэродрома. А ведь был приказ, обязывающий Военный совет подготовить армейский аэродром, но вы этого приказа не выполнили, авиация ваша не летает сейчас. Могу только предложить вам выполнить приказ о быстрейшем введении в строй аэродрома. Истреби-

тельной авиации фронтовой я больше 20–25 самолётов вылетов вам дать не могу, и то они над полем боя, как показал опыт, могут быть не более 20–25 минут. Значит, прежде всего, я обязываю вас организовать настоящую зенитную оборону средствами самих войск, твёрдой рукой бороться с паникёрами и распространителями панических слухов, по существу агитирующих за немецкую авиацию, и навести в этой части полный порядок, чтобы войска стойко встречали авиацию и не разбежались бы, как об этом свидетельствует в донесении Быстров и о чём вы, к сожалению, до сих пор не донесли.

Вы сейчас докладываете, что противник подбрасывает резервы. Что же, об этом я вас предупреждал неоднократно и лично, и в документах. А вы как считали, противник будет мух ловить? Нет, ловить мух он не будет. Каждую вашу проволочку во времени он использует для манёвра и постарается вас обыграть, а обыграть вас ему труда не составит потому, что ваши войска стоят на месте, не маневрируют огнём сами, стоят на месте не двигаются, а такого противника бить не трудно. Если вы в течение двух ближайших дней не разобьёте противника в районе действия ударной группы, противник вам подготовит большую неприятность, я бы сказал даже — крупную неприятность, от которой и вам, и нам придётся краснеть, и отсюда делаете свои выводы и расчёты. Где сейчас находится Захаров, как он показывает свои способности?

Болдин: Тов. Захаров находится на наблюдательном пункте в районе Зимницы. С моего НП, где находится тов. Захаров, организовано непосредственное управление войсками и боем правого крыла ударной группировки армии. Вместе с т. Захаровым находится начальник артиллерии армии и т. Мартынов. Они все втроём мне помогают управлять войсками и боем правого крыла ударной группировки армии. Тов. Захаров держит себя хорошо.

Жуков: Армией командовать может?

Болдин: На вопрос, может ли командовать армией, в данное время ответ пока дать затрудняюсь, так как мало ещё его изучил”.

Зато Жуков за эти месяцы изучил командарма-50 хорошо. Создал нечто вроде боевых участков, куда входили две-три дивизии и танковая бригада, перепоручил командирам этих участков всю работу и сидел в своём штабе, собирал донесения...

Жукову хотелось отстранить Болдина от командования армией и назначить Захарова. Но из Ставки не дали на эту замену добро.

Весной в 50-й армии начались перебои не только с боеприпасами, но и с продовольствием. Суточная норма на артиллерийский и миномётный ствол — один-два выстрела. Бойцы бродили по деревьям в поисках пищи. Случалось, солдаты первого эшелона умирали от голода. Личный состав обносился. Зима кончилась, но солдатам не выдавали летнего обмундирования. По воде ходили в валенках...

Но хуже всего было то, что атаки на цепь артиллерийских высот, которые тянулись вдоль Варшавского шоссе, не давали результата. И высоты, и дорогу контролировали немцы.

До сих пор в тех местах бойцы поисковых отрядов поднимают останки убитых советских солдат. Некоторые лежат в болотах прямо на поверхности. Каждый год хоронят в братской могиле на Зайцевой горе сотнями.

Из воспоминаний бывшего разведчика 290-й стрелковой дивизии Олега Александровича Набатова: “Всюду убитые, убитые, убитые, куда ни кинешь взгляд. Тут же в грязи ворочаются раненые. Особенно мне запомнился один из них, мимо которого я пробежал, когда нас подняли в очередную атаку. Это был солдат лет пятидесяти, превратившийся в ком сплошной грязи, только покрасневшие глаза блестели да зубы белели на чёрном фоне...”

В 1973 году земляки из Угодского Завода приехали в гости к маршалу, привезли гостинцев из родной деревни — картошку, ягоды, а ещё альбом с фотографиями, местную газету. Сели за стол, разговорились. Жуков рассматривал снимки через лупу — раздел фотографий, свидетельствующих о том, как на калужской земле чтут память героев Великой Отечественной войны. И вдруг нахмурился и спросил:

— Болдин тоже Почётный гражданин города Калуги? — И не дожидаясь ответа, сказал: — Он же самый плохой командующий за всю войну!

Он командовал ударной группой, бравшей Калугу. Она понесла большие потери и с опозданием на два дня взяла город. Напишу в ЦК партии о несправедливости.

— Георгий Константинович, — сказал кто-то из гостей, — в Калуге есть школа, которая носит имя Болдина...

— Да? — смягчился маршал. — Ну, раз школа носит имя... тогда писать не буду.

То ли маршал запямятовал, то ли не хотел вспоминать грязь и ужас Зайцевой горы, но в укор генералу Болдину он поставил не его вину. Калугу брала действительно 50-я армия, которой в то время уже командовал Болдин. Однако ударной группой, которая на узком участке прорвалась в Калугу и начала очищать улицу за улицей, квартал за кварталом, командовал заместитель командующего армией генерал Попов. И действовала эта группа решительно, храбро и умело.

В середине мая немцы нанесли сильнейший удар по правому крылу Южного фронта и вышли во фланг Юго-западного фронта, угрожая его тылам. Наступление под Харьковом, на которое Ставка и Верховный Главнокомандующий возлагали большие надежды весенне-летней кампании, обернулось новой катастрофой. Оказались в окружении войска 6-й и 57-й армий. Красная армия потеряла около 277 тысяч человек, большое количество вооружения и боеприпасов. Основные поставки бронетехники, артиллерии, в том числе реактивных систем, производимых промышленностью, шли на Южный и Юго-Западный фронты. Сталин был взбешён. Полетели генеральские головы. На этот раз пострадал и непотопляемый комиссар по особым поручениям Мехлис: он был смещён с поста заместителя наркома обороны и начальника Главного политического управления Красной армии, понижен в звании до корпусного комиссара. Как представитель Ставки, он развернул в Крыму такую деятельность, так подмял под себя штаб Крымфронта и его командующего, что даже мелкие вопросы решались только с его ведома.

Сталин, ошеломлённый новым поражением, 28 июля, уже как нарком обороны, подписал приказ № 227. Это был приказ, который во многом обеспечил победу под Сталинградом.

“<...> Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжёлые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникёрам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли мы выдержать удар, а потом отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно, и наш фронт получает всё больше и больше самолётов, танков, артиллерии, миномётов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять свою Родину.

Нельзя дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникёров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникёры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование: ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше,

являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо, как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот приказ — значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках распалась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на ещё более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникёров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели своё действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

ВЕРХОВНОЕ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ ПРИКАЗЫВАЕТ:

1. Военным советам фронтов и, прежде всего, командующим фронтами:
а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций, без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от 1 до 3 (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и, прежде всего, командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3—5 хорошо вооружённых заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникёров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от 5 до 10 (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять в военные советы фронта для предания военному суду:

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны
И. СТАЛИН”.

Через два дня после подписания приказа, который в войсках сразу же окрестили “Ни шагу назад!”, началась Ржевско-Сычѳвская наступательная операция. Замысел её был таков: согласованными ударами левого крыла Калининского и правого крыла Западного фронтов по сходящимся направлениям — на Сычѳвку — подсесть Ржевский выступ, окружить основные силы 9-й немецкой армии и уничтожить их. Основная нагрузка ложилась на армии Западного фронта.

Тридцатого июля пошла вперѳд ударная группировка Конева, а 4 августа после полуторачасовой артиллерийской подготовки атаковали армии Жукова. Они форсировали реку Держа, смяли немецкие порядки и начали свѳртывать фланги. К исходу второго дня наступления ширина прорыва составляла 30, глубина — 25 километров.

Гальдер в тот же день записал: “Противнику удалось добиться глубокого прорыва на фронте 9-й армии (кажется, наступают семь дивизий и одна танковая бригада при усиленной поддержке артиллерии) в направлении Зубцова. Против них брошены соединения 39-го корпуса в составе 5, 2, 1-й танковых и 102-й дивизий. На фронте 9-й армии у Ржева отбито несколько крупных атак”.

А вот какая запись в тот день появилась в дневнике Гальдера по поводу обстановки под Сталинградом: “Группа армий “Б”. Гот, используя свои успехи, быстро продвигается вперѳд, преодолевая сопротивление на отдельных участках. На фронте западнее Дона незначительная боевая деятельность. Противник усиливается на участках 8-го и 14-го армейских корпусов. Интенсивное передвижение походных колонн и железнодорожных эшелонов северо-западнее Сталинграда. Под Воронежем затишье”.

Не утихают споры по поводу того, что это было — долгая и кровавая Ржевская битва — попытка устроить немцам второй Сталинград или всё же “затратный манѳвр” на отвлечение немецких дивизий от южного участка фронта? Немцы вынуждены были держать здесь 42 дивизии.

Пятого августа войска Калининского фронта, атаковавшие Ржев, были подчинены штабу Западного фронта.

Седьмого августа в районе Погорелого Городища на плацдарме, захваченном немцами на левом берегу Волги, разгорелось встречное танковое сражение. Исследователи Погорело-Городищенской операции утверждают, что с немецкой стороны в битве участвовало до 700 танков, с нашей — до 800 боевых машин.

Восьмого августа, наращивая удар, Жуков ввѳл в бой 5-ю армию.

Из воспоминаний Александра Бучина: “Бои шли в лесистой, местами заболоченной местности, а лето в 1942 году выдалось на диво дождливое. На всю жизнь мне врезались в память названия речек Держа, Вазуза, Гжать. Сумрачные кармановские леса (по названию села Карманово). Георгий Константинович выдвинул свой командный пункт чуть ли не в боевые порядки войск. Он был везде — с пехотинцами и саперами, артиллеристами и особенно танкистами. Лазил везде, возвращался, шатаясь от усталости, в сапогах, грязных до верха голенища. До сих пор жуть берѳт, когда вспомнишь бешеную тряску на гатях, проложенных через топи, сумрак лесов, пропахших порохом и трупным смрадом, зловонную жижу, бившую фонтанами

из-под колёс. Нередко вода в речках чернела от крови. Нам пришлось форсировать Держу, топкие берега которой были настигиваны минами. Многие ли знают, что произошло на небольшом участке на рубеже речек Вазузы и Гжати 9–10 августа 1942 года? В эти два дня тут гремело, ревело и лязгало встречное танковое сражение, до 1500 танков с обеих сторон. У Прохоровки бились в открытом поле, здесь в лесу с густым подлеском вязли в болотах, проридались через кустарник. Под Прохоровкой гибли на виду, а на миру, как известно, и смерть красна, в этом сражении убивали безымянными. На моих глазах на страшный грохот битвы шли наши танки, колонна за колонной. Бледные, измученные лица моложе меня, 25-летнего. Для многих кармановские леса — последнее, что им удалось повидать в кuceй жизни”.

К 23 августа наши войска взяли Зубцово, Карманово и вплотную подошли к Ржеву. Но овладеть городом не смогли.

Генерал Типпельскирх, а впоследствии военный историк, исследуя сражение у погорелого Городища, писал: “Прорыв удалось предотвратить только тем, что три танковые и несколько пехотных дивизий, которые уже готовились на южный фронт, были задержаны и введены сначала для локализации прорыва, а затем и для контрудара”.

Всего генерал Модель вынужден был перебросить сюда 12 дивизий.

Войскам Западного и Калининского фронтов удалось продвинуться вперёд на 35–40 километров. Был ликвидирован опасный плацдарм на левом берегу Волги в районе Ржева. Но конечной задачи проводимой операции выполнить не удалось. Немцы держались за Ржев с яростным упорством. И это настораживало. Тем более что некоторые разведанные свидетельствовали в пользу того, что группа армий “Центр” готовит новый удар на Москву. Удобнее и выгоднее плацдарма, чем Ржевский выступ, трудно было представить.

К концу августа в районе Ржева наступило затишье. Но Ржевская битва не закончилась. Она лишь сделала вынужденную паузу, чтобы пополнить дивизии противостоящих сторон, подвезти огнеприпасы, отремонтировать танки, которые ещё можно было послать в бой. Живые хоронили убитых. Над полем боя на десятки километров стоял чудовищный смрад.

По некоторым данным, только 20-я армия Западного фронта потеряла около 60 тысяч человек. Командовал армией генерал Рейтер.

Пережившие ту страшную битву рассказывали, что командиры зачастую гнали роты и батальоны на неподавленную оборону противника, что приказ № 227 освобождал от пули только мёртвых. Расстреливали не только трусов и паникёров, но попавших под горячую командирскую руку. Расстреливали для устрашения. Тогда это не считалось жестокостью. Строили полк. Копали яму. Выводили “трусов” и “паникёров”. Зачитывали приговор. Командантский взвод, не мешкая, делал своё дело. И полк шёл в бой.

Буквально накануне наступления в газете “Красная звезда”, которая в годы войны стала главной газетой сражающегося народа, было опубликовано стихотворение Константина Симонова “Если дорог тебе твой дом...”:

.....
*Так убей фашиста, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мёртвым стоял.
Так хотел он, его вина, —
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой...*

.....
*Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!*

А на следующий день политинформаторы взводов и рот, парторги батальонов и батарей разнесли по окопам свежий номер “Красной звезды” со

статьёй Ильи Эренбурга, которая значительно усиливала главную тему дня и определяла её, как оказалось, на годы. Статья называлась “Убей!”: “Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятье. Отныне слово “немец” разряжает ружьё. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьёт твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьёшь немца, немец убьёт тебя. Он возьмёт твоих [близких] и будет мучить их в своей окаянной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком. Если на твоём участке затишье, если ты ждёшь боя, убей немца до боя. Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого — нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай вёрст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! — это просит старуха-мать. Убей немца! — это молит тебя дитя. Убей немца! — это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!”

И стихотворение Константина Симонова, и заметка Ильи Эренбурга, по жанру относящаяся, скорее, к листовке политрука, были своеобразным эмоциональным приложением к приказу “Ни шагу назад!”

Они западали глубоко в душу солдат и не выводились из крови на протяжении всей войны. Более того, чем ближе становилась Германия, тем сильнее в солдатской крови закипала ненависть.

Британский писатель Энтони Бивор в своей книге “Падение Берлина. 1945” упрекнёт и авторов этих строк, и победителей в том, что “подобные лозунги спровоцировали на насилие, совершавшееся военнослужащими Красной армии в отношении гражданского населения на территории Германии в 1944–1945 годах”.

Глава тридцатая

СТАЛИНГРАД

“Хорошо помню разговор 29 сентября в землянке, в балке севернее Сталинграда...”

Сталин позвонил 27 августа 1942 года и приказал Жукову: обязанности командующего войсками возложить на начальника штаба, а самому немедленно выехать в Москву.

Днём раньше Совет Народных Комиссаров СССР назначил генерала армии Г. К. Жукова первым заместителем наркома обороны, освободив от этой должности маршала С. М. Будённого.

Верховный встретил его словами:

— Плохо получилось у нас на юге. Может случиться так, что немцы захватят Сталинград. Не лучше дела обстоят и на Северном Кавказе. Очень плохо показал себя Тимошенко. Мне рассказал Хрущёв, что в самые тяжёлые моменты обстановки во время нахождения в Калаче Тимошенко бросал штаб и уезжал с адъютантом на Дон купаться. Мы его сняли. Вместо его поставили Ерёменко. Правда, это тоже не находка...

Сталин сделал паузу. Жуков молчал.

— Мы решили назначить вас заместителем Верховного Главнокомандующего и послать в район Сталинграда для руководства войсками на месте. У вас накопился хороший опыт, и я думаю, что вам удастся взять в руки войска. Сейчас там Василевский и Маленков. Маленков пусть останется с вами, а Василевский сейчас же вылетает в Москву. Когда вы можете вылететь?

— Вылетать надо немедленно, — ответил Жуков.

— Ну, вот и хорошо. — И вдруг Сталин спохватился: — А вы не голодны?

— Подкрепиться не мешало бы.

Сталин позвонил в приёмную, и вскоре Поскрёбышев принёс горячий чай и тарелку с горкой бутербродов. Перекусив, Жуков сразу же отбыл на

аэродром. И через четыре часа самолёт приземлился в Камышине. На Сталинградский фронт Жуков прибыл не с пустыми руками. Сталин за чаем напутствовал: “В связи с прорывом немцев к Сталинграду мы приказали срочно перебросить 1-ю гвардейскую армию генерала Москаленко в район Лозное. Необходимо с утра 2 сентября нанести ей удар по прорвавшейся к Волге группировке противника и соединиться 62-й армией. Туда же перебрасываются 66-я армия генерала Малиновского и 24-я армия генерала Козлова. Вам следует принять необходимые меры, чтобы Москаленко 2 сентября нанёс контрудар, а под его прикрытием вывести в исходные районы 24-ю и 66-ю армии. Эти две армии вводите в бой незамедлительно, иначе мы потеряем Сталинград”.

Штаб Сталинградского фронта размещался в Малой Ивановке близ Камышина. В штабе фронта Жукову доложили обстановку. Докладывали начальник штаба и старый знакомый по Халхин-Голу генерал Никишев и начальник оперативного отдела полковник Рухле. Как вспоминал потом маршал, их путанный доклад производил впечатление, что они “не совсем уверены в том, что в районе Сталинграда противника можно остановить”.

Через несколько дней и штабом Сталинградского фронта, и оперативным отделом будут руководить другие люди.

Это был обычный стиль Жукова. Каждую операцию, любое ответственное дело, за которое и сам отвечал головой и честью, он начинал с подбора надёжных людей.

Доклад комфронта генерала Гордова, напротив, ему понравился своей правдой и полнотой. Правда была тревожной. Но не безнадёжной. Переговорил с Москаленко. Его дивизии должны были первыми вступить в дело. Однако они опаздывали, находясь в пути.

Из донесения Жукова Сталину: “1-я гвардейская армия 2 сентября перейти в наступление не смогла, так как её части не сумели выйти в исходное положение, подвезти боеприпасы, горючее и организовать бой. Чтобы не допустить неорганизованного ввода войск в бой и не понести от этого напрасных потерь, после личной проверки на месте перенёс наступление на 5 часов 3 сентября. Наступление 24-й и 66-й армий назначаю на 5–6 сентября. Сейчас идёт детальная отработка задач всем командным составом, а также принимаем меры материального обеспечения операции...”

Очень характерное донесение. Жуков смело всю ответственность, в том числе и за перенесение операции на более поздние сроки, берёт на себя и приводит железные аргументы. Ни грамма намёка на то, что, мол, замешкался Москаленко и прочее.

Армия Москаленко атаковала в направлении Сталинграда в назначенное время после артиллерийской подготовки. Но продвинулась недалеко. Противник тут же контратаковал с танками при поддержке штурмовой авиации.

Сталин телеграфировал: “Положение под Сталинградом ухудшается. Противник находится в трёх верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь сталинградцам.

Недопустимо никакое промедление. Промедление равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало”.

Жуков не дрогнул. Он видел, что положение почти безнадёжное, что с каждым часом оно ухудшается. Но бросать прибывающие дивизии по частям... Он отдал приказ начальнику авиации бросить на врага все силы. И запросил разрешение Сталина на общую атаку 5 сентября. Сталин согласился.

На рассвете 5 сентября фронт на участке 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армий рыкнул сотнями орудийных стволов. Артиллеристы выпустили ограниченное количество огнеприпасов и замолчали. Вперёд пошли танки и пехота. Продвижение оказалось незначительным. И Жуков понял: тех сил, которыми располагает фронт, немецкую оборону не сокрушить. 12 сентября он срочно вылетел в Москву.

В этот раз у Сталина он застал начальника Генштаба генерала Василевского. Жуков доложил, прокомментировал неудачу проведённой операции и подытожил:

— Если ударную группировку срочно не усилить, имеющимися силами Сталинградский фронт прорвать оборону противника не сможет.

Сталин спросил:

— Что нужно Сталинградскому фронту, чтобы, наконец, ликвидировать коридор противника и соединиться с Юго-Восточным фронтом?

— Для успешных действий фронту нужны, как минимум, ещё одна полнокровная общевойсковая армия, танковый корпус, три танковых бригады и не менее четырёхсот гаубиц, — ответил Жуков. — Необходимо также не менее одной воздушной армии.

Сталин вытащил из стола свою карту с пометками и стал её рассматривать.

Тем временем Жуков и Василевский, стоя у другой карты, обсуждали конфигурацию фронта. Потом, чтобы не мешать Верховному, занятому изучением карты, отошли к окну. Разговаривали вполголоса. Жуков был недоволен и последними событиями на Сталинградском фронте, и только что состоявшимся разговором. Сказал Василевскому, что всё это полумеры и они вопроса Сталинграда не решат, что нужна сильная, сокрушительная группировка и, самое главное, вводить в дело её надо иначе.

— Да, — согласился Василевский, — всё это — полумеры. Нужно искать иное решение.

— Какое “иное” решение? — Верховный оторвался от карты и внимательно на них посмотрел.

Жуков и Василевский молча вернулись к столу.

— Вот что, — сказал Сталин, — поезжайте в Генштаб и подумайте хорошенько, что необходимо предпринять в районе Сталинграда. А заодно подумайте и о Кавказском фронте. Завтра вечером жду ваши предложения.

6-я полевая и 4-я танковая армии противника всё больше втягивались в изнурительные бои. В районах Волги и Дона у немцев и их союзников могло быть не более пяти-шести резервных дивизий. Бои шли и на юге, и на севере. Гитлер уже не мог высвободить для усиления нажима на Сталинград ни одной дивизии. Конфигурация фронта склоняла к мысли, что немцы, сосредоточившись на прорыве к Сталинграду, опасно растянули свои фланги, и образовавшийся выступ можно подсесть. Тем более что на флангах у 6-й армии стояли венгерские, румынские и итальянские дивизии.

Вот о чём вполголоса беседовали Жуков и Василевский в кабинете Сталина, когда тот внезапно их прервал.

Обсудив в Генштабе основной замысел операции, они перенесли его на чистую карту.

Докладывал Василевский. Верховный некоторое время молча рассматривал карту, потом спросил:

— А это что за группировка войск в районе Серафимовича?

— Новый фронт, — ответил Василевский. — Его надо создать, чтобы нанести мощный удар по оперативному тылу группировки противника, действующей в районе Сталинграда.

— Хватит ли сейчас сил для такой большой операции? — усомнился Сталин.

— Сейчас, конечно, не хватит, — сказал Жуков. — Но, по нашим расчётам, через полтора месяца операцию можно будет обеспечить необходимыми силами и средствами и хорошо её подготовить.

Сталин усмехнулся и постучал трубкой по карте:

— Далёко замахнулись. А не лучше ли ограничиться ударом с севера на юг и с юга на север вдоль Дона? Подумайте.

— Это полумера, — Жуков предполагал такую реакцию Верховного и заранее собрался с мыслями. — Мелкие контрудары не приведут к решительному изменению обстановки. В этом случае... — И Жуков сделал жест, повторяя направления предполагаемых сталинских контрударов. — Паулюс в этом случае может быстро развернуть из-под Сталинграда свои

подвижные части и парирует наши удары. Удар же западнее Дона позволит нам глубоко охватить врага, не даст ему возможности из-за речной преграды быстро сманеврировать своими резервами и выйти навстречу нашим группировкам.

Операция делилась на два этапа: 1) прорыв обороны, окружение сталинградской группировки противника и создание прочного внешнего фронта с целью полной изоляции окружённых от воздействия внешних сил; 2) уничтожение “котла” и недопущения деблокады извне.

Верховному плану операции понравился, но он не спешил давать на него согласие:

— Над планом надо ещё подумать и подсчитать наши ресурсы. А сейчас главная задача — удержать Сталинград и не допустить продвижения противника в сторону Камышина.

В это время позвонил новый командующий Сталинградского фронта генерал Ерёмченко. Сталин взял трубку. После разговора с Ерёмченко сказал:

— Ерёмченко докладывает, что противник подтягивает к городу танковые части. Завтра надо ждать нового удара. — И, повернувшись к Василевскому: — Дайте сейчас же указание о немедленной переброске через Волгу 13-й гвардейской дивизии Родимцева из резерва Ставки. И посмотрите, что ещё можно направить туда завтра.

Уже через час Жуков был на аэродроме. Приказ Верховного: вылететь в расположение Сталинградского фронта, ввести в бой всю авиацию и изучить обстановку в районе Клетской и Серафимовича. Прощаясь, Сталин сказал, что к начатому разговору необходимо вернуться, и добавил: “О том, что мы здесь обсуждали, кроме нас троих, пока никто не должен знать”.

Контрудары, которые Жуков вместе со штабом Сталинградского фронта в те дни организовывал на различных участках, дали положительные результаты. Они изматывали противника.

Из дневника немецкого офицера, который в те дни пытался со своими солдатами оттеснить противостоящие им подразделения Сталинградского фронта: “...части нашего корпуса понесли огромные потери, отражая в сентябре яростные атаки противника, который пытался прорвать наши отсечённые позиции с севера. Дивизии, находившиеся на этом участке, были обескровлены; в ротах оставалось, как правило, по 30–40 солдат”.

В конце ноября Сталин вновь вызвал к себе Жукова и Василевского.

Василевский только что вернулся из-под Сталинграда — изучал условия для контрнаступления армий левого крыла Юго-Восточного фронта.

Прежде чем идти к Верховному, они несколько часов совещались в Генштабе. Обменивались впечатлениями. Вносили поправки в первоначальный план.

Во время встречи в Кремле Сталин неожиданно предложил произвести реорганизацию фронтов и в связи с предстоящими планами масштабного наступления командующим войсками вновь образованного Донского фронта (бывшего Сталинградского) назначить Рокоссовского. А командующим создаваемого вновь Юго-Западного фронта — Ватутина. Такие назначения всех вполне устраивали.

В конце совещания Сталин сказал:

— Вылетайте обратно на фронт. Принимайте все меры, чтобы ещё больше измотать и обессилить противника. Посмотрите ещё раз намеченные планом районы сосредоточения резервов и исходные районы для Юго-Западного фронта и правого крыла Сталинградского фронта, особенно в районе Серафимовича и Клетской. Товарищу Василевскому с этой же целью следует выехать ещё раз на левое крыло Юго-Восточного фронта и там изучить все вопросы, намеченные планом.

“После тщательного изучения на месте всех условий для подготовки контрнаступления, — пишет Жуков в “Воспоминаниях и размышлениях”, — мы с А. М. Василевским вернулись в Ставку, где ещё раз был обсуждён план контрнаступления и после этого утверждён”. И далее: “Мне было приказано лично проинструктировать Военный совет Донского фронта о характере действий войск с целью всемерной помощи Сталинграду. Хорошо

помню разговор 29 сентября в землянке, в балке севернее Сталинграда, где размещался командный пункт командарма К. С. Москаленко.

На мои указания активных действий не прекращать, чтобы противник не перебрасывал с участка Донского фронта силы и средства для штурма Сталинграда, К. К. Рокоссовский сказал, что сил и средств у фронта очень мало и что ничего серьёзного мы здесь не добьёмся. Конечно, он был прав. Я тоже был такого мнения, но без активной помощи Юго-Восточному фронту (теперь Сталинградскому) удержать город было невозможно.

Первого октября я вернулся в Москву для дальнейшей работы над планом контрнаступления. От Сталинграда до Москвы летел в самолёте генерал-лейтенанта А. Е. Голованова, которым он управлял лично. Я с удовольствием сел в кабину к такому опытному лётчику.

Не долетая до Москвы, почувствовал, что самолёт неожиданно делает разворот и снижается. Я решил, что мы, видимо, уклонились от курса. Однако спустя несколько минут А. Е. Голованов повёл машину на посадку на незнакомой мне местности. Приземлились благополучно.

— Почему посадили машину здесь? — спросил я Голованова.

— Скажите спасибо, что были рядом с аэродромом, а то могли бы свалиться.

— А в чём дело?

— Обледенение.

Во время разговора подрулил мой самолёт, который летел вслед за нами, и на нём уже я добрался до Центрального московского аэродрома. Естественно, что полёты в сложных условиях, спешка с вылетами не могли быть всегда удачными.

Хорошо помню ещё одну “самолётную” историю, едва не стоившую нам жизни. Это было также во время полёта из Сталинграда в Москву. Погода в тот день стояла нелётная, шёл дождь. Москва сообщала, что над городом туман, видимость ограничена. А лететь надо: вызывал Верховный.

До Москвы летели неплохо, но на подходе к Москве видимость не превышала ста метров. По радио лётчику была дана команда из отдела перелётов ВВС идти на запасной аэродром. В этом случае мы наверняка опаздывали в Кремль, где нас ждал Верховный.

Приняв всю ответственность на себя, я приказал лётчику Е. Смирнову садиться на Центральный аэродром и остался в его кабине. Пролетая над Москвой, мы неожиданно увидели в 10–15 метрах от левого крыла горловину фабричной трубы. Я взглянул на Смирнова, он, что называется, не моргнув глазом, поднял самолёт чуть выше и через 2–3 минуты повёл его на посадку...”

Тринадцатого ноября Жуков и Василевский снова были у Сталина. Как вспоминал маршал, Верховный пребывал в хорошем расположении духа “и подробно расспрашивал о положении дел под Сталинградом в ходе подготовки контрнаступления”.

На этот раз обсуждали уже конкретные проблемы: соотношение сил и их боеспособность на флангах, показания пленных, опасность того, что немцы могут заподозрить неладное и в самый последний момент перебросят на фланги свои резервы. Разведка у них работала хорошо. Но пока всё шло так, как было задумано. 6-я полевая армия Паулюса и основные силы 4-й танковой втянулись в затяжные бои с нашими Сталинградским и Донским фронтами. Рокоссовский и Ватутин медленно их изматывали, морозили в донской степи. Наши резервные части, предназначенные для удара, сосредоточились в исходных районах, и, похоже, немецкая разведка их манёвр пока не обнаружила.

Василевский докладывал:

— Задачи фронтов, армий и войсковых соединений отработаны. Взаимодействие всех родов оружия увязано непосредственно на местности. Предусмотренная планом встреча войск ударных группировок Юго-Западного и Сталинградского фронтов отработана с командующими, штабами фронтов армий и тех войск, которые будут выходить в район Калач — хутор Советский.

В авиационных армиях подготовка, видимо, будет закончена не раньше 15 ноября. Варианты создания внутреннего фронта окружения сталинградской группировки противника и внешнего фронта для обеспечения ликвидации окружаемого врага можно считать отработанными. Подвоз боеприпасов, горючего и зимнего обмундирования несколько задерживается, но есть все основания рассчитывать, что к исходу 16–17 ноября материальные средства будут доставлены войскам. Контрнаступательную операцию можно начать войсками Юго-Западного и Донского фронтов 19 ноября, а Сталинградского фронта — на сутки позже.

Разница в сроках объясняется тем, что перед Юго-Западным фронтом были более сложные задачи. Он находился на большем удалении от района Калач — хутор Советский, и ему предстояло форсировать Дон.

Из “Воспоминаний и размышлений” Жукова: “Верховный слушал нас внимательно. По тому, как он не спеша раскуривал свою трубку, разглаживал усы и ни разу не перебил наш доклад, было видно, что он доволен. Само проведение такой крупной контрнаступательной операции означало, что инициатива переходит к советским войскам. Все мы верили в успех предстоящего контрнаступления, плоды которого могли быть значительными для освобождения нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков.

Пока мы докладывали, в кабинете Верховного собрались члены Государственного Комитета Обороны и некоторые члены Политбюро. Нам пришлось повторить основные вопросы, которые были доложены в их отсутствие.

После краткого обсуждения плана контрнаступления он был полностью утверждён.

Мы с А. М. Василевским обратили внимание Верховного на то, что немецкое главное командование, как только наступит тяжёлое положение в районе Сталинграда и Северного Кавказа, вынуждено будет перебросить часть своих войск из других районов, в частности из района Вязьмы, на помощь южной группировке.

Чтобы этого не случилось, необходимо срочно подготовить и провести наступательную операцию в районе севернее Вязьмы и, в первую очередь, разгромить немцев в районе Ржевского выступа. Для этой операции мы предложили привлечь войска Калининского и Западного фронтов.

— Это было бы хорошо, — сказал И. В. Сталин. — Но кто из вас возьмётся за это дело?

Мы с Александром Михайловичем предварительно согласовали свои предложения на этот счёт, поэтому я сказал:

— Сталинградская операция во всех отношениях уже подготовлена. Василевский может взять на себя координацию действий войск в районе Сталинграда, я могу взять на себя подготовку наступления Калининского и Западного фронтов.

Согласившись с нашим предложением, Верховный сказал:

— Вылетайте завтра утром в Сталинград. Проверьте ещё раз готовность войск и командования к началу операции.

Лично для меня оборона Сталинграда, подготовка контрнаступления и участие в решении вопросов операций на юге страны имели особо важное значение. Здесь я получил гораздо большую практику в организации контрнаступления, чем в 1941 году в районе Москвы, где ограниченные силы не позволили осуществить контрнаступление с целью окружения вражеской группировки.

За успешное общее руководство контрнаступлением в районе Сталинграда и достигнутые при этом результаты крупного масштаба в числе других я был награждён орденом Суворова I степени.

Получить орден Суворова I степени № 1 означало для меня не только большую честь, но и требование Родины работать ещё лучше, чтобы быстрее приблизить час полного разгрома врага, час полной победы. Орденом Суворова I степени были награждены А. М. Василевский, Н. Н. Воронов, Н. Ф. Ватутин, А. И. Ерёменко, К. К. Рокоссовский. Большая группа генералов, офицеров, сержантов и солдат также была удостоена правительственных наград”.

Характерно, что в мемуарах маршал в свой список награждённых орденом Суворова I-й степени последним ввёл Рокоссовского. А ведь заслуга Константина Константиновича в планировании и проведении сталинградских операций весьма и весьма высокая. Ревность.

Как вспоминал Александр Бучин, 15–16 ноября водителям был отдан приказ: заправить под завязку “хорьх” и обе машины сопровождения. Из Москвы выехали по Ленинградскому шоссе.

Жуков коротко сказал:

— К Пуркаеву.

Бучин водил машину лихо. Бывший спортсмен-автогонщик, он знал и чувствовал машину, как бывалый кавалерист коня. Жуков ему доверял. Он сам любил быструю езду и порой, когда ему казалось, что водитель недооценивает качество дороги, перекидывал через рычаг переключения скоростей ногу и давил на педаль газа или на ногу Бучина до предела. Бучин вспоминал, что часто, особенно когда опаздывали, они носились со скоростью 140–150 километров в час. Охрана в “эмках” на “хвосте” безнадежно отставала. Начальник охраны Бедов потом нервно выговаривал Бучину. А парень отворачивался и ухмылялся. Машина у него была куда сильнее, чем у эскорта.

Когда надо было снизить скорость, притормозить, Жуков подавал кавалерийскую команду: “Короче!”

В этот раз на Калининский фронт вместе с Жуковым поехал и командующий авиацией дальнего действия генерал Голованов. Бучин, поймав хороший участок шоссе, разогнал машину так, что Голованов, который вроде бы привык к высоким скоростям, сказал:

— Потише.

— Не лезь, — отмахнулся Жуков, — он знает, как ехать.

Но вскоре на обледенелом участке дороги — снова проклятый лёд! — их понесло. Бучин с трудом удержал “хорьх”. Когда машина снова зацепила твёрдое покрытие и уверенно помчалась дальше, Голованов вздохнул. Жуков даже не шевельнулся.

Примерно в двадцатых числах декабря, как вспоминал Бучин, “в строжайшей тайне” Жуков выехал на Юго-Западный фронт к Ватутину.

Странное дело, об этой поездке маршал в своих довольно подробных мемуарах даже не упомянул. А Бучин запомнил ту поездку потому, что впервые им, водителям, пришлось грузить свои машины на платформы.

Специально оборудованный поезд, на котором с некоторых пор Жуков как член Ставки выезжал к фронту, на этот раз остановился в тушике на станции Анна. Машины скатили по помостам. Состав замаскировали.

Несколько дней колесили они на своём “хорьхе” по степным дорогам. Бучин всё время с опаской оглядывал незнакомую открытую местность, следил, чтобы не отстала машина охраны.

Из воспоминаний Александра Бучина: “Вот опять плутаем. Не знаю, куда ехать. Стали. Метёт. В салоне позади высказывает свои соображения генерал-майор Л. Ф. Минюк, значившийся у нас под пышным титулом старший генерал-адъютант первого заместителя Верховного Главнокомандующего. Титул, кажется, придумал Жуков. Минюк, видимо, подбодрённый тишиной на переднем сиденье, увлёкся и пошёл объяснять, как нам выбраться на верный путь. Я уже собирался тронуть машину, как Георгий Константинович потребовал карту. Разложил на коленях, я подвечивал фонариком. Жуков довольно быстро разобрался в паутине степных дорог, отчеркнул нужное место ногтем и сказал, как ехать. Не поворачиваясь, он протянул карту через плечо назад в салон, Минюку, и от чистого сердца сказал:

— На, мудачок. Тебя в полковую школу отправить надо.

Генерал Минюк и сидевший рядом с ним Бедов притихли как мыши.

Какая-то мутная была поездка. По опустевшим дорогам. Фронт ушёл вперёд. Подолгу разыскивали нужные штабы и части. Снег милосердно покрыл шрамы войны, но не везде. Стояли сильные морозы, и трупы убитых и замёрзших красноармейцев и вражеских солдат иногда представляли в жутких застывших позах. Иные даже стояли в сугробах. Я старался не смотреть

по сторонам. Однажды вижу: мы едем навстречу чёрной массе — идёт колонна. Через снежную пелену старюсь разглядеть, кто, и похолодел — шинели и головные уборы не наши. Деваться некуда, подъехали. Оказалось, по дороге, как стадо, движется громадная толпа пленных итальянцев. Сыны солнечной Италии явились убивать нас и угодили в зиму. Именно в этом районе только что была наголову разбита итальянская армия. Вид у итальянцев был самый жалкий. Они понуро брели между сугробами.

Бедов, наша охрана, тут же завертелся, забеспокоился, запричитал: где конвой? Георгий Константинович не проронил ни слова и безучастно смотрел вперёд. Неожиданно он сказал: “Стой!” — и вышел из машины. В хвосте колонны десяток пленных, взявшись за оглобли, тащили сани, в них сидел конвоир — раненый красноармеец с ППШ на коленях. Из-под бинта видны были только глаза и часть лица. Узнав по папахе генерала, он неловко отдал честь и попытался слезть с саней. Жуков жестом остановил его и подчеркнута чётко отдал приветствие. “Вот и конвой”, — сказал Жуков, ни к кому особенно не обращаясь. Несколько минут мы постояли на дороге, пока стадо итальянцев под присмотром раненого конвоира не скрылось в снежной мгле”.

Конец 1942 года. Район Среднего Дона. Разгром 8-й итальянской армии. Размашистый бросок корпуса генерала Баданова на уничтожение немецкой авиабазы и аэродрома вместе с самолётами в районе станицы Тацинской, после чего сталинградская группировка немцев — 6-я армия — осталась без подвоза. На всём этом лежала тяжёлая печать жуковского стиля — стремительного, мощного, всегда неожиданного удара.

В ту же ночь, как вспоминал Бучин, они погрузили “хорьх” и машину охраны на платформу и уехали в Москву.

Жуков увидел результаты боёв, видел плоды трудов штабов и мужества дивизий и полков. Увидел и главного творца этой победы, отдал ему честь и со спокойным сердцем уехал на доклад к Верховному.

Глава тридцать первая

И СНОВА — РЖЕВ И ЛЕНИНГРАД

“Это была воистину выстраданная радость!”

На юге в районе Сталинграда бушевала операция “Зимняя гроза” — командующий группы армий “Дон” фельдмаршал Манштейн пытался танковым ударом деблокировать 6-ю армию Паулюса, окружённую в волжской степи. А на севере, в районе действий Калининского фронта, готовилась операция “Марс”. По своим масштабам и количеству войск, вовлечённых с обеих сторон, новая операция по ликвидации Ржевско-Вяземского выступа не уступала сталинградским “Урану” и “Малому Урану” вместе взятым.

Все действия армий Западного и Калининского фронтов должны были способствовать начавшемуся наступлению под Сталинградом.

Жуков в эти дни метался между Доном и Западной Двиной.

Район Нелидова.

Немцы ждали атаки именно здесь, и потому держали сильную группировку, опасаясь ослаблять её хотя бы дивизией для возможного латания дыр на юге. Вот почему бои в рамках операции “Марс” с самого начала носили упорный и кровопролитный характер. Ни одна из сторон не уступала. Жуков бросал в бой армии и танковые корпуса, Модель короткими и сокрушительными контратаками парировала эти удары.

Для Моделя Ржев стал местом, где он нашёл свою славу полковника. Именно за Ржев Гитлер вручил ему вначале Дубовые листья к Рыцарскому кресту, полученному в первые дни кампании на Востоке за удачный прорыв в районе Бреста, а потом Мечи. За Ржев он удостоился и очередного воинского звания — генерал-полковник.

Противник вынужден был держать здесь, на сравнительно небольшом участке фронта, 30 дивизий, в том числе несколько танковых.

Наступил момент, когда атаки на ржевско-сýchёвский плацдарм уже не имели смысла — дело под Сталинградом было сделано. Рокоссовский блестяще провёл операцию “Кольцо”, заблокировал в “котле” 6-ю армию фельдмаршала Паулюса и методично её дожимал. И Жуков скомандовал отбой.

Цена “отвлекающих” ударов под Ржевом была велика.

В начале января Жуков был уже в районе Ленинграда.

В Москве удалось побыть всего несколько часов. Встретился и переговорил с Верховным и — в путь. Домой захватить не успел. Александре Диевне нарочным передал письмо:

“8 января 1943 года.

Милый Шурик!

Какая неудача! Хотел я к тебе заскочить на 30–40 минут, но, увы, ты оказалась в театре. Ты, конечно, скажешь, что виноват я — не предупредил тебя о своём намерении. Так получилось, что задержался с передачей поезда с одной дороги на другую. Но что делать? Разделим вину пополам.

Как твоё самочувствие? Я пока ничего. Здоров. Кроме проклятого сустава. Он всё-таки меня угнетает. По возможности стараюсь лечить соляными ваннами и тепловыми лучами.

Ну, вот пока и всё...

Твой Жорж”.

Письмо весьма сдержанное. Никаких проявлений чувств.

“Проклятый сустав” Жукову в это время лечила младший лейтенант медицинской службы Лидия Захарова. А вот что за “тепловые лучи”, непонятно. Солнце в январе холодное...

Верховный на этот раз послал Жукова под Ленинград — проводить операцию “Искра”, целью которой было соединение войск Ленинградского и Волховского фронтов и создание сухопутного коридора между осаждённым Ленинградом и Большой землёй.

Спецпоезд, на котором Жуков отбыл на север, состоял из бронированного салон-вагона, нескольких вагонов охраны, связи и вагона, который занимала обслуга и водители. Кроме того, был вагон-гараж на две машины. Всего пять вагонов. Спереди и сзади были прицеплены платформы с бронеплощадками — 37-миллиметровыми зенитными орудиями и счетверёнными пулемётными установками. Весь состав был замаскирован под “зиму”.

Прибыв к месту назначения, Жуков выслушал доклад штаба Волховского фронта. Остаток ночи просидел над картами и донесениями разведки. Утром 11 января позвонил Сталину и доложил: в дивизиях, которым предстоит наступать, слишком мало танков и артиллерии, кроме того, слабо отработано взаимодействие не только на стыках армий, но и дивизий, полков.

Наступление отменить было уже нельзя. Пошли вперёд так. Артиллерия не смогла как следует подавить огневые точки, не разрушила оборону противника. Танки действовали в отрыве от пехоты. В итоге — провал.

Из донесения Жукова Сталину: “Основной недостаток в организации прорыва 2-й ударной армии — неправильно спланированная методика артиллерийской подготовки. Больше времени отводилось на всякого рода огневые налёты и меньше времени на методическую прицельную стрельбу по огневым точкам”.

Вскоре атаку повторили. Готовили её уже по методике Жукова.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Не скрою, в то утро мы волновались. Но вот началась операция. И словно гора свалилась с плеч! Нам стало ясно, что враг не знает, какими силами мы располагаем, и что время нанесения нашего мощного удара оказалось для него неожиданным”.

Главный маршал авиации Голованов подметил одну характерную черту полководческого дара Жукова: “Есть люди, которые по ходу развивающихся событий на поле боя почти безошибочно могут сказать, будет успех или не будет. К таким людям, по моим личным наблюдениям, относился и Жуков”.

Восемнадцатого января 1943 года войска двух фронтов сомкнулись. “Я увидел, с какой радостью бросились навстречу друг другу бойцы фронтов,

прорвавших блокаду, — писал маршал. — Не обращая внимания на артиллерийский обстрел противника со стороны Синявинских высот, солдаты по-братски, крепко обнимали друг друга. Это была воистину выстраданная радость!”

В тот же день последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Г. К. Жукову воинского звания Маршал Советского Союза.

Примерно через месяц маршальское звание было присвоено начальнику Генерального штаба Василевскому.

Однажды Сталин, заведя разговор о том, кто из великих русских полководцев, Суворов и Кутузов, искуснее, а стало быть, более велик и значим для истории, вдруг сказал: “Если бы можно было распоряжаться личными качествами людей, я бы сложил качества Василевского и Жукова вместе и поделил бы между ними пополам”.

Глава тридцать вторая

НА ОГНЕННОЙ ДУГЕ

“Никто никогда не называл его добрым...”

Немцы были сильно угнетены столь масштабной и почти непоправимой неудачей под Сталинградом. Им хотелось скорого реванша. И Манштейн добыл для фюрера пусть ограниченную, но всё же победу, которая на какое-то время скрасила мрачную атмосферу, царившую на Восточном фронте после кошмарной сталинградской зимы. Группа армий “Юг” провела успешный контрудар и отбила у Красной армии Харьков. Потом Белгород. Но, как оказалось, ненадолго.

В оперативном приказе войскам Гитлер сгруппировал задачи и мероприятия по обеспечению новой операции: “...я решил: как только позволят погодные условия, провести в качестве наступательного удара этого года операцию “Цитадель”.

...данному наступлению придаётся особое значение. Необходимо осуществить его быстро и с большой пробивной силой. Оно должно передать инициативу на эту весну и лето в наши руки.

...Цель наступления посредством массированного, беспощадно и быстро проведённого каждой из атакующих армий наступательного удара из района Белгорода и южнее Орла окружить находящиеся в районе Курска силы противника и концентрированным наступлением уничтожить их”.

Советская разведка в годы войны работала хорошо. Уже 12 апреля Сталин читал переведённый с немецкого текст директивы № 6 “О плане операции “Цитадель” немецкого Верховного командования”. Документ ещё не имел подписи Гитлера. Он в эти дни тоже внимательно изучал план своих генералов. Подпишет его через три дня.

Жуков отбыл в район Курска ещё 18 марта.

Генерал-адъютант Минюк о той поездке вспоминал: “для него (спецпоезда. — С. М.) не зажигался запретный красный свет даже перед крупными станциями городов — всё зелёный и зелёный. Мы чем-то напоминали пожарных, спешащих отвратить случившуюся беду. И это было именно так...”

На одной из станций поезд замедлил ход и повернул на запасной путь. Кругом руины станционных построек после недавнего авианалёта. Машины быстро выгрузили. Состав начали маскировать.

Офицер, прибывший из штаба Воронежского фронта, передал Жукову карту с нанесёнными на неё позициями своих войск и войск противника:

— На последний час, товарищ Маршал Советского Союза.

Жуков сориентировался по карте, уточнил место расположения штаба фронта и сказал:

— В штаб — потом. А сейчас — к фронту. — И, натягивая фуражку на глаза, кивнул офицеру связи:

— А почему руки дрожат?

— Штаб фронта в другой стороне, — ответил офицер. — А там... куда вы хотите ехать... Оттуда, по сведениям разведки, наступает танковый корпус СС.

— И что — страшно? — Жуков посмотрел в глаза офицеру.

Тот ничего не ответил.

Жуков сел на переднее сидение “хорьха” и повторил:

— К фронту.

Дорога была разбитой. Машину швыряло по раскисшим колеям. Жуков торопил водителя.

Из воспоминаний Александра Бучина: “...ожилла полузабытая картина ближнего тыла отступающей армии. Жуков с окаменевшим лицом смотрел на мчавшиеся навстречу грузовики, набитые солдатами, ездовых, беспощадно нахлестывавших лошадей, и тянувшиеся по обочинам группы солдат в грязи с головы до ног. Правда, почти все с оружием. Георгий Константинович бросил по поводу этого одобрительную реплику. И замолчал, следя за маршрутом по карте.

Нас не остановили даже попадавшие время от времени немецкие самолёты, обстреливавшие дорогу. Конец путешествия пришёл внезапно — раздалась гулкие выстрелы танковых пушек. Просвистели болванки. Задний ход, разворот — и назад, в Обоянь. Несколько снарядов подняли фонтаны грязи. Немецких танков мы так и не увидели, но они были близко — на расстоянии прямого выстрела. Если бы мы ехали по-прежнему, то через минуту-другую вкатились бы в боевые порядки авангарда танкового корпуса СС. Потом выяснилось, что на карте, вручённой маршалу, был неверно нанесён передний край — указан рубеж, с которого наши войска уже отступили.

В деревне под Обоянью Жуков прошёл в здание, где находился штаб Воронежского фронта. Мы, оставшиеся на улице, стали свидетелями того, как готовились дранать штабные. Для меня, прошедшего более полутора лет рядом с Жуковым, картина совершенно нереальная. Офицеры-штабисты поспешно кидали на машины какие-то ящики, связисты сматывали провода. Крики, шум, ругань”.

Увидев суету сборов, сильно смахивавшую на начало паники, Жуков нагнул фуражку “на половину носа” и приготовился к разносу, но заметил среди штабных Василевского, поморщился и потребовал командующего войсками Воронежского фронта доложить обстановку. Голикова он знал и по предвоенной работе, и по московской кампании, когда тот неудачно командовал левофланговой 10-й армией Западного фронта, самой мощной. Тогда, под Москвой во время наступления Голиков всё время опаздывал и пропускал контрудары отступающего врага. Ничего хорошего он не ждал от него и сейчас. Выслушал доклад и обратился к члену Военного совета Хрущёву. Тот и вовсе в конкретной обстановке “плавал”.

— Эх вы! — бросил Жуков и отвернулся.

“Докладчики” ему этого не простят. В 1957-м, когда маршала будут распинать на Президиуме ЦК, а потом и на Пленуме ЦК КПСС за “подготовку захвата власти и попытку установления личной диктатуры”, Первый секретарь ЦК Никита Сергеевич Хрущёв и начальник Главного Политического управления Советской армии Военно-Морского флота генерал армии Филипп Иванович Голиков будут стараться особенно. Припомнят всё.

Ночью через Обоянь пошли танки, противотанковая и гаубичная артиллерия на механической тяге. Мощные трёхосные “студебеккеры”, поставляемые американцами в рамках “ленд-лиза”, с тяжёлыми пушками на прицепе. Шла пехота. Навстречу танковому корпусу СС Жуков выдвигал срочно переброшенную из-под Сталинграда 21-ю армию генерала Чистякова.

Утром Жуков поехал посмотреть на работу противотанковых батарей. Всё поле у дороги было заставлено сгоревшими танками и бронетранспортёрами. Привели пленных немецких танкистов. Он допросил их. Двоих приказал отпустить:

— Пусть идут в своё расположение и расскажут... Остальных — на сборный пункт.

И вернулся в штаб фронта. К тому времени штаб работал в спокойном режиме. Но время было всё же упущено. Танково-гренадерские дивизии 2-го танкового корпуса СС при поддержке армейского корпуса “Раус” захватила Белгород.

Можно полагать, что замена командующего войсками Воронежского фронта генерала Голикова генералом Ватутиным произошла не без участия Жукова как представителя Ставки. Тем более, что Ватутина Жуков ценил очень высоко, и когда на очередном трудном участке требовался умный и ответственный командир, он называл Сталину имя Ватутина.

Воевал Николай Фёдорович Ватутин на родине. Его деревня Чепухино под Валуйками была уже освобождена.

Начальник охраны Бедов вспоминал: “В эти дни в разговоре по телефону со Ставкой Г. К. Жуков потребовал заменить командующего фронтом. Он сказал, что генерал Голиков не способен справиться в создавшейся обстановке. Помню, как маршал, по-видимому, на возражение твёрдо заявил по телефону, что Голиков повторяет старые ошибки. Под Сухиничами он плохо показал себя, командуя 10-й армией. А теперь допустил более серьёзный просчёт. Не можем мы губить войска. Ставка по настоянию Г. К. Жукова освободила Ф. И. Голикова от командования фронтом”.

Ватутин прибыл в штаб Воронежского фронта 22 марта. В тот же день они вдвоём с Жуковым поехали в войска. В 21-й армии допросили свежих “языков”, захваченных на разных участках. На следующий день поехали в расположение 4-й армии.

Двадцать четвёртого марта он был уже в штабе Центрального фронта у Рокоссовского. За несколько дней вместе с комфронта побывал в 13-й, 70-й, 65-й и 48-й армиях.

По воспоминаниям водителя Бучина, Жуков и Рокоссовский, когда покидали расположения частей, порой “вели беседы на ничего не значащие или отвлечённые темы”. Их связывало прошлое, командирская юность, когда оба стремительно и трудолюбиво делали карьеру.

Информацию, полученную во время поездок, после консультации с Василевским по приезде в Курск Жуков обобщил в краткий, но обстоятельный доклад и направил Верховному.

“Товарищу Васильеву*.

5 ч. 30 мин. 8 апреля 1943 г.

Докладываю своё мнение о возможных действиях противника весной и летом 1943 года и соображения о наших оборонительных боях на ближайший период.

1. Противник, понеся большие потери в зимней кампании 42/43 года, видимо, не сумеет создать к весне большие резервы для того, чтобы вновь предпринять наступление для захвата Кавказа и выхода на Волгу с целью глубокого обхода Москвы.

Ввиду ограниченности крупных резервов противник вынужден будет весной и в первой половине лета 1943 года развернуть свои наступательные действия на более узком фронте и решать задачу строго по этапам, имея основной целью кампании захват Москвы.

Исходя из наличия в данный момент группировок против наших Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернёт против этих трёх фронтов, с тем чтобы, разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу манёвра для обхода Москвы по кратчайшему направлению.

2. Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13–15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесёт удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока.

Вспомогательный удар с целью разрезания нашего фронта надо ожидать с запада из района Ворожбы, что между реками Сейм и Псел, на Курск

* Один из псевдонимов И. В. Сталина во время Великой Отечественной войны.

с юго-запада. Этим наступлением противник будет стремиться разгромить и окружить наши 13, 70, 65, 38, 40-ю и 21-ю армии. Конечной целью этого этапа может быть выход противника на рубеж река Короча—Коро́ча—Тим—река Тим—Дросково.

В настоящее время перед Центральным и Воронежским фронтами противник имеет до 12 танковых дивизий и, подтянув с других участков 3—4 танковые дивизии, может бросить против нашей курской группировки до 15—16 танковых дивизий общей численностью до 2500 танков.

6. Для того чтобы противник разбился о нашу оборону, кроме мер по усилению ПТО* Центрального и Воронежского фронтов, нам необходимо как можно быстрее собрать с пассивных участков и перебросить в резерв Ставки на угрожаемые направления 30 полков ИШТАП**; все полки самоходной артиллерии сосредоточить на участке Ливны—Касторное—Ст. Оскол. Часть полков желательно сейчас же дать на усиление Рокоссовскому и Ватутину и сосредоточить как можно больше авиации в резерве Ставки, чтобы массированными ударами авиации во взаимодействии с танками и стрелковыми соединениями разбить ударные группировки и сорвать план наступления противника.

Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю целесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьём основную группировку противника.

Константинов***”.

Как покажут дальнейшие события, Жуков не ошибся.

Дар предвидения, о котором говорят многие биографы полководца и журналисты, — это, конечно же, не некие экстрасенсорные способности, которые порой открываются в человеке. Жуков свои прогнозы выстраивал на основе тщательного и всестороннего изучения обстановки, данных армейской, агентурной и авиационной разведок, разговоров с бойцами на передовой, с командирами рот и батальонов, с командующими армиями и фронтов. Не раз ползал под пулями, чтобы посмотреть через нейтральную полосу, как ведёт себя противник. И делал это не ради рисовки перед своими подчинёнными и не “на камеру”, как говорят сейчас. Ему, как опытному зверю, необходимо было понюхать ветер с той стороны, чтобы почувствовать силу другого зверя, с которым предстояло схватиться...

Сталин долго колебался перед тем, как принять решение: преднамеренная оборона, на которой настаивал Жуков, или наступление, упреждающий удар, о чём, словно сговорившись, твердили все командующие фронтами...

Из “Воспоминаний и размышлений”: “В середине апреля Ставкой было принято предварительное решение о преднамеренной обороне. Правда, к этому вопросу мы возвращались неоднократно, а окончательное решение о преднамеренной обороне было принято Ставкой в начале июня 1943 года. В то время фактически уже стало известно о намерении противника нанести по Воронежскому и Центральному фронтам мощный удар с привлечением для этого крупнейших танковых группировок и использованием новых танков “тигр” и “пантера” и самоходных орудий “фердинанд”.

Главными действующими фронтами на первом этапе летней кампании Ставка считала Воронежский, Центральный, Юго-Западный и Брянский. Здесь, по нашим расчётам, должны были разыграться главные события. Мы хотели встретить ожидаемое наступление немецких войск мощными средствами обороны, нанести им поражение и, в первую очередь, разбить танковые группировки противника, а затем, перейдя в контрнаступление, окончательно его разгромить. Одновременно с планом преднамеренной обороны и контрнаступления решено было разработать также и план наступательных

* Противотанковая оборона.

** Истребительно-противотанковый артиллерийский полк.

*** Один из псевдонимов Г. К. Жукова во время войны.

действий, не ожидая наступления противника, если оно будет затягиваться на длительный срок.

Таким образом, оборона наших войск была, безусловно, не вынужденной, а сугубо преднамеренной, и выбор момента для перехода в наступление Ставка поставила в зависимость от обстановки. Имелось в виду не торопиться с ним, но и не затягивать его”.

Армии и фронты начали зарываться в землю. Как рассказывали фронтовики — участники битвы на Орловско-Курской дуге, перед дракой им пришлось основательно, до кровавых мозолей, поработать: отрывали окопы, траншеи, строили блиндажи, пилили лес, укрепляли ходы сообщения и землянки, накатывали свежие настилы, меняли сваи на мостах, усиливали их, создавали ложные аэродромы, артиллерийские позиции, строили макеты танков.

Судя по документам, опубликованным в разное время исследователями Курской битвы, о предстоящей широкомасштабной операции знали обе стороны. И всё же и работы по строительству обороны, и передвижение, и концентрацию войск, боевой техники сохраняли в строжайшем секрете.

В эти дни произошёл такой эпизод. Жуков отправился в штаб Степного фронта, к Коневу. Александр Бучин вспоминал: “Когда мы подъехали на двух “виллисах” к шлагбауму, одуревший от жары и езды Минюк неожиданно гаркнул часовому: “Подымай! Маршал Жуков едет!” Красноармеец у шлагбаума, однако, потребовал предъявить удостоверение. На глазах группы встречающих Жуков молча протянул документ. Солдат не только прочитал его, но и отвернул ворот кожаной куртки Жукова. Увидев маршальский погон, пропустил. Жуков громко поблагодарил за службу и, сняв с руки часы, подарил часовому”.

Чтобы обеспечить успех нового грандиозного наступления, немцы сосредоточили против Курского выступа группировку, насчитывавшую до 50 дивизий, из них 18 танковых и моторизованных, две танковые бригады, три отдельных танковых батальона и восемь дивизионов штурмовых орудий, общей численностью, согласно советским источникам, около девятисот тысяч человек. Руководство войсками осуществляли командующий группой армий “Центр” фельдмаршал Клюге и командующий группой армий “Юг” фельдмаршал Манштейн.

Соотношение сил сторон, по подсчётам отечественных и западных историков, выглядит так: против 900 тысяч германских солдат и офицеров Красная армия выставила 1 337 000 человек; против 2700 танков и САУ вермахта и СС наши выставили 3306; против десяти тысяч орудий и миномётов наши войска имели 20 220 стволов; против 2500 самолётов люфтваффе наших 2650.

Таким образом, даже на стадии подготовки к решающему летнему сражению 1943 года Сталин дал понять и Гитлеру, и всему миру, в том числе и союзникам, которые продолжали затягивать сроки открытия “второго фронта” в Европе, что позиционную войну Советский Союз в сущности выиграл. Победа же на поле боя — всего лишь вопрос времени.

Начало битвы Жуков, как известно, встретил в штабе Центрального фронта у Рокоссовского. И пробыл там до 9 июля. Впоследствии маршал Рокоссовский зачем-то исказит правду истории, написав в своих мемуарах, что Жуков отбыл из его штаба через несколько часов после артподготовки.

Именно здесь Жукова застал звонок Верховного: срочно ехать в штаб Брянского фронта и вводить в дело ударные силы на северном участке Курской дуги.

В апреле 1965 года Жуков прочитает мемуары своего боевого товарища и бывшего командующего войсками Центрального фронта Рокоссовского, обнаружит там неточности. Он сразу же поймёт природу этой забывчивости и напишет в письме Рокоссовскому: “Описывая подготовку войск Центрального фронта к Курской битве, Вы написали о выдающейся роли Хрущёва Н. С. в этой величайшей операции. Вы написали, что он приезжал к Вам на фронт и якобы давал мудрые советы, “далеко выходящие за рамки фронтов”. Вы представили в печати его персону в таком виде, что Хрущёв

вроде играл какую-то особо выдающуюся роль в войне. А этого-то, как известно, не было, и Вы это знали.

Как Вам известно, с Хрущёвым приезжал и я. Напомню, что было на самом деле: был хороший обед, за которым Хрущёв и Булганин крепко подвыпили. Было рассказано Хрущёвым и Булганиным много шуток, анекдотов, а затем Хрущёв уехал в штаб Воронежского фронта, а я остался во вверенном Вам фронте, где отрабатывались вопросы предстоящей операции с выездом в войска. Надеюсь, этого Вы ещё не забыли”.

Да, партийцы выпили и закусили, побалагурили и — спать. А солдатам надо было воевать. Жуков напомнил своему сослуживцу, что в июле 1943-го приезжал в его штаб не на стерлядь, как партийцы, а работать.

Рокоссовский писал свои мемуары, конечно же, с оглядкой на те обстоятельства и те нравы, которые царили тогда. А главным обстоятельством был Никита Сергеевич Хрущёв. Чтобы мемуары увидели свет, надобно было считаться с этим обстоятельством. И свет они, конечно же, увидели. Книга “Солдатский долг” вышла в Воениздате в 1968 году. Правда, в урезанном виде. Военная цензура работала, как муравей. Книга, в восстановленной редакции, считается одной из лучших в ряду маршальских мемуаров.

Следует заметить, что и Жуков сходит по воду с тем же ведром: он будет писать “Воспоминания и размышления” уже в эпоху Брежнева и, по примеру Рокоссовского, тоже будет нуждаться в “мудрых советах” партийного товарища. Правда, тот товарищ рангом оказался куда ниже, и поэтому эпизод будет выглядеть совсем нелепым. Так что, как говаривали в Стрелковке: что в людях ведётся, то и нас не минует...

Американский историк Майкл Кайдин написал о Курской битве и роли Жукова в этом грандиозном событии: “Философия человека, который будет командовать советскими силами в Курской битве, была совершенно ясна ещё до того, как немцы начали атаку. Присутствие Жукова кардинально повлияло на ход сражения. Именно поэтому Манштейн был твёрдо уверен в том, что операция “Цитадель” не должна была проводиться. Манштейн знал, что в присутствии Жукова, и особенно с учётом двухмесячной отсрочки операции, оборона Красной армии будет настолько сильной, что сокрушить её будет невозможно. Но было уже слишком поздно, и Манштейн пошёл на роковой штурм.

...Никто никогда не называл его добрым. Он едва ли делал что-либо такое, что бы отдалённо напоминало это представление. Действительно, он казался даже больше машиной, чем человеком, полностью посвящавшей себя тому, что должно было, по его мнению, быть сделано. Он относился совершенно равнодушно к смерти, независимо от количества погибших и от того, умирали ли враги или его собственные люди. Только одно имело значение для маршала Георгия Жукова — цель.

Он признавал только одного бога — полную преданность своему долгу. Хуже его неудовольствия мог быть только расстрел. Он не принимал никаких извинений, и сам не приносил их никому. Он был выше всего, за исключением тщательности и дотошности в своих действиях. Он не оставлял ничего на волю случая и наказывал, иногда с ужасными результатами, своих подчинённых, которые его подводили.

Тем не менее, никто в той же степени, что и он, не был ответственен за неудачи Германии. Он побеждал немцев везде, где сталкивался с ними. Он никогда не требовал от своих подчинённых низкопоклонства, но он заслужил их непоколебимое уважение. Он был жёстким, талантливым, блистательным.

...В каждом бою Жуков командовал более чем миллионом людей, обычно двадцатью или более армиями каждый раз. Число танков под командованием Жукова было огромным. С начала Курской битвы у него в распоряжении имелись первые русские самоходные установки. Он не просто использовал массовые артиллерийские обстрелы, он верил в эффективность плотных, непрекращающихся обстрелов. Он широко использовал тактику дальнего боя везде, начиная от миномётных обстрелов и заканчивая массированными ракетными обстрелами.

В концентрацию огневой мощи он верил больше, чем каким-либо цифрам. Он собрал все самолёты, способные подняться в воздух и сражаться. На некоторых направлениях он использовал мины десятками тысяч. С людьми дело обстояло так же, как и с орудиями, которыми они сражались; просто они были другим оружием. Они должны были быть приготовлены к бою настолько хорошо, насколько можно, им было выдано лучшее снаряжение, и они отправлялись в самое сердце сражения. Для него они были всего лишь цифрами. Он не сожалел о погибших, если цель достигалась, враг был разбит, бой был выигран.

...Сложно спорить с таким рассуждением. Если бы Жуков не был бы тем, кем он был, если бы он не поступал так, как поступил, возможно, что решающие сражения в России не были бы выиграны, а тогда потери в России были бы сравнимы с потерями во всей Европе*.

Потери немцев в операции “Цитадель”, которую они даже не смогли довести до конца, были огромными. Потери наших фронтов оказались ещё больше. Но — удивительно дело! — после Курской битвы Красная армия окрепла, возрос её дух, солдаты получили новое оружие и технику и готовы были преследовать отступающего врага. Нечувствительность к потерям свидетельствовала о силе организма Красной армии и её тылов.

Гитлер уже не мог восстановить зияющие пустоты в своих шеренгах и пытался к тыловым позициям, к Днепру, к спасительным его водам и кручам западного берега, по которому пролегал спасительная “Линия Пантера—Вотан”.

Глава тридцать третья

ДНЕПР

*“Больше тянет в поле, к войскам,
там я как рыба в воде...”*

В начале августа 1943 года в разгар наступательной операции “Полководец Румянцев” Жуков въехал на “хорьхе” в Белгород в сопровождении машины охраны. Они пробирались по улицам, ещё заполненным дымом и чадом недавнего боя, среди полуразрушенных домов, вслед за танками 1-го механизированного корпуса генерала Соломатина.

Тем временем севернее авангарды Брянского фронта захватили город Орёл.

В Москве по приказу Сталина был произведён первый салют в честь освобождения двух русских городов доблестными войсками наступающей Красной армии. Салюты в честь победителей теперь станут постоянными. Начинаясь другая война.

Шестого августа Жуков и командующий войсками Степного фронта Колев, сгруппировав свои соображения по дальнейшему развитию операции “Полководец Румянцев”, телеграфировали Верховному. Их план предусматривал дальнейшее наступление с целью окружения харьковской группировки противника и освобождения Харькова. Буквально через несколько часов они получили ответную директиву: “Представленный тов. Юрьевым* план операции “Румянцев” Ставка Верховного Главнокомандования утверждает и одновременно указывает:

1. 57-ю армию Гагена с 24.00 8 августа передать из состава Юго-Западного фронта в состав войск Степного фронта с задачей ударом в обход Харькова с юга содействовать главной группировке Степного фронта в овладении Харьковом. Разгранлинией между Степным и Юго-Западным фронтами установить левую границу 57-й армии.

2. Основная задача Юго-Западного фронта — нанести главный удар на юг в общем направлении Голая Долина, Красноармейское и во взаимодействии с Южным фронтом разгромить Донбасскую группировку противника и овладеть районом Горловка, Сталино.

* Псевдоним Г. К. Жукова.

3. Основная задача Южного фронта — нанести главный удар в общем направлении Куйбышево, Сталино, где сомкнуться с ударной группой Юго-Западного фронта.

Готовность к наступлению Юго-Западного и Южного фронтов 13—14.8.1943 г. Тов. Александрову* план действий ЮЗФ и ЮФ представить 10.8 на утверждение Ставки.

4. Координацию действий возложить: между Воронежским и Степным фронтами на тов. Юрьева, между Юго-Западным и Южным фронтами на тов. Александрова.

Ставка Верховного Главнокомандования И. Сталин А. Антонов”.

Наступление продолжало развиваться. К исходу 11 августа 1943 года авангарды Степного и Воронежского фронтов с боями прошли до 100 километров, овладели важнейшими узлами обороны противника Богодухов и Гайворон. Танки и десант 1-й танковой армии генерала Катукова охватили харьковскую группировку противника. Одновременно с подвижными частями Воронежского фронта войска Конева заперли немецкую группировку с северо-востока.

Двадцать третьего августа 1943 года войска Конева окончательно дожали харьковскую группировку противника и вошли в Харьков.

Конев доложил об этом Верховному, и тот, радостный, ответил:

— Поздравляю! Салютовать будем по первому разряду.

Это было второе и окончательное освобождение Харькова. Крупнейший после Москвы и Ленинграда индустриальный, научный и транспортный центр, бывшая столица Советской Украины, принимал освободителей. Состоялся торжественный митинг.

На митинге выступали генерал Конев, маршал Жуков и генерал Хрущёв. Но произошёл казус. Коневу после его выступления жители Харькова аплодировали с радостной благодарностью, дружно и громко. Когда выступил Хрущёв, ему тоже аплодировали, но сдержанно, как аплодируют из вежливости. После слов Жукова площадь снова взорвалась восторгом и криками “Ура!” Хрущёву стало обидно. Он долгие годы работал здесь, поднимал народное хозяйство, строил новую жизнь, с 1938 года руководил партией большевиков Украины, всегда покровительствовал Харькову, и — так встретили... Возможно, Никите Сергеевичу не прощали репрессий, когда он в предвоенные годы твёрдой партийной рукой выкорчёвывал здесь “врагов народа”. Потом, когда Хрущёв войдёт в силу уже в Москве, он припомнит маршалам это унижение.

С взятием Харькова наступательная операция “Полководец Румянцев” была завершена. Закончилась и Курская битва.

Жуков был награждён вторым орденом Суворова 1-й степени. Эта награда ему льстила. Награды он любил. Полководцы, так же, впрочем, как и простые солдаты, должны любить и чтить награды Родины.

Генерал фон Меллентин впоследствии напишет: “Русское Верховное Главнокомандование руководило боевыми действиями в ходе Курской битвы с большим искусством, умело отводя свои войска и сводя на нет силу удара наших армий при помощи сложной системы минных полей и противотанковых заграждений. Не довольствуясь контрударами внутри Курского выступа, русские нанесли мощные удары на участке между Орлом и Брянском и добились значительного вклинения. В связи с решением Гитлера о переходе к оборонительным действиям положение на Восточном фронте стало критическим. 4-я танковая армия получила сообщение о немедленном отводе танкового корпуса СС для переброски его в Италию, а 48-му танковому корпусу было приказано направить дивизию “Великая Германия” для оказания поддержки группе армий “Центр” фельдмаршала фон Клюге. При таких обстоятельствах было невозможно удержать занятые рубежи внутри Курского выступа, и к 23 июля 4-я танковая армия была отброшена на свои исходные позиции.

После провала этого наступления, потребовавшего от немецких войск высшего напряжения, стратегическая инициатива перешла к русским”.

* Псевдоним А. М. Василевского.

Жуков видел усталость своих войск. Солдаты только вышли из боя, почти непрерывного, который длился два месяца. Люди нуждались в отдыхе, полки и дивизии — в пополнении, войска — в перегруппировке.

Двадцать пятого августа 1943 года, на следующий день после взятия Харькова, Жуков срочно прибыл в Кремль. Верховный потребовал его присутствия на заседании Ставки по поводу дальнейших действий фронтов в ходе продолжающегося наступления.

Уловив общий тон выступающих, в том числе и Верховного, Жуков, тем не менее, высказал своё мнение: германские войска на востоке уже не в состоянии вести большое наступление, но обороняться способны жёстко, применяя мощные контратаки; целесообразно именно сейчас продолжить общее наступление силами всех фронтов Западного и Юго-Западного направлений с целью выхода в восточные районы Белоруссии и на линию Днепра; при этом необходимо исключить фронтовые лобовые удары, проводить операции по отсечению и охвату группировок противника; ближайшим районом проведения такой операции может стать Донбасс...

Сталин выслушал предложения Жукова, затем его сторонников и попыток: для реализации идеи товарища Жукова понадобится слишком много времени, немцы успеют отойти к Днепру и организовать там сильную оборону, а поэтому, не теряя ни минуты, нужно продолжать фронтальное наступление, чтобы как можно скорее отбросить противника за пределы своей территории.

В конце августа 1943 года Гитлер прибыл в Винницу в свою ставку “Werwolf”. Говорят, здесь он проводил свои оккультные мистерии, пытаясь вовлечь в “свою победу” вземные и иные силы. Известно, что именно с командного пункта в Виннице он отдавал приказы на штурм Сталинграда, а затем на проведение операции “Цитадель”.

В Виннице немцам нравилось. Красивый ландшафт, мягкий климат, прекрасная природа, чем-то напоминавшая районы северной Германии. В свободные минуты Гитлер любил прокатиться на катере по Южному Бугу. Его восхищали живописные берега и бесконечные просторы. Их он планировал заселить арийцами. Герман Геринг любил посещать Винницкий музыкально-драматический театр. После оперы “Кармен” зашёл за кулисы, расцеловал ручки всех театральных красавиц и пожелал увидеть на винницкой сцене почитаемого немцами Вагнера. Внешний вид балерин, однако, не вполне устроил рейхсмаршала. Он заметил, что за год оккупации они “непозволительно похудели”, и распорядился выписать артистам дополнительный паёк. Балерины теперь сверх пайка исправно получали жиры, масло, изюм, шоколад и мыло. После этого труппа начала репетировать одну из опер Рихарда Вагнера. Но постановка не состоялась. В марте 1944 года войска 1-го Украинского фронта под командованием Жукова ворвутся в Винницу. Немцы, уходя из города, взорвут всё, что можно, в том числе и командный пункт Гитлера, и здание театра.

Восьмого сентября Гитлер выехал из “Werwolf” в Запорожье в штаб группы армий “Юг” и провёл срочное совещание со своими генералами. В то время вермахт ещё контролировал обширные районы и ключевые плацдармы на левом берегу Днепра. Во время обмена мнениями высказался Манштейн. Именно на его группировку все эти недели русские оказывали самое мощное давление. Вспоминая о своём докладе на запорожском совещании, он писал в книге “Утерянные победы”: “Хотим мы или не хотим, но мы будем вынуждены отойти за Днепр, особенно принимая во внимание возможные последствия чрезвычайно напряжённой обстановки на северном фланге нашей группы. Чтобы получить необходимые силы для подкрепления этого фланга, я предложил немедленно отвести группу “Центр” на рубеж Днепра. В результате этого её фронт сократился бы на одну треть, и мы сэкономили бы силы, которые позволили бы нам сосредоточить, наконец, достаточно крупные соединения войск на решающем участке Восточного фронта. Теперь Гитлер в принципе соглашался с необходимостью отхода северного фланга на рубеж Мелитополь—Днепр, хотя он всё ещё надеялся избежать этого путём подтягивания сюда новых дивизионов штурмовых орудий (САУ). Как всегда, он думал, что использование технических средств будет достаточным для ста-

билизации обстановки, которая могла быть достигнута на самом деле только введением в бой большого числа новых дивизий. Относительно высвобождения сил из района группы “Центр” путём отхода на верхний Днепр он заявил, однако, что быстрый отход на такое большое расстояние неосуществим. Такое большое передвижение частей затянется якобы вплоть до наступления распутицы. Кроме того, он считал, что будет потеряно много техники (как это произошло при отходе с Орловской дуги). Вообще отход на промежуточный рубеж дальше на восток был, по его мнению, возможен, но не дал бы нам необходимой компенсации в виде экономии сил”.

Гитлер приказал оставить кубанский плацдарм и выделит из состава группы армий “Центр” один корпус: две танковых и две пехотных дивизии.

В это время главной заботой Гитлера и его фельдмаршалов были поиски резервов — откуда бы выкроить лишнюю дивизию. Манштейн, конечно же, смотрел в корень: “Стабилизация обстановки” “могла быть достигнута... только введением в бой большого числа новых дивизий”.

К концу сентября 1943 года войска Центрального, Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного фронтов, выполняя директиву Ставки, вышли к Днепру на 750-километровом участке от Лоева на севере до Запорожья на юге и с ходу приступили к форсированию реки.

На подступах к Днепру и Десне в те дни стояла довольно мощная наша группировка: пять фронтов — 2 633 000 человек, более 51 200 орудий и миномётов, 2400 танков и самоходных установок, 2850 самолётов разных типов. Против двух групп армий: “Центр” и “Юг” — 1 240 000 человек, 12 000 орудий и миномётов, 2100 танков и штурмовых орудий, 2100 самолётов.

Более успешно в этом марше на запад действовали войска под командованием Центрального и Воронежского фронтов. Рокоссовский и Ватутин буквально гнали свои армии и корпуса вперёд, используя выгодные обстоятельства. Наши авангарды рассекали немецкую оборону на отдельные участки и группы. Изолированные, лишённые подвоза и возможности манёвра, они отходили к киевским переправам, чтобы не оказаться под ударом вторых эшелонов. Создались благоприятные условия для полного окружения этих групп восточнее Киева.

Рокоссовский в своих воспоминаниях сетовал на то, что Жуков, координировавший действия двух фронтов, не дал согласия на проведение этой операции. В итоге время было упущено, и противник смог выйти к днепровским переправам раньше, чем там появились передовые части армий первого эшелона. Избежавшие окружения на левом берегу благополучно перебрались на правый и уплотнили боевые порядки Восточного вала, изготовившегося к обороне.

Двадцать четвёртого сентября 1943 года на правом берегу на участке наступления Воронежского фронта в районе Великого и Малого Букрина был выброшен воздушный десант с целью “захватить плацдарм, перерезать основные пути сообщения, ведущие к Днепру, и не допустить подхода к западному берегу Днепра резервов противника. Тем самым обеспечить успешное ведение боя за расширение плацдармов на Днепре в районе Великого Букрина”.

Однако операцию подготовили и проводили второпях, без предварительной разведки, десантирование производили в неблагоприятную погоду, при сильном ветре. Лётчики путались в маршрутах. Несколько бортов выгрузили парашютистов прямо на позиции немецких войск, где их встретили зенитными автоматами и стрелковым оружием. Несколько самолётов произвели десантирование на левом берегу. Один — над Днепром; все парашютисты утонули. Другие — на высоких скоростях и на огромной высоте, так что десантники потом долго искали друг друга, чтобы собраться в подразделения. Не все после приземления смогли отыскать разбросанные на большие расстояния контейнеры с грузами, где находилось оружие, боеприпасы, продукты, медикаменты и необходимое снаряжение. Из десяти тысяч бойцов на правый берег было перебродшено всего 4575 человек. Без артиллерии и миномётов. Десантники сразу же попали под огонь противника. И только третья часть из них смогла объединиться и выстроить оборону, а впоследствии даже захватить плацдарм и обеспечить переправу нашим войскам.

Операцию готовил и координировал штаб Воронежского фронта. Утверждал план представитель Ставки Жуков.

Третьего октября 1943 года из Москвы пришла директива командующему войсками Воронежского фронта и представителям Ставки “О причинах неудачи воздушного десанта на Воронежском фронте и об изъятии воздушно-десантных бригад из подчинения командования фронта”.

“3 октября 1943 г. 01 ч. 40 мин.

Констатирую, что первый воздушный десант, проведённый Воронежским фронтом 24 сентября, провалился, вызвав массовые ненужные жертвы. Произошло это не только по вине тов. Скрипко, но и по вине тов. Юрьева* и тов. Ватутина, которые должны были контролировать подготовку и организацию выброски десанта.

Выброска массового десанта в ночное время свидетельствует о неграмотности организаторов этого дела, ибо, как показывает опыт, выброска массового ночного десанта даже на своей территории сопряжена с большими опасностями.

Приказываю оставшиеся полторы воздушно-десантные бригады изъять из подчинения Воронежского фронта и считать их резервом Ставки.

И. СТАЛИН”.

Жуков получил от Верховного щелчок по носу.

Двадцать восьмого сентября 1943 года Ставка возложила на Жукова координирование действий войск Центрального и Воронежского фронтов с целью овладения Киевом.

Двадцатого октября 1943 года фронты получили новые наименования: Центральный стал 1-м Белорусским и нацеливался на белорусское направление, а Воронежский — 1-м Украинским и сразу же получил приказ взять Киев.

Первые недели боёв показали, что Манштейн сдавать Киев не намерен. Войска Ватутина вели атаки с двух направлений: основное наступление шло с юга, с Букринского плацдарма, одновременно с севера, с Лютежского плацдарма проводились вспомогательные удары.

“Здравствуй, Шурик, — писал Жуков в эти дни жене, выкроив свободную минуту. — Шлю тебе привет и крепко целую. Обними и крепко поцелуй Элочку и Эллочку... Посылаю семечек. Делать вам всё равно нечего, хоть будете их грызть. Посылаю обратно тёплую кофточку, она очень кусачая и её носить совершенно невозможно, она колет, как колочая проволока. Пусть лучше получают мягкий свитер. Дела у нас по-прежнему неплохие. Сидим на Днепре. Немцы хотят во что бы то ни стало удержаться на Днепре. Но, видимо, им это не удастся. Я по-прежнему езжу по армиям, в вагоне не могу — характер, видимо, такой, больше тянет в поле, к войскам, там я как рыба в воде. Здоровье неплохое. Плохо слышу. Надо бы опять полечить ухо, да вот пока не могу организовать. Иногда немного побаливает голова и нога. Ну вот, пока всё, что хотел тебе написать. Желаю тебе и ребятам здоровья. Крепко, крепко всех вас целую”.

Двадцать пятого октября 1943 года Жуков приказал перебросить войска с Букринского плацдарма на Лютежский. Операция была проведена в кратчайшие сроки, скрытно. Войска сосредотачивались в новых районах и готовились к атаке, соблюдая при этом строжайшую секретность. Таким образом, к северу от Киева была сконцентрирована мощнейшая группировка в составе общевойсковой, танковой армий и двух отдельных корпусов — танкового и артиллерийского корпуса прорыва.

Верховный торопил со сроками — взять Киев к 7 ноября, к двадцать шестой годовщине Великого Октября. И дело было не только в дате. “Решая эту задачу, — предписывала директива на наступление, — пойти на жертвы, имея в виду, что эти жертвы будут во много раз меньше тех, которые придётся затратить, если эта операция затянется...”

Жуков в эти дни метался между двумя плацдармами.

Из воспоминаний Александра Бучина: “Осень 1943 года запомнилась как непрерывное сражение — фронты пробивались к Днепру. Сражение не

* То есть Жукова.

стихало ни днём, ни ночью. Георгий Константинович по большей части в войсках Воронежского фронта много времени работал с Ватутиным. Мне кажется, что он как-то любовно опекал славного генерала. Фронт Ватутина и вышел к великой реке в том районе, где на другом, высоком берегу стоит красавец Киев. Тогда Воронежский фронт был переименован в 1-й Украинский, а Степной во 2-й Украинский. Не буду говорить о форсировании Днепра, как раз об этом, по-моему, написано много. Это был какой-то ужас. Георгий Константинович на катерах и паромах много раз переправлялся на тот берег и обратно. Сначала на Букринском — южной, затем Лютежском — севернее города плацдармах. Мне пришлось много поездить с ним вдоль восточного берега Днепра. Саперы соорудили там дорогу в двести с лишним километров, которая, понятно, была сделана наспех и постоянно разрушалась танками и тяжелой техникой. По этой дороге прошла историческая перегруппировка с Букринского на Лютежский плацдарм, которую немцы прозевали. Не могли не прозевать, ибо Г. К. Жуков распорядился установить драконовские меры обеспечения скрытности передвижения транспорта.

Насколько я помню, операция по овладению Киевом готовилась так, что враг оказался в неведении, откуда последует решительный удар. Даже мы, находившиеся на расстоянии протянутой руки от маршала, поняли, кому брать Киев, только тогда, когда войска, выступившие с Лютежского плацдарма, завязали бои на окраинах города. Приказы Г. К. Жукова о строжайшем соблюдении военной тайны выполнялись до точки”.

Жуков переиграл Манштейна и в боях за Киев. Демонстрируя наступление с Букринского плацдарма, основной удар наши части нанесли с севера, от Лютежа.

Жуков въехал в Киев вслед за танками, как сказал поэт, — “по дымному следу отступающего врага”. “Хорьх” пробрался сквозь завалы только что сдвинутой с дороги разбитой и брошенной техники, немецкой и своей, проехал через Дарницю по только что наведённому понтонному мосту. Жуков не узнавал тот прекрасный город, где служил до войны и где война его застала. Черты его поблёкли, постарели, тронутые тленом разрушений...

Хрущёв въезжал в Киев на другой машине. Видимо, учёл опыт Харькова.

Как вспоминал Александр Бучин, остановились на Крещатике. Жуков вышел из машины. И народ сразу же стал собираться вокруг маршала. Его узнавали по фотографиям в газетах, вполголоса передавали из уст в уста в густеющей толпе: “Жуков! Жуков!” К маршалу обращались с вопросами, благодарили за освобождение, жаловались на пережитое во время немецкой оккупации. Начался разговор, который вскоре перерос в митинг.

Политработники и охрана метались, как подстреленные. Одни боялись покушения на представителя Ставки, за жизнь которого они отвечали головой. Другие — что всё произошло не по рангу. Митинг — дело партийное. Замечу, что после Киева митингами в освобождённых городах будут распоряжаться исключительно политорганы — где, когда, кто выступит и т. д.

1943 год заканчивался так же напряжённо, как и начинался. Противник пытался контратаковать. Зверь был по-прежнему силён и при каждой попытке подойти к нему показывал мощные клыки и длинные когти, но нападать он уже не решался.

Глава тридцать четвёртая

1944-й

“...здесь завязалось ожесточённейшее сражение, такое, какого мы не видели со времени Курской дуги”.

В начале 1944 года была проведена весьма удачная Корсунь-Шевченковская операция. Она принесла славу Коневу. Было захвачено 18 тысяч пленных, 41 самолёт, 167 танков и штурмовых орудий, 618 полевых орудий,

267 миномётов, 789 пулемётов, десять тысяч автомашин, семь паровозов, 415 вагонов и цистерн, 127 тягачей и другие трофеи. Во время попытки прорыва был убит командующий корпусом-шевченковской группировкой генерал Штеммерман. Над немецкой армией снова нависла зловеющая тень Сталинграда. Разгромом крупнейшей корпусом-шевченковской группировки наши войска открывали для себя Заднепровье.

Успех 2-го Украинского фронта был сокрушительным. Сразу же вышел указ о присвоении Коневу звания Маршала Советского Союза.

Звание Коневу присвоили, а маршальские погоны — работа штучная, и выполняли её золотошвейки в Москве, по индивидуальному заказу. Так что погон для нового маршала не оказалось. А у Жукова была запасная пара. И он её привёз в подарок Коневу. Вручил и поздравил от имени Ставки Верховного Главнокомандования.

Правда, говорят, что это всего лишь легенда. Но Конев вспоминал, что Жуков к нему в те дни действительно приезжал. “Мы встретились с ним на командном пункте 27-й армии в Джурженцах”, — писал впоследствии в “Записках командующего фронтом” маршал Конев.

Действиями командования 1-го Украинского фронта и представителя Ставки, в период проведения Корсунь-Шевченковской операции находившегося при штабе фронта, Верховный остался недоволен. Он винил Ватутину и Жукова в том, что по их допущению часть немецкой группировки всё же смогла вырваться из окружения.

Именно поэтому в указ о награждении генералов и офицеров по итогам проведённой операции ни один, ни другой не попали.

В 1946 году, когда арестовали Главкома ВВС, Главного маршала авиации Новикова, в протоколах допросов среди прочего появилось вот какое признание: “После окончания Корсунь-Шевченковской операции командующий... 2-м Украинским фронтом Конев получил звание Маршала. Этим решением правительства Жуков был очень недоволен и в беседе со мной говорил, что эта операция была разработана лично им — Жуковым, а награды и звания за неё даются другим людям... Жуков высказывал мне обиды, что он, являясь представителем Ставки, провёл большинство операций, а награды и похвалы получают командующие фронтами”.

К теме послевоенных арестов людей из окружения маршала мы ещё подойдём. Но здесь стоит заметить, что показания из Новикова выбивали резиновыми палками и другими изощрёнными методами.

В самый разгар подготовки Уманско-Ботошанской операции 2-го Украинского фронта во время одной из поездок был тяжело ранен Ватутин. Кортеж комфронта обстреляла боёвка* бандеровцев на дороге между населёнными пунктами Сиянцы и Милятын. Ватутин получил пулевое ранение в бедро со смещением кости. Вскоре в госпитале он скончался.

Первого марта Ставка назначила Жукова командующим войсками 1-го Украинского фронта. И он снова оказался в родной стихии.

Через три дня началась Проскурово-Черновицкая операция.

Из-за распутицы Жуков от штаба к штабу, от дивизии к дивизии обычно перебирался на танке.

Темпы наступления обоих фронтов оказались низкими. Но тем не менее Манштейн снова оказывался в сложнейшем положении. Чтобы не выпустить из рук важнейшую коммуникацию — железнодорожный перегон Львов—Одесса, — Манштейн решил контратаковать. На рубеж Тернополь—Проскуров были спешно перегруппированы четырнадцать дивизий, из них девять танковых. 7 марта 1944 года немцы контратаковали. Навстречу немецким танкам ринулись танковые и механизированные части наших армий, прикрывавших это направление. Маршал вспоминал, что в те дни “здесь завязалось ожесточённейшее сражение, такое, какого мы не видели со времени Курской дуги. Восемь суток враг пытался отбросить наши войска в исходное положение. Измотав и обескровив контрударные части противника,

* Боёвка — структурное подразделение Организации Украинских Националистов (ОУН), равное взводу — 15–20 человек.

наши войска на участке главного удара, усиленные резервами фронта, в том числе 1-й танковой армией, 21 марта, сломив сопротивление врага, начали быстро продвигаться на юг. Особенно стремительно шли соединения 1-й танковой армии генерала М. Е. Катукова. Одновременно успешно продвигались и остальные армии фронта, наступавшие с востока, северо-востока и севера. 1-я танковая армия, сбивая части противника, 24 марта захватила город Чертков, а 8-й гвардейский корпус армии под командованием генерала И. Ф. Дрёмова утром того же дня вышел к Днестру. В район Залещиков и к Днестру подошли 1-я гвардейская танковая бригада полковника В. М. Горелова и 20-я мотострелковая бригада полковника А. Х. Бабаджяна. К Днестру же вышли части 11-го гвардейского танкового корпуса генерала А. Л. Гетмана”.

Это была точно рассчитанная и блестяще проведённая операция на окружение. Вначале глубокий рассекающий прорыв танковой армии Катукова, с ходу форсировавшей Днестр, а затем Прут. Потом охватывающие удары двух других танковых армий, которыми командовали генералы Лелюшенко и Рыбалко, и общевойсковой 1-й гвардейской армии генерала Гречко. В результате 1-я танковая армия немцев оказалась в окружении.

Это было то самое соединение, бывшая 1-я танковая группа, которую чаще называли армейской группой “Клейст” по имени её командующего и с которой Жуков столкнулся под Киевом летом 1941-го. Тогда она кромсала механизированные корпуса, его детище, а теперь он загнал своего заклятого врага в капкан.

Однако удержать зверя в западне Жуков не смог.

Было ясно, что противник вот-вот начнёт прорыв. К сожалению, разведка, оставшаяся почти всю войну нашим слабым местом, неверно определила направление главного прорыва. 1-я танковая армия Катукова ушла на юг. А немцы пошли на прорыв в западном направлении через Богучар. На пути колонн, идущих на прорыв, оказались части 4-й танковой армии генерала Лелюшенко. Произошла жесточайшая схватка. Одни вырывались из смертельного кольца и шли по телам своих товарищей, выполняя приказ Гитлера. Другие не хотели уступать и тоже стояли насмерть. На некоторых участках стороны сблизилась настолько, что только рукопашные схватки разрешали дело.

Лелюшенко постоянно информировал Жукова об обстановке. Однажды во время переговоров офицер штаба сообщил, что противник атаковал расположение штаба. Лелюшенко сказал Жукову, что вынужден прервать доклад и взяться за автомат. “Иди, руководи отражением атаки, — ответил ему Жуков, — надеюсь, что в плен не попадёшь. Как только появится возможность, доложишь”.

Манштейн в своих мемуарах утверждает, что к 9 апреля 1-я танковая армия вышла из окружения. При этом ни словом не обмолвился о том, какие потери понесла она в людях и технике во время своего марша на прорыв.

Жуков же в “Воспоминаниях и размышлениях” пишет: “Сколько гитлеровцев прорвалось из окружения, ни я, ни штаб фронта точно установить так и не смогли. Назывались разные цифры. Видимо, всё же вышли из окружения не десятки танков с десантом, как тогда доносили войска, а значительно больше”.

Удар войск Жукова разрезал немецкую группировку, прижал её к Карпатам. Брешь зияла от Тернополя до Черновиц.

Десятого апреля вышел указ о награждении маршала Жукова высшим полководческим орденом “Победа”. Орден ему вручили в Москве 31 мая 1944 года, в Кремле. В тот же день орденом “Победа” был награждён и маршал Василевский. Жукову вручили “Победу” за № 1. Василевскому — за № 2.

Награждение прошло без каких бы то ни было торжеств, совершенно обыденно. Когда Жуков пришёл к Сталину на совещание, тот спросил, был ли он у Шверника. Жуков ответил, что не был. Сталин сказал: “Надо зайти и получить награду”. Жуков вытянулся и поблагодарил Верховного. Сталин на это ничего не ответил, а сразу перешёл к делу: “Ну, с чего начнём?”

За две недели до этого, пятнадцатого мая, Верховный сделал кадровую перестановку: на 1-й Украинский назначил Конева, на 2-й Украинский — Малиновского, на 3-й Украинский — Толбухина. Жуков снова нужен был ему как представитель Ставки сразу на нескольких фронтах. Назревала крупномасштабная операция.

Кадровой перестановке предшествовала встреча Жукова и Сталина на совещании в Кремле, где обсуждалась летне-осенняя кампания 1944 года. Жуков прибыл в Москву 22 апреля и до конца месяца работал в Генеральном штабе и в Ставке. “В самолёте на пути в Москву, — вспоминал он, — изучая последние данные с фронтов, я ещё раз пришёл к убеждению в правильности решения Ставки от 12 апреля 1944 года, в котором одной из первоочередных задач на лето этого года ставился разгром группировки немецких войск в Белоруссии. Предварительно нужно было провести ряд крупных ударов на других направлениях, с тем чтобы оттянуть из района Белоруссии максимум стратегических резервов немецких войск”.

По прибытии в Москву Жуков зашёл в Генеральный штаб. Обязанности начальника Генштаба в ту пору исполнял генерал А. И. Антонов. По мнению многих его сослуживцев, это был исключительный человек и офицер. “Его отличительными чертами являлись, прежде всего, высокая эрудиция, общая и особенно военная культура, которые проявлялись в широте и глубине подхода ко всем вопросам работы, в речи, поведении, отношении к людям”.

Вместе с Антоновым Жуков работал над планом предстоящего масштабного наступления в Белоруссии. Этому предшествовал коллективный мозговой штурм, организованный Сталиным. Верховный, как вспоминал маршал, обычно готовился к совещаниям такого рода основательно, изучал все данные и держал их в уме. Но всё же давал возможность выступить командующим родами войск. Вот и в тот раз после доклада Антонова он обратился вначале к командующему ВВС маршалу Новикову, а потом к командующему бронетанковыми войсками маршалу Федоренко. Те доложили о готовности авиации и танковых войск.

Затем Сталин взял из коробки две папиросы “Герцеговины флор”, разорвал их и не спеша набил табаком трубку. Раскурил её. И сказал, указав чубуком на карту Генштаба, по которой докладывал Антонов:

— Ну, а теперь послушаем Жукова.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Я, тоже не спеша, развернул свою карту, которая по размерам была, правда, несколько меньше карты Генштаба, но отработана не хуже. Верховный подошёл к моей карте и стал внимательно её рассматривать.

Свой доклад я начал с того, что согласился с основными соображениями А. И. Антонова о предполагаемых действиях немецких войск и о тех трудностях, которые они будут испытывать в 1944 году на советско-германском фронте.

Тут И. В. Сталин остановил меня и сказал:

— И не только это. В июне союзники собираются всё же осуществить высадку крупных сил во Франции. Спешат наши союзники! — усмехнулся И. В. Сталин. — Опасаются, как бы мы сами без их участия не завершили разгром фашистской Германии. Конечно, мы заинтересованы, чтобы немцы начали, наконец, воевать на два фронта. Это ещё больше ухудшит их положение, с которым они не в состоянии будут справиться.

Излагая свои соображения о плане летней кампании 1944 года, я обратил особое внимание Верховного на группировку противника в Белоруссии, с разгромом которой рухнет устойчивость обороны противника на всём его Западном стратегическом направлении.

— А как думает Генштаб? — обратился И. В. Сталин к А. И. Антонову.

— Согласен, — ответил тот”.

Сталину план понравился. Но ему хотелось, чтобы его внимательно посмотрел Василевский. И он дал Жукову и Антонову три дня на доработку.

Через три дня Жуков и Антонов снова были у Верховного. “После обсуждения плана, — вспоминал маршал, — было решено: первую наступательную операцию ввести в июне на Карельском перешейке и петрозаводском направлении, а затем на белорусском стратегическом направлении”.

Целью операции в Белоруссии являлся “охват двумя фланговыми ударами и уничтожение минской группировки противника группы армий “Центр”. Наступление продолжалось два месяца, с 24 июня по 29 августа, и закончилось полным разгромом группы армий “Центр”.

Жуков в период подготовки и проведения операции, получившей название “Багратион”, координировал действия войск 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Василевский тем временем постоянно находился в штабах и частях 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. Решением Ставки полномочия её представителей были расширены: им было дано право не только давать советы и рекомендовать, но и непосредственно управлять боевыми действиями, то есть командовать частями и соединениями.

Атака последовала 23 июня на рассвете. Более чем двухчасовую артподготовку завершили залпы “катюш”. Потом в дело пошли штурмовики Ил-2. Пехота поднялась, когда огненный вал ещё не опал, батальоны шли вслед за этим валом, преодолев передовой участок в полтора-два километра, практически полностью разрушенный тяжёлой артиллерией и миномётами. Там, где немецкие командиры успели отвести свои войска в глубину за пределы зоны поражения, начались отчаянные схватки. На оршанском направлении прорвать немецкие линии и вовсе не удалось.

Жуков в то утро находился на КП командующего 3-й армии генерала Горбатова. 3-я армия 1-го Белорусского фронта наступала на рогачёвско-бобруйском направлении. Артиллерия не смогла в достаточной степени подавить немецкую оборону. В результате войска первого эшелона продвигались вперёд трудно. Захватили вначале первую траншею, потом вторую. Маршал артиллерии Яковлев вспоминал атмосферу, царившую в те часы на КП генерала Горбатова: “...командарм А. В. Горбатов, человек, прошедший уже немалый армейский путь и хорошо понимавший всю сложность ратного труда, вёл себя сдержанно, пожалуй, даже спокойно. И в этом спокойствии чувствовалась его твёрдая уверенность в том, что командиры корпусов, дивизий и полков его армии, несмотря ни на что, достойно выполнят свой воинский долг. Поэтому старался не особенно-то тревожить их телефонными звонками, а терпеливо ждал дальнейшего развития событий. Г. К. Жуков тоже ничем не выдавал своего волнения. Он даже не беспокоил командарма, а прогуливаясь по рощице, в которой располагался НП армии, лишь изредка интересовался сообщениями о боевой обстановке в целом на фронте и у соседа — в войсках 2-го Белорусского фронта. Так же выдержанно вёл себя весь день, вечер и ночь, а потом даже и следующий день. Такому хладнокровию можно было только позавидовать”.

Из воспоминаний Александра Бучина: “Я издали наблюдал за Жуковым. Видимо, маршал надеялся на быстрый прорыв и распорядился держать свой “виллис” под рукой, ехать вперёд буквально в боевые порядки пехоты. Не получилось. Георгий Константинович первый и часть второго дня провёл в лесочке у командного пункта армии. Набывчившись, неторопливо прогуливался, изредка подзывая генералов и офицеров, которые ему что-то докладывали. Громадный контраст с его поведением на других фронтах, когда он непосредственно вмешивался в руководство операциями. Он полностью доверял Горбатову и Рокоссовскому и не хотел мешать им. Ненужные споры были бы неизбежны. Тот и другой генералы говорили с Жуковым на равных, не заискивали и не смущались...”

К генералу Горбатову Жуков относился с особым уважением не только потому, что они были сослуживцами. Жуков видел, как умело, спокойно и сосредоточенно командарм-3 управляет своими дивизиями и корпусами. Он был уверен, что Горбатов сделал для обеспечения успеха всё. И успех будет. Впоследствии в мемуарах маршал будет часто упоминать имя своего надёжного боевого товарища. Но товарищи из Главпура почти везде вычеркнут имя опального генерала из рукописи. Только в посмертных изданиях имя Горбатова будет восстановлено.

Вскоре на левом фланге, где наступала 65-я армия генерала Батова, намечался успех. Один из стрелковых корпусов прорвал немецкие линии и начал энергично расширять прорыв. В эту брешь сразу же хлынули танки.

Батов сообщил Жукову, что танкисты с десантом на броне углубились на 12 километров и продолжают наступление. “Этого не может быть. У Романенко и Горбатова пройдено всего два километра”, — ответил Жуков. Батов доложил более конкретно: стрелковые дивизии вышли на рубеж такой-то; танковый корпус ведёт бой впереди в районе таком-то...

Как вспоминал Батов, аппарат какое-то время молчал. Потом отстукал на ленте короткую фразу: “Приеду смотреть сам”.

Через несколько часов на командный пункт Батова примчался кортеж. Недалеко от КП на открытом пространстве его, видимо, засекла немецкая артиллерийская разведка. Только машины успели скрыться в лесу, как участок дороги накрыла серия снарядов.

Жуков приказал доложить обстановку.

Вскоре пришли хорошие вести с других участков: прорыв, вводится конно-механизированная группа, танки прорвались в направлении Минска...

Фронт группы армий “Центр”, наконец, стал распадаться и рушиться.

Александр Бучин вспоминал: “К Минску! Танковые армии проходили по 50, общевойсковые — по 20 километров в сутки. Между ними время от времени образовывался разрыв, но всё равно колонны со снабжением для танков шли, шли бесстрашно, не обращая внимания на разрозненные толпы бежавших немцев. Шло, как говорят военные, параллельное преследование. В до предела запутанной обстановке Жуков чувствовал себя как рыба в воде, мы немало поездили, объезжая различные штабы, командные пункты, а то просто двигаясь с войсками. Иногда за нами следовала машина сопровождения, в другой раз натужно пыхтел бронетранспортер, а порой даже порывкивал танк, но нередко наш “виллис” оказывался в одиночестве. Немцы были настолько деморализованы, что не решались применить оружие. Они разбегались или прятались, а иные отчаявшиеся не прятались и провожали нашу машину тоскливыми взглядами. Таких встреч было немало”.

Жуков помнил эти тоскливые взгляды солдат, потерявших веру в оружие и своих командиров. В 1941-м такие же глаза смотрели из-под красноармейских пилоток. Теперь — из-под потных кепи немецких военнопленных.

В ходе операции “Багратион” наши армии достигли результатов, которые значительно превышали первоначальный замысел. Немецким войскам было нанесено максимальное поражение. Группа армий “Центр” так и не смогла восстановиться до конца войны. По подсчётам некоторых историков, германские войска потеряли убитыми 381 тысячу человек, пленными — 158 480 человек. 57 600 пленных колонной прогнали по Москве. Москвичи посмотрели в лица тем, кто смертельно угрожал им осенью и зимой 1941-го и убивал их сыновей, мужей и отцов. Сердца людей каменели и зывали к мщению.

Двадцать девятого июля 1944 года Жукову позвонил Сталин и поздравил с награждением второй медалью “Золотая Звезда” — за умелое руководство войсками в Белорусской операции.

Операция “Багратион” стала настоящим триумфом полководческого дара Рокоссовского. На армии его фронта легла основная тяжесть наступления. Именно штаб 1-го Белорусского фронта разработал, а войска затем блестяще осуществили идею удара по двум направлениям одновременно. Такого варианта развития событий противник не ожидал.

Личная жизнь Жукова в этот период почти не выходила за пределы фронта. Жене и детям писал письма. Порой у него не было времени повидаться с ними даже в те дни, когда приезжал в Москву. Некоторые письма к Александре Диевне написаны из Москвы в Москву.

Александра Диевна догадывалась, что у Георгия Константиновича *кто-то есть*. Но раньше жены об этом узнал вездесущий Мехлис. И не преминул доложить об этом Хозяину.

Сталин выслушал и спросил:

— Эта женщина, лейтенант медицинской службы, мешает ему в работе? Или не мешает?

— Мешать не мешает, но авторитет его подрывает, — ответил Мехлис.

— Не надо, товарищ Мехлис, лезть в отношения Жукова с военфельдшером. Эта женщина помогает Жукову, лечит его. Она помогает ему быть здоровым, а значит, и оставаться в строю. Жуков нам очень нужен здоровым.

На этом тема военно-полевой жены маршала Жукова для Верховного была закрыта.

Глава тридцать пятая

1-й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ

“Противник деморализован и не способен сейчас оказать серьёзное сопротивление...”

Приказ о назначении его командующим войсками 1-го Белорусского фронта Жуков получил в Люблине 15 ноября 1944 года.

Сталин провёл очередную рокировку.

Осень для Жукова началась в Болгарии. 5 сентября Советский Союз объявил войну этой ненадёжной союзнице Гитлера. На следующий день войска 3-го Украинского фронта согласно приказу Ставки должны были атаковать.

Жуков, прибывший накануне наступления на передовую НП, долго смотрел в бинокль и не увидел на той стороне привычной картины войны — изготовившихся для отражения атаки войск противника на подготовленных позициях. Поэтому артподготовка была отменена. Наши авангарды вошли в пределы Болгарии без единого выстрела. Болгарские пограничники и приграничные гарнизоны попросту не вышли из казарм.

Жуков позвонил Верховному. Доложил: вошли по мирному варианту. Сталин отдал распоряжение:

— Всё оружие болгарских войск оставьте при них, пусть занимаются своими обычными делами и ждут приказа своего правительства.

“Война” в Болгарии закончилась быстро, без потерь и с той, и с другой стороны. Жуков вернулся в Москву.

А в конце сентября он был уже в Польше. Сразу по приезде к месту назначения встретился и переговорил с командующими 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Позвонил Сталину и попросил разрешения прекратить наступление по причине “большой усталости войск и значительных потерь”.

Сталин выслушал его и неожиданно сказал:

— Вылетайте завтра с Рокоссовским в Ставку, поговорим на месте. До свидания.

Чем ближе к Берлину продвигалась Красная армия, тем больше Жуков стал замечать за Верховным проявления недовольства действиями военных. Их предложения, которые раньше выслушивал как необходимую и важную информацию, Сталин теперь всё чаще рассматривал через лупу недоверия и сомнения, а порой и вовсе воспринимал в штыки, с раздражением.

Существует распространённое заблуждение о том, что Сталин всю войну возвышал, порой даже незаслуженно, своего главного маршала. И венцом этих почестей и наград стало назначение Жукова на 1-й Белорусский фронт, назначение, сделавшее его Маршалом Победы. На самом деле всё было не так.

Маршалы прибыли к Сталину во второй половине следующего дня. В его кабинете находились Антонов, Молотов и Маленков.

Сталин сразу спросил о деле:

— Ну, докладывайте!

“Я развернул карту и начал докладывать, — вспоминал Жуков. — Вижу, И. В. Сталин нервничает: то к карте подойдёт, то отойдёт, то опять подойдёт, пристально поглядывая то на меня, то на карту, то на К. К. Рокоссовского. Даже трубку отложил в сторону, что было всегда, когда он начинал терять хладнокровие и был чем-нибудь недоволен.

— Товарищ Жуков, — перебил меня В. М. Молотов, — вы предлагаете остановить наступление тогда, когда разбитый противник не в состоянии сдержат напор наших войск. Разумно ли ваше предложение?

— Противник уже успел создать оборону и подтянуть необходимые резервы, — возразил я. — Он сейчас успешно отбивает атаки наших войск. А мы несём ничем не оправданные потери.

— Вы поддерживаете мнение Жукова? — спросил Сталин, обращаясь к К. К. Рокоссовскому.

— Да, я считаю, надо дать войскам передышку и привести их после длительного напряжения в порядок.

— Думаю, что передышку противник не хуже вас использует, — сказал Верховный. — Ну, а если поддержать 47-ю армию авиацией и усилить её танками и артиллерией, сумеет ли она выйти на Вислу между Модлином и Варшавой?

— Трудно сказать, товарищ Сталин, — ответил К. К. Рокоссовский. — Противник также может усилить это направление.

— А вы как думаете? — обращаясь ко мне, спросил Верховный.

— Считаю, что это наступление нам не даст ничего, кроме жертв, — снова повторил я. — А с оперативной точки зрения нам не особенно нужен район северо-западнее Варшавы. Город надо брать обходом с юго-запада, одновременно нанося мощный рассекающий удар в общем направлении на Лодзь-Познань. Сил для этого сейчас на фронте нет, но их следует сосредоточить. Одновременно нужно основательно подготовить к совместным действиям и соседние фронты на берлинском направлении”.

Жуков, конечно же, понимал, что успехи на фронте многое изменили и здесь, в кабинете Верховного. Другим стал и хозяин кабинета. Он снова приблизил к себе товарищей по партии и потихоньку стал отдалять военных. О положении на фронтах ежедневно, а иногда и два раза в день докладывал ему сдержанный и тактичный Антонов. Исполняющий обязанности начальника Генштаба был немногословен и предсказуем, вежлив и в любых обстоятельствах знал своё место. Время катастроф, когда распадались фронты и гибли армии, прошло. Сил и средств для недопущения новых хватало. Постепенно утрачивала свою остроту и сама необходимость в специалистах, способных действовать в критических ситуациях.

Но и Жуков тоже менялся. Теперь он был тем, кто умел точно рассчитывать, а потом также расчетливо проводить операции по уничтожению крупных группировок противника.

По ходу обсуждения явно назревал конфликт.

— Идите и ещё раз обдумайте ваши предложения, — сказал Сталин, прервав доклад Жукова.

Теперь ситуация декабря 1941 года, когда Жуков в момент конфликта мог послать Верховного, чтобы не стеснённо заниматься делами, невозможно было даже представить. И жутковато вспоминать. Оставалось надеяться на то, что Верховный, опьянённый последними победами, всё это давно забыл.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Мы с К. К. Рокоссовским вышли в библиотечную комнату и опять разложили карту. Но не успели мы как следует расположиться, как нас снова вызвали в кабинет Верховного:

— Мы тут посоветовались и решили согласиться на переход к обороне наших войск, — сказал Верховный. — Что касается дальнейших планов, мы их обсудим позже. Можете идти.

С К. К. Рокоссовским мы расстались молча, каждый занятый своими мыслями. Я отправился в Наркомат обороны, а К. К. Рокоссовский — готовиться к отлёту в войска фронта.

На другой день Верховный позвонил мне:

— Как вы смотрите на то, чтобы руководство всеми фронтами в дальнейшем передать в руки Ставки?

Я понял, что он имеет в виду упразднить представителей Ставки для координирования фронтами.

— Да, количество фронтов уменьшилось, — ответил я. — Протяжённость общего фронта также сократилась, руководство фронтами упростилось,

и имеется полная возможность управлять фронтами непосредственно из Ставки.

— Вы это без обиды говорите?

— А на что же обижаться? Думаю, что мы с Василевским не останемся безработными, — пошутил я.

В тот же день вечером Верховный вызвал меня к себе и сказал:

— Первый Белорусский фронт находится на берлинском направлении. Мы думаем поставить вас на это направление.

Я ответил, что готов командовать любым фронтом.

— Вы и впредь останетесь моим заместителем, — сказал И. В. Сталин. — Я сейчас переговорю с Рокоссовским”.

Почему Сталин спросил, не обижен ли маршал? Ведь в запасе у него было предложение — возглавить фронт, нацеленный на Берлин. Предложение, которое, казалось бы, должно было погасить все возможные обиды. Дело в том, что Жуков мечтал о большем — войти победителем не только в поверженный Берлин, а в поверженную Германию. Но триумфатор у победы должен быть один — он, Сталин. А лучшего своего маршала он поставил на один из фронтов. Пусть на главный. Но этим неожиданным назначением он уравнивал его со всеми остальными командующими фронтами. Тогда, в конце 1944-го, ситуация выглядела именно такой. Всё, что произошло потом, сделал народ — своей любовью, уважением, памятью. Маршал Победы. Народный Маршал. Георгий Победоносец.

Рокоссовский, как известно, этой перестановкой перед решающими событиями был чрезвычайно уязвлён. Возможно, считал это интригой Жукова. Во всяком случае, после этих назначений дружба их разладилась. Потом, в середине 1950-х, когда к десятилетию Победы газеты и журналы начнут публиковать интервью и воспоминания, вспыхнет их полемика. Об одних и тех же событиях маршалы будут рассказывать по-разному. И кое-что из этих споров переключает в мемуары.

Жуков разлад с Рокоссовским тоже переживал непросто. В мемуарах потом напишет, что после той истории “между Константином Константиновичем и мною не стало тех товарищеских тёплых отношений, которые были между нами долгие годы”.

Водитель Александр Бучин вспоминал, что Жуков впервые за всю войну напилсь допьяну именно по поводу размолвки с Рокоссовским. “Всё началось, проявилось и закончилось в один день — 19 ноября 1944 года в только что введённый праздник — День артиллерии. Когда в середине ноября пришёл приказ о назначении Жукова комфронта, он не поторопился в штаб, а отправился в армию Чуйкова. Рокоссовский, в свою очередь, не дожидаясь преемника, немедленно выехал к месту назначения в штаб 2-го Белорусского. Через несколько дней маршалы остыли и, видимо, поняли, что для пресечения нежелательных толков им нужно встретиться хотя бы для формальной передачи дел. Тут и подвернулся День артиллерии.

Утром Георгий Константинович закончил дела у Чуйкова...

В штабе фронта уже ждали Рокоссовский, много генералов. Рассказывали, что на вечере выступали они оба, делились воспоминаниями о службе в кавалерии в молодости. Вышли оживлённые, обнялись, простились. А когда мы тронулись, Георгий Константинович, вопреки привычке усевшийся сзади, затих, помрачнел. Был туман, слабый гололёд. Регулировщица с карабином сделала жест, останавливая машину. Бедов, сидевший рядом, говорит: “Давай, жми!” Вдруг с заднего сиденья голос Жукова: “Стой! Сейчас ударит по колёсам”. Остановились. Бедов рысью помчался объясняться с бдительной девчонкой. Вернулся запыхавшись. Поехали. Тут Жуков сказал совершенно трезвым голосом: “Бучин, теперь ты в ответе за всё”, — и заснул мёртвым сном. Проспал до самого Седльце”.

В конце 1944 года боевые действия шли уже на германской территории. Два фронта, 1-й Белорусский и 1-й Украинский, свои мощнейшие группировки располагали в предместьях Варшавы, Праги, Ясло и на завислинских плацдармах.

Конец 1944 года для Жукова прошёл в работе над завершающими операциями. Работал, как всегда, то на передовой, объезжая командные пункты армий, корпусов и дивизий, то в Москве в Генеральном штабе. В конце ноября план Варшавско-Познанской операции был утверждён Ставкой с ориентировочными сроками готовности к 15—20 января 1945 года. Эта фронтовая операция должна была перерасти в Висло-Одерскую стратегическую наступательную операцию, к которой готовились также войска 1-го Украинского, 2-го Белорусского и правобережные армии 4-го Украинского фронтов.

Общий замысел Ставки: атакой 1-го Белорусского фронта в направлении на Познань, 1-го Украинского — на Бреслау прорвать оборону группы армий «А» на всю её глубину, расцезь на части и уничтожить.

Впереди лежал Померанский вал и так называемый Одерский четырёхугольник — оперативно-тактические узлы с городами-крепостями — центрами этих узлов.

На участке прорыва Жуков сосредоточил больше половины живой силы и артиллерии, а также почти все танки и самоходные орудия. Риск такого массирования сил в зоне прорыва за счёт ослабления других участков, конечно же, существовал. Его обещал с лихвой оправдать сокрушительный удар с последующим глубоким прорывом и выходом на коммуникации немецких войск.

Ранним утром 14 января Жуков прибыл на наблюдательный пункт 5-й ударной армии генерала Берзарина. В 7.30 началась артподготовка. Немецкие позиции потонули в море огня. Прошло 25 минут. Жуков ещё раз посмотрел в стереотрубу и приказал прекратить огонь. Через несколько минут вперёд пошли штурмовые батальоны. Наступление развивалось успешно.

На второй день, когда 33-я армия расширила прорыв, в образовавшуюся брешь Жуков ввёл 9-й танковый корпус, а на участке 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова — 1-ю гвардейскую танковую армию Катюкова.

К исходу дня Катюков сообщил, что продвинулся в глубину до пятидесяти километров и овладел переправами через реку Пилицу в районе Сокул, что в девяти километрах восточнее Нове Место.

Шестнадцатого января севернее Варшавы атаковала 47-я армия генерала Перхоровича, с ходу форсировала Вислу и начала развивать наступление в глубину. В прорыв, сделанный 5-й ударной армией, вошли танки генерала Богданова и конники 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала Крюкова.

В эти дни в составе 2-го гвардейского кавкорпуса на запад продвигалась и концертная бригада со своей блистательной солисткой исполнительницей русских народных песен Лидией Руслановой. Русланова к тому времени уже стала женой генерала Крюкова. Жуков был рад за друга: наконец-то обрёл подругу и, похоже, по-настоящему счастлив.

Под мощнейшим нажимом наших войск немецкая оборона начала распадаться.

Семнадцатого января войска 1-го Белорусского фронта вошли в Варшаву.

Девятнадцатого января танки передовых соединений ворвались в Лодзь. Были захвачены Кутно, Томашув. К 22 января авангарды подошли к познанскому оборонительному рубежу, с ходу атаковали его и глубоко вклинились в немецкие линии.

Двадцать пятого января, когда задачи Варшавско-Познанской операции в основном были уже выполнены, в очередной раз позвонил Верховный:

— Как идут дела?

— Противник деморализован, — доложил Жуков, — и не способен сейчас оказать серьёзное сопротивление. Мы решили продолжать наступление для выхода войск фронта на Одер. Основное направление наступления — на Кюстрин, где попытаемся захватить плацдарм.

Верховный предостерег:

— С выходом на Одер вы оторвётесь от Рокоссовского больше чем на сто пятьдесят километров. Этого сейчас делать нельзя.

— Мы предусмотрели и этот вариант. Правое крыло фронта уже разворачивается в Северном и Северо-Западном направлении против восточно-

померанской группировки, которая пока не представляет непосредственной угрозы.

— Мы полагаем, — сказал Сталин, — надо всё же подождать, пока 2-й Белорусский фронт закончит операцию в Восточной Пруссии и перегруппирует свои силы на Вислу.

Рокоссовский в это время столкнулся с мощной обороной в Восточной Пруссии и немного застрял, опаздывая с выходом на намеченные рубежи. Тем временем 1-й Белорусский продолжал успешно ломить вперёд, и, чтобы не оказаться под фланговым ударом, начал загибать своё правое крыло, прикрывая коммуникации и тылы ушедших вперёд ударных групп. Отставание и топтание на месте 2-го Белорусского фронта, конечно же, раздражало Жукова. Впоследствии эта задержка тоже станет предметом полемики и взаимных упреков маршалов.

— Сколько времени это займёт? — спросил Жуков.

— Примерно дней десять, — сказал Верховный. — Учтите, Конев сейчас не сможет продвигаться дальше и прикрывать ваш левый фланг, пока не ликвидировал врага в районе Оппельн-Катовице.

Час от часу не легче! Значит, и левый фланг придётся прикрывать самим...

— Я прошу не останавливать наступление войск фронта, так как потом нам будет труднее преодолеть Мезерицкий укрепленный рубеж. По нашим данным, он пока не занят войсками противника. — Жуков просчитал уже все варианты и сказал: — Для обеспечения нашего правого фланга достаточно передать нам ещё одну армию.

— Хорошо, мы подумаем.

К исходу дня 22 января 1945 года танкисты действовали в ста двадцати километрах впереди главных сил. Жуков постоянно торопил своих танковых генералов Катюкова и Богданова: вперёд, вперёд, не дать противнику возможности занять укрепленный район по северному берегу реки Нетце и западному берегу реки Одер. “Упреждение противника в занятии этих позиций обеспечит успешное и быстрое проведение Берлинской операции. Если резервы противника успеют занять указанные мною позиции, Берлинская операция может затянуться”.

Вскоре пришло донесение: 2-я гвардейская армия вынуждена остановиться из-за нехватки горючего. Жуков приказал передать все остатки топлива одному из корпусов и тем же темпом двигаться вперёд!

Танкисты потом вспоминали: выскакиваем на всём ходу к железобетонным огромным, как дома, ДОТам, ждём, что вот-вот из них польхнёт огнём, но ДОТы молчат — там никого, что означает — мы успели...

Когда вышли к реке Нетце, Жуков телеграфировал: ни в коем случае не останавливаться, где угодно форсировать реку и прорваться через укрепленный район.

Авиаразведка сообщила: противник на некоторых участках занял укрепленный район, ведёт огонь. Но танки уже переправлялись на немецкий берег. Вскоре из танкового корпуса пришло донесение: “Померанский вал преодолен! Мы в Германии!”

Из донесения Жукова и Телегина Сталину 29 января 1945 года: “Ваш приказ — мощным ударом разгромить противостоящую войскам группировку противника и стремительно выйти к линии польско-германской границы — выполнен.

За 17 дней наступательных боев войсками фронта пройдено до 400 км. Вся западная часть Польши в полосе 1-го Белорусского фронта очищена от противника, а польское население, пять с половиной лет угнетавшееся фашистами, — освобождено.

Стремительное продвижение войск воспрепятствовало гитлеровцам разрушить города и промышленные предприятия, железные и шоссе-ные дороги, не дало им возможности ужать и истребить польское население... В сельском хозяйстве сохранен конский состав, инвентарь, посевной материал и запасы продовольствия. На железных и шоссе-ных дорогах повреждения незначительные. Захвачен большой паровозо-вагонный парк, обеспечивающий обслуживание военных и народнохозяйственных нужд польского государства...”

Что бы сейчас на Западе наши заклятые друзья о Красной армии ни говорили, каких бы “документов” и “фактов” о злодеяниях наших войск ни сочиняли задним числом, а поход в Европу 1944–1945 годов был действительно освободительным. При том, что почти вся Европа тотально работала на германский вермахт и СС, что в атаку на наши армии шли не только танки и штурмовые орудия, изготовленные в Чехии и отремонтированные в Польше и Франции, но и солдаты, уроженцы всех, без исключения, европейских стран. Они шли завоёвывать восточные земли и покорять народы, населяющие просторы СССР. Испанцы, итальянцы, поляки, чехи, румыны, болгары, словаки, шведы, норвежцы, французы... *Все промелькнули перед нами, все бывали тут...*

С заодерских плацдармов до Берлина оставалось 60–80 километров — всего лишь один танковый переход, один хороший бросок.

В войсках царило приподнятое настроение. Повсюду играли солдатские гармонии и трофейные аккордеоны, бойцы плясали, пели частушки, в которых уже прорывалась берлинская тема:

*Скоро Гитлеру могила!
Скоро фюреру капут!
Танки жуковского фронта
По Берлину побегут!*

Глава тридцать шестая

ЗЕЕЛОВСКИЕ ВЫСОТЫ

“Эти маршалы и генералы в среднем исключительно молоды...”

В начале 1945 года Геббельс записал в своём дневнике: “Генштаб представляет мне книгу с биографическими данными и портретами советских генералов и маршалов. Из этой книги нетрудно почерпнуть различные сведения о том, какие ошибки мы совершили в прошедшие годы. Эти маршалы и генералы в среднем исключительно молоды, почти никто из них не старше 50 лет. Они имеют богатый опыт революционно-политической деятельности, являются убеждёнными большевиками, чрезвычайно энергичными людьми, а на их лицах можно прочесть, что они имеют хорошую народную закваску.

Я сообщаю фюреру о представленной мне для просмотра книге генштаба о советских маршалах и генералах, добавляя, что у меня сложилось впечатление, будто мы вообще не в состоянии конкурировать с такими руководителями. Фюрер полностью разделяет моё мнение. Наш генералитет слишком стар, изжил себя”.

Сталин же в этот период был уже больше обеспокоен послевоенным устройством страны. Военным в том скором будущем отводилась весьма скромная роль.

Двадцать девятого марта Жукова вызвали в Ставку. Полетел самолётом. Но погода была такой, что пилот дальше Минска лететь не осмелился. Из Минска в Москву Жуков ехал поездом.

Вечером ему позвонил Сталин и попросил зайти.

В кабинете Верховный оказался один. Усталый после только что закончившегося совещания ГКО, он молча подал руку и сказал:

— Немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите, последние данные о немецких войсках.

Жуков понял, что Сталин снова разговаривает с ним не как с комфронта. Он хочет знать его виденье общей картины, всего поля боя, в том числе и на фронтах союзников.

Сталин слушал внимательно, не перебивал, не переспрашивал. Казалось, доклад маршала подтверждал некие его собственные размышления и планы. Он разорвал две папиросы “Герцеговины флор”, набил трубку и раскурил. Когда Жуков закончил доклад, сказал:

— Думаю, что драка предстоит серьёзная...

Жуков молчал.

— А как вы расцениваете своего противника? — И Верховный, сужая тему и уточняя задачу своего собеседника, ткнул чубуком трубки в сектор Берлина. — Того, который находится на берлинском направлении?

Жуков разложил свою фронтовую карту с нанесёнными последними разведанными, с построением порядков оперативно-стратегической группировки немецких войск перед линиями 1-го Белорусского фронта и соседями справа и слева. Пояснил, что, по данным разведки, противник здесь, непосредственно в районе Берлина, имеет четыре армии в составе около девяноста дивизий, 14 из которых — танковые и моторизованные, а также 37 отдельных полков и 98 отдельных батальонов.

— Когда наши войска могут начать наступление? — спросил Сталин, выслушав доклад Жукова.

— Первый Белорусский фронт может начать наступление не позже, чем через две недели. 1-й Украинский фронт, видимо, также будет готов к этому сроку. 2-й Белорусский фронт, по всем данным, задержится с окончательной ликвидацией противника в районе Данцига и Гдыни до середины апреля и не сможет начать наступление с Одера одновременно с 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами.

— Ну, что ж, — сказал Сталин, — придётся начать операцию не дожидаясь действий фронта Рокоссовского. Если он запоздает на несколько дней — не беда.

Сталин подошёл к письменному столу и из стопки бумаг достал письмо:

— Вот, прочтите.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Письмо было от одного из иностранных доброжелателей. В нём сообщалось о закулисных переговорах гитлеровских агентов с официальными представителями союзников, из которых становилось ясно, что немцы предлагали союзникам прекратить борьбу против них, если они согласятся на сепаратный мир на любых условиях. В этом сообщении говорилось также, что союзники якобы отклонили домогательства немцев. Но всё же не исключалась возможность открытия немцами путей союзным войскам на Берлин.

— Ну, что вы об этом скажете? — спросил И. В. Сталин. И, не дожидаясь ответа, тут же заметил: — Думаю, Рузвельт не нарушит ялтинской договоренности, но вот Черчилль, этот может пойти на всё”.

После Ялтинской конференции в феврале 1945 года, где Сталин, Черчилль и Рузвельт обсуждали проблемы завершающего этапа войны и послевоенного раздела мира и Германии, усилились сепаратные переговоры между Германией и Англией. Известно, что Гиммлер действовал через руководителя шведского Красного Креста графа Бернадота. А тот переправлял послания через пролив. Черчилль до последнего не оставлял мысли ударить по Красной армии объединёнными силами союзников.

В эти дни британский фельдмаршал Монтгомери, командующий 21-й группой армий союзников, телеграфировал командующему союзническими войсками американскому генералу Эйзенхауэру, прося выделить ему десять дивизий для рывка на Берлин. Осторожный американец написал письмо Сталину. Делясь впечатлениями о ходе успешных действий его войск в Рурском бассейне, Эйзенхауэр сообщал: “Я рассчитываю, что эта фаза операции завершится в конце апреля, а может быть, и раньше, и моя следующая задача будет состоять в рассеении войск противника посредством соединения с Вашими армиями”. Сталин тотчас же ответил американцу: “Ваш план рассеения немецких сил путём соединения советских войск с вашими войсками вполне совпадает с планом Советского Главнокомандования”. В письме Сталина была и такая фраза: “Берлин потерял своё прежнее стратегическое значение. Поэтому Советское Главнокомандование думает выделить в сторону Берлина второстепенные силы”.

Как бы не так! Именно на берлинском направлении Ставка сконцентрировала свою ударную группировку в виде трёх фронтов. И этими фронтами командовали самые лучшие маршалы Сталина.

Тридцатого марта был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР: за умелое выполнение заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями большого масштаба командующий войсками 1-го Белорусского фронта маршал Г. К. Жуков награждается вторым орденом «Победа». Орден Жукову вручат почти через два месяца, уже после Победы, 25 мая 1945 года в Кремле.

Первого апреля 1945 года в Ставке обсуждали план Берлинской операции.

На заседание был вызван и Конев. Рокоссовского, чей фронт основательно увяз в упорных боях в Восточной и Западной Пруссии у Данцига, Сталин решил не беспокоить.

У Конева появился шанс тоже ударить по Берлину. После февральских боёв на дрезденском направлении правый фланг 1-го Украинского фронта близко придвинулся к Берлину и был развёрнут на северо-запад. Правда, для рывка к южным пригородам Берлина Коневу необходимо было перегруппировать свои ударные силы — две танковые армии — с силезского направления на берлинское. Предстоял большой изнурительный марш. Но Конев знал возможности своих танковых командиров и, как покажут дальнейшие события, в ходе битвы довольно успешно воспользуется ими.

Во время заседания Конев, докладывавший первым, неожиданно заявил:

— Товарищ Сталин, наши войска тоже хотят участвовать в штурме Берлина, а разграничительная линия между нами и фронтом Жукова не позволяет сделать этого.

Сталин, выдержав паузу, отреагировал тоже совершенно неожиданно:

— Хорошо. В случае упорного сопротивления противника на восточных подступах к Берлину, что наверняка произойдёт, и возможной задержки наступления 1-го Белорусского фронта 1-му Украинскому фронту быть готовым нанести удар танковыми армиями с юга на Берлин.

Вторым докладывал Жуков. В Москву он прибыл с двумя вариантами плана удара по Берлину.

В марте 1945 года совместными ударами в Верхней и Нижней Силезии фронты Жукова и Конева нанесли поражение главным силам группы армий «Висла». Группой армий командовал давний соперник Жукова генерал Хейдрихи. Это он, в ту пору командующий 4-й полевой армией группы армий «Центр», искусно притормаживал наступление армий Западного фронта зимой 1942 года под Медынью, Юхновом и на Варшавском шоссе. Из его рук Жуков так и не смог выхватить Западную группировку 33-й армии и части десантных бригад. Весной 1945 года левое крыло фронта маршала Жукова и правое крыло фронта маршала Конева нанесли серьёзное поражение 3-й и 2-й танковым армиям группы армий «Висла». Восточная Померания была очищена от противника.

Тем временем армии, стоявшие на Одере, энергично расширяли захваченные плацдармы. Главным из них был Кюстринский. Его ширина позволяла сосредоточить на западном берегу крупную группировку. Именно с него в середине апреля на Берлин хлынут четыре полевых армии и 11-й танковый корпус — ударные силы первого эшелона фронта.

На юге в районе Франкфурга-на-Одере части 33-й и 69-й армий захватили большие плацдармы и надёжно удерживали их. На 3 апреля Жуков планировал проведение частной операции по объединению и расширению плацдармов, и ликвидации франкфуртской группировки противника. Именно там, на южном плацдарме, он планировал разместить основную ударную группировку: 8-ю гвардейскую, 33-ю и 69-ю общевойсковые армии, а за ними, во втором эшелоне, — 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии. Таким образом, главный удар намечался с юга на северо-запад и запад, в обход Зееловских высот и каналов, которые закрывали путь на Берлин группировке, расположенной на Кюстринском плацдарме. Этот вариант удара значился как план «Б».

Но на совещании, когда определилась угроза опережающей атаки союзников, была поставлена задача покончить с берлинской группировкой и за-

хватить Берлин как можно скорей, план “Б” не годился. Оставался план “А”. Жуков знал, что его реализация потребует огромных усилий и жертв.

О плане “Б” Жуков во время встречи с Верховным и на заседании Ставки попросту промолчал.

Второго апреля 1945 года план наступления 1-го Белорусского фронта был окончательно одобрен с доработками и корректировками.

На Кюстринском плацдарме сразу закипела работа.

Шестнадцатого апреля 1945 года к 5.25 артиллерийская подготовка на участке прорыва достигла наивысшей мощи. Огонь вёлся по заранее разведанным целям. “Внакладку” на огонь ствольной артиллерии работали дивизионы “катыш”. Они били по опорным пунктам и узлам сопротивления первой и второй линий немецкой обороны. Артподготовка длилась около получаса. Затем огненный вал стал медленно перемещаться в глубину немецкой обороны. Пленные немцы потом говорили, что артподготовка длилась несколько часов.

Самым трудным препятствием в начале боя ещё до подхода к Зееловским высотам стали многочисленные каналы. Их пришлось преодолевать 5-й ударной армии генерала Берзарина.

Этой была мощная армия — четыре корпуса: два стрелковых, один гвардейский стрелковый и один танковый. Корпуса полные, трёхсоставные.

Военный историк Алексей Исаев в книге “Битва за Берлин” приводит данные о потерях 5-й ударной армии за первый день атаки Зееловских высот: “Только на одном мосту через канал Гаупт Грабен (1 км западнее Лечина) при восстановлении переправы было потеряно убитыми и ранеными 80 человек”; потери бронетехники — “4 Т-34, 1 ИС-2, 1 СУ-76 сгоревшими, 8 Т-34 и 16 ИС-2 подбитыми”.

Уже в первый день наступления Жуков почувствовал, что артподготовка и налёты бомбардировочной авиации лишь повредили немецкую оборону, существенно не нарушив её. Небольшие вклинения не обещали необходимого прорыва. На плацдарме сосредоточились для рывка вперёд обе танковые армии. Но прорыва пока не намечалось, армии прогрызали оборону противника, насыщенную огневыми средствами, в том числе противотанковыми орудиями. И тогда Жуков, не дожидаясь прорыва, бросил в бой танковые армии. Халхин-Гол! Танковые лавины с ходу прорвали немецкие порядки, начали кромсать и свёртывать фланги. Дух Халхин-Гола витал и здесь, на подступах к Берлину. Мощь и стремительность. Расчёт и риск.

Вечером 16 апреля Жуков докладывал Верховному: сказал о затруднениях, возникших в ходе наступления, и о том, что рубеж Зееловских высот раньше завтрашнего дня взять не удастся. Сталин ответил раздражённо:

— Вы напрасно ввели в дело 1-ю гвардейскую танковую армию на участке 8-й гвардейской армии, а не там, где требовала Ставка. — И, выдержав тяжёлую паузу, спросил: — Есть ли у вас уверенность, что завтра возьмёте зееловский рубеж?

— Завтра, 17 апреля, к исходу дня оборона на зееловском рубеже будет прорвана, — ответил Жуков. — Считаю, что чем больше противник будет бросать своих войск навстречу нашим войскам здесь, тем легче и быстрее мы возьмём затем Берлин, так как войска противника легче разбить в открытом поле, чем в укреплённом городе.

Будто не слыша Жукова, Верховный сказал:

— Мы думаем приказать Коневу двинуть танковые армии Рыбалко и Лелюшенко на Берлин с юга, а Рокоссовскому ускорить форсирование и тоже ударить в обход Берлина с севера.

Возможно, именно в те минуты Жуков особенно пожалел, что не представил Ставке план “Б”. На Зееловских высотах немцы выстроили мощнейшую оборону. Теперь приходится прогрызать её массивным огнём артиллерии большой мощности и танками. И всё это оплачивать кровью пехотинцев, танкистов и самоходчиков.

— До свидания, — сухо ответил Сталин, никак не отреагировав на слова Жукова.

Семнадцатого апреля над Зееловскими высотами поднялся смерч огня и железа и не опадал целые сутки. Это было грандиозное и яростное сраже-

ние. Одни одолевали, но никак не могли прикончить врага. А другим уже нечего было терять, и они мужественно умирали в своих последних окопах.

Восемнадцатого утром рубеж кровавых Зееловских высот был, наконец, преодолен.

На военно-научной конференции в Группе советских войск в Германии, где подробно разбирались успехи и просчёты битвы за Берлин, командующий 1-й гвардейской танковой армией генерал Катукوف сказал: “У меня под Зееловом обход обозначился на правом фланге, и я принял на себя тяжёлую ответственность: снял 11-й гвардейский танковый корпус и 8-й гвардейский механизированный корпус, прикрылся истребительной артиллерией, оставил две бригады у тов. Чуйкова, а ему сказал: “Я пошёл, если удачно — за мной”.

За 17 апреля танковые корпуса Катукова потеряли 19 единиц бронетехники сгоревшими и 27 подбитыми. В основном это были танки Т-34.

В одном из поздних интервью Катукوف признавался: “Все, кто высунулся вперёд, моментально сгорели, потому что на высотах стоял целый артиллерийский корпус противника, а оборона немцев на Зееловских высотах сломлена не была”.

Семнадцатого апреля Конев получил разрешение Ставки повернуть танки своих армий на север и атаковать южный обвод обороны Берлина.

Так началась гонка авангардов двух фронтов. “Кто первый ворвётся, тот пусть и берёт Берлин...” Эта фраза теперь набатом гудела в ушах и Жукова, и Конева.

Тем временем 61-я армия 1-го Белорусского фронта форсировала Одер. Армией с 1942 года командовал генерал Белов. Тот самый кавалерист Павел Алексеевич Белов, который постоянно выручал Западный фронт под Москвой, а потом завяз в окружении под Вязьмой, но успешно вышел оттуда, прорвав немецкие линии на Варшавском шоссе. Теперь дивизии генерала Белова энергично расширяли плацдарм на западном берегу Одера. Какой мучительно-долгой оказалась дорога этой армии к Победе!

Двадцатого апреля Жуков телеграфировал командующему 2-й гвардейской танковой армией генералу Богданову: “2-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы. Лично Вам поручаю исполнение.

Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов утра 21 апреля 1945 г. любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедленно донести для доклада т. Сталину и объявления в прессе”.

Командармы зачастую значительно корректировали приказы комфронта. Им на месте было виднее, что и как делать. Откорректировал приказ Жукова и генерал Богданов. 20 апреля его танки при поддержке пехоты 3-й ударной и 47-й армий двигались к пригородам Берлина. Армейская артиллерия уже начала деморализующий обстрел городских кварталов. Но бросать бригады вперёд без предварительной разведки и зачистки от противотанковых засад и фаустников Богданов не решился. “Ворваться” и “водрузить” — это было пока нереально и чревато лишними и неоправданными потерями. Он с этими экипажами воевал с сентября 1943-го, с Днепра, и бросать под огонь своих гвардейцев за день до окончания войны не хотел.

Жукову часто ставят в вину лобовой штурм Зееловских высот. К сожалению, в историографии это стало общим местом, которое почти не оспаривается даже приверженцами Маршала Победы.

Исследователь битвы за Берлин военный историк Алексей Исаев пишет, что под удар во время штурма высот попала в основном 8-я гвардейская армия Чуйкова. “С учётом корпусных частей и средств усиления потери 8-й гв. армии в прорыве одерского рубежа можно оценить в 12–13 тыс. человек. Некоторые дивизии “просели” до численности немногим более 3 тыс. человек”. По подсчётам того же исследователя, 8-я гвардейская армия на высотах и обводных каналах потеряла сгоревшими и подбитыми 153 танка и самоходных артиллерийских установки. Общие потери бронетехники в войсках маршала Жукова с 16 по 22 апреля выглядят так: 531 танк и САУ — сго-

рело; столько же — 531 танк и САУ — было подбито; 94 танка и САУ вышло из строя по техническим причинам.

Именно на этом направлении немцы бросали навстречу огненному валу 1-го Белорусского фронта новые и новые резервные подразделения в надежде сбить темп атаки, погасить надвигающийся вал русских. В бой последовательно были введены танковая гренадёрская дивизия “Курмарк”, танковая дивизия “Мюнхеберг”, 18-я и 25-я танковые гренадёрские дивизии и дивизии СС “Нордланд” и “Недерланд”. Всё это попало под русский смерч и было частично перемолото во время столкновения, а частично отхлынуло и растеклось по городским кварталам.

Глава тридцать седьмая

БЕРЛИН

“Уравнение со многими неизвестными...”

Спустя годы маршал, размышляя о Берлинской операции, твёрдо стоял на своём: “Ошибка не было. Однако следует признать, что нами была допущена оплошность, которая затянула сражение при прорыве тактической зоны на один-два дня.

При подготовке операции мы несколько недооценивали сложность характера местности в районе Зееловских высот, где противник имел возможность организовать труднопреодолимую оборону. Находясь в 10–12 километрах от наших исходных рубежей, глубоко врывшись в землю, особенно за обратными скатами высот, противник смог уберечь свои силы и технику от огня нашей артиллерии и бомбардировок авиации. Правда, на подготовку Берлинской операции мы имели крайне ограниченное время, но и это не может служить оправданием.

Вину за недоработку вопроса, прежде всего, я должен взять на себя.

Думаю, что если не публично, то в размышлениях наедине с самим собой ответственность за недостаточную готовность к взятию Зееловских высот в армейском масштабе возьмут на себя и соответствующие командующие армиями. При планировании артиллерийского наступления следовало бы предусмотреть трудности уничтожения обороны противника в этом районе.

Сейчас, спустя много времени, размышляя о плане Берлинской операции, я пришёл к выводу, что разгром берлинской группировки противника и взятие самого Берлина были сделаны правильно, но можно было бы эту операцию осуществить и несколько иначе.

Слов нет, теперь, когда с исчерпывающей полнотой всё ясно, куда легче мысленно строить наступательный план, чем тогда, когда надо было практически решать уравнение со многими неизвестными. И всё же хочу поделиться своими соображениями по этому поводу.

Взятие Берлина следовало бы сразу, и в обязательном порядке, поручить двум фронтам: 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому, а разграничительную линию между ними провести так: Франкфурт-на-Одере — Фюрстенвальде — центр Берлина. При этом варианте главная группировка 1-го Белорусского фронта могла нанести удар на более узком участке в обход Берлина с северо-востока, севера и северо-запада. 1-й Украинский фронт нанёс бы удар своей главной группировкой по Берлину на кратчайшем направлении, охватывая его с юга, юго-запада и запада.

Мог быть, конечно, и иной вариант: взятие Берлина поручить одному 1-му Белорусскому фронту, усилив его левое крыло не менее чем двумя общевойсковыми и двумя танковыми армиями, одной авиационной армией и соответствующими артиллерийскими и авиационными частями.

При этом варианте несколько усложнилась бы подготовка операции и управление ею, но значительно упростилось бы общее взаимодействие сил и средств по разгрому берлинской группировки противника, особенно при взятии самого города. Меньше было бы всяких трений и неясностей”.

Солдат Крапилин и тут стоял перед ним, в воспоминаниях и размышлениях, в бессильной и бесплотной попытке ещё раз перевоевать Берлинскую операцию уже более правильно, рациональнее, с наименьшими затратами и потерями. Маршал смотрел своему солдату в глаза, но нам, читателям и потомкам, так и не признался в своих сомнениях, сразу отрезав: “Ошибок не было”. Но достаточно пространные рассуждения о вариантах проведённой операции, вылившейся в пять дней и пять ночей непрерывного кровопролития, и есть признание ошибки. Большого от такого характера, как Жуков, требовать невозможно. Это место в его книге написано чернилами бессонных ночей и мучительных раздумий. Маршал надеялся, что “соответствующие командующие армиями” тоже “возьмут на себя” “ответственность за недостаточную готовность к взятию Зееловских высот”. Но — увы. Никто из генералов не пожелал этого сделать ради правды истории, видимо, опасаясь бросить тень на свои ордена.

Конеv, получив добро Верховного на поворот своих танковых армий в северном направлении, вовсю гнал Рыбалко и Лелюшенко к Берлину. И вскоре, почти одновременно с войсками 1-го Белорусского фронта, его авангарды прорвали немецкие порядки на внешнем обводе и стали занимать квартал за кварталом. Началась гонка фронтов — кто первый доберётся до центра Берлина.

После смерти маршала Коневa вышли его “Записки командующего фронтом”, с главами, ранее никогда не публиковавшимися. В них он, рассказывая о Берлинской операции, затрагивает тему непростых отношений с Жуковым: “Известно, что Жуков не хотел и слышать, чтобы кто-либо, кроме войск 1-го Белорусского фронта, участвовал во взятии Берлина. К сожалению, надо прямо сказать, что даже тогда, когда войска 1-го Украинского фронта — 3-я и 4-я танковые армии и 28-я армия — вели бои в Берлине, — это вызвало ярость и негодование Жукова. Жуков был крайне раздражён, что воины 1-го Украинского фронта 22 апреля появились в Берлине. Он приказал генералу Чуйкову следить, куда продвигаются наши войска. По ВЧ Жуков связался с командармом 3-й танковой армии Рыбалко и ругал его за появление со своими войсками в Берлине, рассматривая это как незаконную форму действий, проявленную со стороны 1-го Украинского фронта.

Когда войска 3-й танковой армии и корпус Батицкого 27-й армии подошли на расстояние трёхсот метров к рейхстагу, Жуков кричал на Рыбалко: “Зачем вы тут появились?”

Вспоминая это время, должен сказать, что наши отношения с Георгием Константиновичем Жуковым в то время из-за Берлина были крайне обострены. Обострены до предела, и Сталину не раз приходилось нас мирить. Об этом свидетельствует и то, что Ставка неоднократно изменяла разграничительную линию между нашими фронтами в битве за Берлин с тем, чтобы большая часть Берлина вошла в зону действия 1-го Белорусского фронта”.

Пилихинская натура — не мог Жуков допустить, чтобы победу, наполовину уже урезанную Верховным, отнял сосед слева, который всю войну был его подчинённым.

И всё же первое донесение о прорыве в Берлин ушло в Москву из штаба 1-го Украинского фронта: “Москва, тов. Сталину, лично.

1. 3 гв. ТА Рыбалко передовыми бригадами ворвалась в южную часть Берлина и к 17.30 ведёт бой за Тельтов и в центре Ланквиц.

2. 4 гв. ТА Лелюшенко — 10 тк ведёт бой в районе Зармут (10 км юго-вост. Потсдам).

22.00 22.4.45.

Конев”.

Но неожиданный удар Коневa на самом деле выручил войска 1-го Белорусского фронта, во многом облегчил их последующие действия и при прорыве внешнего оборонительного обвода Берлина, и во время боёв непосредственно в городе. 12-я армия генерала Венка, предназначавшаяся для контрудара по нашим частям, прорвавшим зееловский укрепрайон, была брошена против войск Коневa, наступавших с южного фланга и угрожавших полным окружением берлинской группировки.

Несмотря на полную обречённость, немцы продолжали ожесточённо сопротивляться. 23 апреля Геббельс выступил по берлинскому радио с заявлением: обороной Берлина с этой минуты руководит сам фюрер, “и это придаёт битве за столицу европейское значение”. Геббельс сказал, что на защиту города встало всё население, “и члены партии, вооружённые панцерфаустами, автоматами и карабинами, заняли посты на перекрёстках улиц”.

А наступающие, чувствуя жестокий азарт, проламывались сквозь очередные линии пошатнувшейся обороны.

Двадцать пятого апреля передовые части 1-го Украинского фронта вышли к Эльбе и встретились с подошедшими с западной стороны войсками 1-й американской армии.

Танкисты Рыбалко с ходу форсировали Шпрее и продвигались к центру Берлина. Вскоре выяснилось, что они идут по тылам 1-й гвардейской танковой армии Катюкова и 8-й гвардейской армии Чуйкова, которые, вопреки разграничительной линии, продвигались к центру города по “чужим” кварталам.

Чтобы избежать неразберихи и удара по своим, Конев 28 апреля обратился к Жукову: “Прошу распоряжения изменить направление наступления армий т. Чуйкова и т. Катюкова”. Жуков эту просьбу оставил без ответа, а спустя несколько часов телеграфировал Сталину:

“Докладываю:

1. Войска 1-го Белорусского фронта, продолжая уличные бои в центре г. Берлина, к 19.00 28 апреля 1945 г. ведут бой на линии <...>

2. Я решил встречным ударом 2 гв. ТА и правого фланга 3 уд. А в юго-восточном направлении, всеми силами 5 уд. А, 1 гв. ТА и 8 гв. ТА в северо-западном направлении расколоть окружённую группировку в Берлине на две части, после чего оставшиеся очаги обороны уничтожить по частям.

По состоянию на 19.00 28 апреля 1945 г. эти наступающие навстречу друг другу группы войск фронта находятся на удалении полтора километра одна от другой и в ближайшее время соединятся.

3. Две стрелковые дивизии 28-й армии и одна мсбр 3 гв. ТА 1-го Украинского фронта, имея от Конева задачу наступать из района ст. Палештрассе (полтора километра западнее аэропорта Темпельхоф) на север вдоль железной дороги, 28 апреля 1945 г. вышли в тыл боевых порядков 8 гв. А и 1 гв. ТА.

Наступление частей Конева по тылам 8 гв. А и 1 гв. ТА создало путаницу и перемешивание частей, что крайне осложнило управление боем. Дальнейшее их продвижение в этом направлении может привести к ещё большему перемешиванию и к затруднению в управлении.

Докладывая изложенное, прошу установить разграничительную линию между войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов или разрешить мне сменить части 1-го Украинского фронта в г. Берлине”.

Да, непрост был Жуков. Непрост.

Сталин приказал Коневу отвести свои войска за новую линию разграничения.

Жуков всё же настоял на своём.

Тридцатого апреля подразделения 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта ворвались в рейхстаг.

Ранним утром 1 мая Жукову сообщили с командного пункта 8-й гвардейской армии: на КП прибыла группа парламентариев во главе с начальником штаба сухопутных сил генералом Кребсом. Жуков попросил Чуйкова доложить подробно. Выслушал и приказал:

— Никакого перемирия. Никаких переговоров. Только полная и безоговорочная капитуляция. Что ещё говорит Кребс?

— Говорит, что Гитлер покончил с собой.

Жуков послал в штаб Чуйкова генерала Соколовского, а сам позвонил в Москву. Ему сообщили, что Сталин только что лёг спать и просил не будить.

— Разбудите, — потребовал он. — Очень важно.

Вскоре Верховный взял трубку. Жуков доложил.

— Доигрался, подлец! — сказал Сталин. — Жаль, что не удалось взять его живым.

Так завершилась схватка двух диктаторов, двух систем, двух народов. Но сокрушением немецкой группировки в Берлине и окрестностях военные действия не окончились. Конев повернул свои танковые армии на Прагу. Ему ещё предстояло уничтожить крупную группировку генерала Шёрнера в Чехословакии. Ленинградский фронт маршала Говорова сдавливал окружённую и прижатую к морю Курляндскую группировку. Рокоссовский дожимал остатки 3-й танковой армии и добивал последние немецкие гарнизоны на изолированных плацдармах у Балтийского моря и на островах Борнхольм, Воллин, Рюген. Но Берлин, дымясь развалинами и смердя непогребёнными, уже лежал у ног победителей.

Второго мая Верховный подписал приказ: “Войска 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова при содействии войск 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Конева после упорных уличных боёв завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня, 2 мая полностью овладели столицей Германии городом Берлин — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии.

Берлинский гарнизон, оборонявший город, во главе с начальником обороны Берлина генералом от артиллерии Вейдлингом и его штабом сегодня в 15 часов прекратил сопротивление, сложил оружие и сдался в плен.

2 мая к 21 часу нашими войсками взято в плен в городе Берлин более 70 000 немецких солдат и офицеров.

...В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение Берлином, представить к присвоению наименования “Берлинских” и к награждению орденами.

Сегодня, 2 мая, в 23 часа 30 минут в честь исторического события — взятия Берлина советскими войсками — столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует своим доблестным войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трёхсот двадцати четырёх орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, участвовавшим в боях за овладение Берлином.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза

И. Сталин.

2 мая 1945 года”.

Жуков за эти бои был в третий раз удостоен звания Героя Советского Союза.

Седьмого мая в штаб фронта из Москвы поступила телеграмма:

“Заместителю Верховного Главнокомандующего Маршалу Советского Союза Жукову Г. К.

Ставка Верховного Главнокомандования уполномочивает Вас ратифицировать протокол о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил”.

На следующий день, 8 мая в Карлсхорсте, в восточном секторе Берлина состоялась церемония подписания акта о безоговорочной капитуляции германских войск перед союзными войсками. Но у этой истории была предыстория, довольно неприятная для советской стороны. И теперь Жукову, как не раз это случалось, предстояло исправить ошибку.

Дело в том, что 5 мая в штаб Эйзенхауэра прибыл полномочный представитель нового президента Германии и верховного главнокомандующего гросс-адмирала Дёница для переговоров о капитуляции германских войск. Эйзенхауэр связался с Москвой и проконсультировался по поводу того, приемлема ли предложения Дёница для советской стороны. Сталин через генерала Антонова дал согласие на подписание капитуляции немецких войск на Западном и Восточном фронтах. В Реймсе, в ставке Эйзенхауэра капитуляцию подписали Эйзенхауэр, генерал Йодль и начальник советской военной

миссии в Реймсе генерал Суслопаров. Однако Сталин вдруг спохватился, усомнившись в верности своего первоначального решения, и потребовал второго подписания акта в Берлине. Генерал Суслопаров показался ему фигурой слишком легковесной. Да и Красная армия заплатила несопоставимо большую цену, чтобы документ подписывали во французском городе, оккупированном американскими войсками.

Во время телефонных переговоров Сталин сказал Жукову:

— Мы договорились с союзниками считать подписание акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции. Завтра в Берлин придут представители немецкого главнокомандования и представители Верховного командования союзников. Представителем Верховного главнокомандования советских войск назначается вы. К вам вылетел Вышинский. После подписания акта он останется в Берлине в качестве помощника главноначальствующего по политической части. Главнокомандующим по Германии назначаетесь вы, одновременно будете главнокомандующим советских оккупационных войск в Германии.

Кем становился для Сталина Жуков, когда война была закончена Победой, когда верный маршал сделал своё главное дело, можно понять только по одному факту — какого человека “по политической части” “в качестве помощника главноначальствующего” он прислал в Берлин. Правда, бывший прокурор зловещих 1930-х в то время занимал более мирный пост — заместителя наркома иностранных дел СССР.

О том дне в Карлсхорсте маршал рассказал довольно подробно в “Воспоминаниях и размышлениях”: “Как мы условились заранее, в 23 часа 45 минут Теддер, Спаате и Латр де Тассиньи, представители от союзного командования, А. Я. Вышинский, К. Ф. Телегин, В. Д. Соколовский и другие собрались у меня в кабинете, находившемся рядом с залом, где должно было состояться подписание немцами акта безоговорочной капитуляции.

Ровно в 24 часа мы вошли в зал.

Начиналось 9 мая 1945 года...

Все сели за стол. Он стоял у стены, на которой были прикреплены государственные флаги Советского Союза, США, Англии, Франции.

В зале за длинными столами, покрытыми зелёным сукном, расположились генералы Красной армии, войска которых в самый короткий срок разгромили оборону Берлина и вынудили противника сложить оружие. Здесь же присутствовали многочисленные советские и иностранные журналисты, фоторепортёры.

— Мы, представители Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил и Верховного командования союзных войск, — заявил я, открывая заседание, — уполномочены правительствами стран антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования. Пригласите в зал представителей немецкого главного командования.

Все присутствовавшие повернули головы к двери, откуда сейчас должны были появиться те, кто хвастливо заявлял на весь мир о своей способности молниеносно разгромить Францию, Англию и не позже как в полтора-два месяца раздавить Советский Союз.

Первым, не спеша и стараясь сохранить видимое спокойствие, переступил порог генерал-фельдмаршал Кейтель, ближайший сподвижник Гитлера. Выше среднего роста, в парадной форме, подтянут. Он поднял руку со своим фельдмаршальским жезлом вверх, приветствуя представителей Верховного командования советских и союзных войск.

За Кейтелем появился генерал-полковник Штумпф. Невысокий, глаза полны злобы и бессилия. Одновременно вошёл адмирал флота фон Фридебург, казавшийся преждевременно состарившимся.

Немцам было предложено сесть за отдельный стол, который специально для них был поставлен недалеко от входа.

Генерал-фельдмаршал не спеша сел и поднял голову, обратив свой взгляд на нас, сидевших за столом президиума. Рядом с Кейтелем сели Штумпф и Фридебург. Сопровождавшие их офицеры встали за ними.

Я обратился к немецкой делегации:

— Имеете ли вы на руках акт безоговорочной капитуляции Германии, изучили ли его и имеете ли полномочия подписать этот акт?

Вопрос мой на английском языке повторил главный маршал авиации Теддер.

— Да, изучили и готовы подписать его, — приглушённым голосом ответил генерал-фельдмаршал Кейтель, передавая нам документ, подписанный гросс-адмиралом Дёницем. В документе значилось, что Кейтель, фон Фридебург и Штумпф уполномочены подписать акт безоговорочной капитуляции.

Это был далеко не тот надменный Кейтель, который принимал капитуляцию от побеждённой Франции. Теперь он выглядел побитым, хотя и пытался сохранить какую-то позу.

Встав, я сказал:

— Предлагаю немецкой делегации подойти сюда, к столу. Здесь вы подпишете акт безоговорочной капитуляции Германии.

Кейтель быстро поднялся, устремив на нас недобрый взгляд, а затем опустил глаза и, медленно взяв со столика фельдмаршальский жезл, неуверенным шагом направился к нашему столу. Монокль его упал и повис на шнурке. Лицо покрылось красными пятнами. Вместе с ним подошли к столу генерал-полковник Штумпф, адмирал флота фон Фридебург и немецкие офицеры, сопровождавшие их. Поправив монокль, Кейтель сел на край стула и слегка дрожащей рукой подписал пять экземпляров акта. Тут же поставили подписи Штумпф и Фридебург.

После подписания акта Кейтель встал из-за стола, надел правую перчатку и вновь попытался блеснуть военной выправкой, но это у него не получилось, и он тихо отошёл за свой стол.

В 0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года подписание акта безоговорочной капитуляции Германии было закончено. Я предложил немецкой делегации покинуть зал.

Кейтель, Фридебург, Штумпф, поднявшись со стульев, поклонились и, склонив головы, вышли из зала. За ними вышли их штабные офицеры.

От имени советского Верховного Главнокомандования я сердечно поздравил всех присутствовавших с долгожданной победой. В зале поднялся невообразимый шум. Все друг друга поздравляли, жали руки. У многих на глазах были слёзы радости. Меня окружили боевые друзья — В. Д. Соколовский, М. С. Калинин, К. Ф. Телегин, Н. А. Антипенко, В. Я. Колсакчи, В. И. Кузнецов, С. И. Богданов, Н. Э. Берзарин, Ф. Е. Боков, П. А. Белов, А. В. Горбатов и другие.

— Дорогие друзья, — сказал я товарищам по оружию, — нам с вами выпала великая честь. В заключительном сражении нам было оказано доверие народа, партии и правительства вести доблестные советские войска на штурм Берлина. Это доверие советские войска, в том числе и вы, возглавлявшие войска в сражениях за Берлин, с честью оправдали. Жаль, что многих нет среди нас. Как бы они порадовались долгожданной победе, за которую, не дрогнув, отдали свою жизнь.

Вспомнив близких друзей и боевых товарищей, которым не довелось дожить до этого радостного дня, эти люди, привыкшие без малейшего страха смотреть смерти в лицо, как ни крепились, не смогли сдержать слёз.

В 0 часов 50 минут 9 мая 1945 года заседание, на котором была принята безоговорочная капитуляция немецких вооружённых сил, закрылось.

Потом состоялся приём, который прошёл с большим подъёмом. Обед удался на славу! Наши хозяйственники во главе с начальником тыла генерал-лейтенантом Н. А. Антипенко и шеф-поваром В. М. Петровым приготовили отличный стол, который имел большой успех у наших гостей. Открыв банкет, я предложил тост за победу стран антигитлеровской коалиции над фашистской Германией. Затем выступил маршал А. Теддер, за ним Ж. Латр де Тассиньи и генерал К. Спаате. После них выступали советские генералы. Каждый говорил о том, что наболело на душе за все эти тяжёлые годы. Помню, говорилось много, душевно и выражалось большое желание укрепить навсегда дружеские отношения между странами антифашистской коалиции.

Говорили об этом советские генералы, говорили американцы, французы, англичане, и всем нам хотелось верить, что так оно и будет.

Праздничный ужин закончился утром песнями и плясками. Вне конкуренции плясали советские генералы. Я тоже не удержался и, вспомнив свою юность, сплясал “русскую”. Расходились и разъезжались под звуки канонады, которая производилась из всех видов оружия по случаю победы. Стрельба шла во всех районах Берлина и его пригородах. Стреляли вверх, но осколки мин, снарядов и пуль падали на землю, и ходить утром 9 мая было не совсем безопасно. Но как отличалась эта опасность от той, с которой все мы сжились за долгие годы войны!

Подписанный акт безоговорочной капитуляции утром того же дня был доставлен в Ставку Верховного Главнокомандования.

Первый пункт акта гласил:

“1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени германского верховного командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооружённых сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, Верховному Главнокомандованию Красной армии и одновременно Верховному Командованию союзных экспедиционных сил”.

Днём 9 мая мне позвонили из Москвы и сообщили, что вся документация о капитуляции немецко-фашистской Германии получена и вручена Верховному Главнокомандующему.

Итак, закончилась кровопролитная война. Фашистская Германия и её союзники были окончательно разгромлены”.

Кейтель тоже оставил свидетельства о Карлсхорсте. Изложил он их на бумаге в юнрибергской тюрьме, когда ему уже ладили петлю для казни: “Незадолго до 24 часов — часа вступления капитуляции в силу — я был вместе с сопровождающими меня лицами препровождён в офицерскую столовую (казино) казармы. В тот самый момент, когда часы пробили полночь, мы вошли в большой зал через широкую боковую дверь. Нас сразу же провели к стоявшему поперёк длинному столу с тремя стульями... Зал был заполнен до самого последнего уголка и ярко освещён многочисленными “юпитерами”. Поперечный и три продольных ряда стульев были плотно заняты сидящими. На председательском месте за торцовым столом сидел генерал Жуков, справа и слева от него — уполномоченные Англии и Америки. Когда начальник штаба Жукова положил передо мною Акт на трёх языках, я потребовал разъяснения, почему в его текст не внесено требуемое мною ограничение репрессивных. Он вернулся к Жукову, а потом, после краткого совещания с ним, которое я мог наблюдать, снова подошёл ко мне и сказал: “Жуков категорически обещает мне неприменение этих мер с продлением срока на 12 часов”.

Торжественный церемониал начался несколькими вступительными словами. Затем Жуков спросил меня, прочел ли я Акт о капитуляции. Я ответил: “Да”. Второй вопрос гласил: готов ли я признать его, поставив свою подпись? Я снова ответил громким “да”. Сразу же началась процедура подписания... По завершении её я вместе с сопровождавшими меня лицами покинул зал через заднюю дверь.

Нас опять привели в нашу небольшую виллу; здесь... стол устали закусками и различными винами, а в остальных комнатах устроили спальни — для каждого отдельная постель с чистым бельем. Офицер-переводчик сообщил о предстоящем приходе русского генерала, стол снова сервировали. Через полчаса явился обер-квартирмейстер Жукова и пригласил нас к столу, но сам просил извинить его, так как он должен удалиться. Блюда были гораздо скромнее, чем те, к которым мы привыкли, но пришлось довольствоваться этим. Тем не менее, я не преминул заметить, что мы к такой роскоши и к такому богатому столу непривычны. Он явно почувствовал себя польщённым этой репликой. Мы полагали, что заставленный закусками стол означает конец этого пиршества в гостях у палачей. Но когда мы уже достаточно насытились, вдруг подали горячие блюда, жаркое и т. п. А на десерт — свежзамороженную клубнику, которую я ел первый раз в жизни.

Этот десерт явно был из берлинского ресторана Шлеммера, да и вина были того же происхождения”.

Лидия Захарова, которая, как и другие девушки-военнослужащие, на праздничном ужине выполняла роль официантки, после войны рассказывала писателю Андрею Жарикову, что “когда на банкете было уже шумно, слышались радостные голоса и звучала музыка”, Жуков её “поманил к себе” и сказал: “Возьми бутылку водки и хорошей закуски, отнеси Кейтелю...”

— Я знала, — рассказывала Лидия Владимировна, — Жуков не допускал подобных шуток, но сначала подумала, что он пошутил. Но когда ответила “Есть!” и он не остановил меня, я поняла: это приказ. Охраняли немцев англичане и наши пограничники, ребята пропустили меня с подносом. Кейтель был в комнате вместе со своим адъютантом. Он сидел за столом, подперев ладонью лоб. Мне показалось, что он плакал...”

Но поразил всех на том банкете танец маршала.

Уже все главные и обязательные тосты были произнесены, уже хорошенько выпили, и пошли вольные разговоры, когда заиграл вдруг баян. И не просто заиграл, а с ходу рванул “русского”. В середине зала стали расступаться. Русские все затихли в ожидании, кто же выйдет в круг? Иностранцы замерли, вообще не понимая, что происходит.

И вдруг в образовавшийся круг к баянисту выскочил маршал Жуков! Он жваво*, легко “прошёлся”, и, как это ярко и точно выразил Твардовский в “Василии Тёркине”, “пошёл, пошёл работать, наступая и грозя...” Всё тут в нём всколыхнулось — и трудная война, и горечь потерь, и родная калужская Стрелковщина, научившая его этим лихим коленцам и движениям, и торжество жизни, преодолевшее весь смрад и ужас только что отгремевшей войны. И всем, наблюдавшим этот танец, выплеснувшийся из самой глубины русской души маршала, вдруг с ослепительной очевидностью открылось: это и есть венец их торжества — воин из воинов, лучший из них, танцует свой ликующий танец победителя.

Глава тридцать восьмая

НА БЕЛОМ КОНЕ

*“Вот он, долгожданный
и незабываемый день!..”*

Двадцать четвёртого июня 1945 года в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы.

Жуков вспоминал: “...каждый из нас считал, что Парад Победы будет принимать Верховный Главнокомандующий”. Интрига, однако, закрутилась и вокруг этой истории.

Впоследствии, когда многие из окружения Сталина, в том числе и охранники, начали давать интервью и рассказывать о некоторых подробностях жизни Хозяина, была опровергнута версия о том, что он якобы сам собирался принимать Парад Победы, да лошадь попалась с норовом и во время тренировки сбросила его. Сталин с гражданской войны не садился на коня, да и в молодости не был хорошим наездником. К тому же к концу Великой Отечественной войны у него развилась гипертония, и профессор Бакулев, регулярно осматривавший вождя, предостерегал его от каких бы то ни было перегрузок. Левая рука не позволяла Сталину управлять поводьями.

Людмила Лактионова, долгие годы общавшаяся с семьёй Жукова, рассказывала: “За 20 дней до начала парада Победы Сталин уведомил Жукова,

* Буквально — живо, энергично, весело. Как и в русском боевом искусстве, в русском народном танце танцоры делятся на две категории: 1) жвавые, живчики-рубаки; 2) “для добра нарождённые”, терпеливые, долго “нагревающиеся” и так же нескоро “остывающие”. Г. К. Жуков по своему темпераменту и характеру явно относился к первым.

что именно он будет принимать парад. Вначале Жукову дали цирковую лошадь Ладу. Жуков не знал цирковых команд. Выехал из Спасских ворот на репетицию. Лада у Лобного места встала на дыбы — свечой. Жуков её пришпорил. Лада упала на передние колени, как вкопанная. Жуков с неё соскочил. Репетиция оказалась законченной. Потом Жукову дали коня Вихря. На нём он репетировал и принимал парад”.

В “Воспоминаниях и размышлениях” Жуков писал: “Точно не помню, кажется, 18–19 июня меня вызвал к себе на дачу Верховный.

Он спросил, не разучился ли я ездить на коне.

— Нет, не разучился, да и сейчас продолжаю упражняться в езде.

— Вот что, — сказал И. В. Сталин, — вам придётся принимать Парад Победы. Командовать парадом будет Рокоссовский.

Я ответил:

— Спасибо за такую честь, но не лучше ли парад принимать Вам? Вы Верховный Главнокомандующий, по праву и обязанности парад следует принимать Вам.

И. В. Сталин сказал:

— Я уже стар принимать парады. Принимайте Вы, Вы помоложе.

Прощаясь, он заметил, как мне показалось, не без намека:

— Советую принимать парад на белом коне, которого вам покажет Будённый...”

По всей вероятности, Будённый и порекомендовал Жукову Ладу. Она была красива, статна, но слишком норовиста, и Жуков её заменил на более спокойного и надёжного Вихря.

Около 9:00 24 июня 1945 года Жуков на белом коне стоял у Спасских ворот. Одетый в новый парадный мундир, при всех орденах, с саблей на боку, он сидел в кавалерийском седле как влитой.

Пошёл дождь. От волнения у маршала вспотел лоб. Он снял фуражку и платком вытер лоб, а потом тщательно протёр кожаный подтулейник*. Позже этот его жест, попавший в кадр кинооператора, многие комментировали как молитву украдкой. Действительно, маршал снял фуражку и потом надел её с таким выразительным жестом, что это было похоже на то, как кавалеристы крестятся перед сабельной атакой.

“Вот он, долгожданный и незабываемый день! — напишет Жуков спустя годы. — Советский народ твёрдо верил, что он настанет”.

Полки на площади замерли в ожидании.

Ровно в 10:00 на Мавзолей поднялись руководители партии и правительства.

Жуков пустил Вихря рысью. Конь шёл ровно, как в манеже. Следом на таком же ослепительно-белом коне скакал генерал-адъютант Зелинский. От Исторического музея навстречу на гнедых конях мчались маршал Рокоссовский с адъютантом. Оркестр исполнял торжественное “Славься” Михаила Глинки.

Дождь усилился, и через несколько минут мундир Жукова промок насквозь.

После объезда и приветствия войск маршал спешил к Мавзолею, поднялся на гранитную трибуну и обратился с речью к присутствующим.

В тот момент его слушали все, собравшиеся на Красной площади. Все. Живые и мёртвые. Это был последний день, когда погибшие стояли в колоннах рядом с живыми. Вместе с живыми они ликовали Победе и швыряли штандарты поверженных дивизий и полков на московскую брусчатку. Среди них и пилот сбитого под Ельней И-16, и отважная разведчица Зоя Космодемьянская, и генерал Ефремов, и танкисты, сгоревшие в боевых машинах на Зееловских высотах. Здесь были все. Живые это чувствовали.

Тёплый летний дождь струйками стекал по глянцевым козырькам офицерских и солдатских фуражек, каплями дрожал на орденах и медалях, на сияющей меди оркестра. Шли сводные полки. Знаменосцы проносили знамёна и штандарты победивших фронтов и соединений.

* Внутренняя часть тульи офицерской фуражки.

После Парада Победы состоялся торжественный правительственный приём. Сталин произнёс тост, смысл которого потряс многих: “Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне всеобщее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение”.

Тогда это никого не оскорбило. Ни один народ. Потому что все знали, что именно русские выполнили основную и самую тяжкую работу войны.

Через несколько дней Сталину было присвоено звание генералиссимуса. Вождь отнёсся к этому сдержанно. Он хорошо понимал, что наступило иное время, которое будет мерить успехи и определять победы далеко не золотым шитьём на погонах отдельных личностей, не количеством орденов и даже не качеством их. В глазах вождя всё это было мишурой.

Война закончилась Победой. Но Победа не положила конец нечеловеческому напряжению. В состоянии постоянного перенапряжения народ вынужден был жить несколько лет подряд, а теперь, когда война кончилась, народу предстояло терпеть тяготы и дальше. Кое-что *для народа* всё же попытались сделать. Одиннадцатичасовой рабочий день отменили, вернули восьмичасовой. Но при этом снизилась зарплата. Военные заводы простаивали из-за того, что не стало заказов. Хуже всего, как всегда, было в деревне. По-прежнему действовал указ 1942 года “о повышении обязательной выработки трудодней” и уголовном наказании за невыполнение трудодней. Женщины, оставшиеся без мужей, не вернувшихся с войны, тянули колхозное подневолье из последних сил. Зачастую, чтобы выработать трудодни, приходилось заставлять работать в поле детей, стариков. После короткой радости Победы колхозная деревня снова погружалась в беспросветный мрак нужды и непосильного труда.

Демографические потери были вообще невосстановимы.

Сталин всё это понимал, как никто другой. Вот почему мундир генералиссимуса он так и не надел. А вскоре появилось раздражение по поводу непомерно раздутого прессой и народной молвой, как ему казалось, величия его маршалов. В особенности одного.

Жуков в те дни командовал Группой советский оккупационных войск в Германии, одновременно исполнял обязанности представителя Верховного главнокомандования в Контрольном совете по оккупации Германии. Парад отвлёк от берлинских забот, и несколько дней Жуков провёл в Москве в кругу семьи, родственников, друзей и боевых товарищей.

Вскоре после Парада и торжественного приёма в Кремле Жуков устроил семейную вечеринку у себя на даче в Сосновке. Было много друзей. Повеселились на славу. Произносили тосты, пели, танцевали. Среди гостей были генерал Крюков с женой Лидией Руслановой.

Жуков был рад за друга: Крюков наконец-то обрёл семейное счастье и не сводил глаз со своей избранницы. Русланова с нескрываемым удовольствием наслаждалась положением генеральши. Это был её четвёртый брак и, как оказалось, по-настоящему счастливый. Поздняя любовь, которая бывает самой крепкой и верной.

Русланову попросили спеть. Она спела, а потом сказала, что устала, что без аккомпанемента тяжело. И тут Жуков взял баян и лихо растянул меха. Певица восторгалась. Запела. Он ей стал подпевать. Так, дуэтом, и довели песню до конца. Русланова дружески похлопала его по плечу и сказала:

— Для маршала очень даже неплохо.

“Запомнилась мне эта вечеринка ещё и потому, — вспоминала Элла Георгиевна Жукова, — что на ней произошёл эпизод, который потом злославно-

ренно использовали недруги отца. Во время застолья, после того как были произнесены главные тосты за Победу, за отца и его боевых соратников, встала Русланова. Я очень любила эту совершенно уникальную женщину с её широкой натурой, весёлую, остроумную, по-особому величественную. Она как бы над всеми возвышалась. Я слушала её с особым вниманием. Лидия Андреевна сказала, что государство по заслугам оценило полководцев, защитивших нашу родину и разгромивших врага, но очень жаль, продолжала она, что никто не додумался учредить орден, которым бы награждали жён полководцев за их терпение и мужество, с которым они ещё с молодых лет делили с мужьями тяготы походной жизни, за страдания, которые они испытывали, переживая за мужей, подвергавшихся ежеминутной опасности на полях сражений. Но я считаю, сказала в заключение Лидия Андреевна, что имею право наградить жену первого полководца — Александру Диевну, с честью вышедшую из всех испытаний. С этими словами она извлекла не то из кармана, не то из маленькой сумочки брошь в форме звезды и приколола её маме на грудь. Потом объяснила, что брошь эта имеет не столько материальную, сколько историческую ценность: в своё время она принадлежала Наталье Николаевне Пушкиной. Лидии Андреевне удалось уговорить владельцев, передававших звезду из поколения в поколение, расстаться с нею, назвав, кому она предназначает её в подарок. Помню, как засмушалась мама, принимая бесценный дар, как бережно хранила его, хотя и давала мне в руки всякий раз, когда я просила полюбоваться.

Но реликвия недолго хранилась в нашей семье. Когда начались унижительные гонения на отца, в ходе одного из обысков она была конфискована как “незаконно приобретённая”. После этого следы броши теряются. Насколько мне известно, она не значилась в описи конфискованного имущества, которую отцу показали, когда он уже был министром обороны. Ему тогда советовали поднять вопрос о возвращении незаконно изъятого, но он отказался. “Не хочу ворошить прошлое”, — сказал он тогда дома.

Теперь, когда опубликованы многие архивные материалы о незаконных репрессиях, стало известно, что факт дарения броши жене Жукова инкриминировали арестованному генералу В. В. Крюкову с искажением мотивов и обстоятельств поступка. <...> Между тем интересно было бы узнать, где же всё-таки звезда Натальи Николаевны Пушкиной? В чьём кармане она оказалась и кто носит её без зазрения совести?”

Глава тридцать девятая

ВОЙНА ОКОНЧЕНА — ГОТОВЬСЯ К ВОЙНЕ

“Железный занавес опускается над их фронтом...”

Главным партнёром и соперником по работе в Контрольном совете по оккупации Германии у Жукова был Эйзенхауэр. Первое заседание Контрольный совет провёл 5 июня 1945 года. Перед началом заседания Эйзенхауэр вручил Жукову высшую воинскую правительственную награду США — орден “Легиона Почёта”.

Эйзенхауэр высоко ценил полководческий дар Жукова и ставил его первым среди военачальников Второй мировой войны. По его мнению, именно Жуков “имел самый большой опыт руководителя величайшими сражениями, чем кто-либо другой в наше время”. “Совершенно очевидно, — впоследствии написал Эйзенхауэр о Жукове, — что он был величайшим полководцем”.

У этой явно дипломатической дружбы, конечно же, не лишённой уважения солдата к солдату, была и подоплёка. Уже тогда среди близких ему людей будущий президент США говорил: “...мой друг Жуков будет преемником Сталина, и это откроет эру добрых отношений”.

В “Воспоминаниях и размышлениях” маршал писал: “Вначале беседа шла вокруг минувших событий. Д. Эйзенхауэр рассказал о больших трудно-

стях при проведении десантной операции через Ла-Манш в Нормандию, сложностях по устройству коммуникаций, в управлении войсками и особенно при неожиданном контрнаступлении немецких войск в Арденнах.

Переходя к делу, он сказал:

— Нам придётся договориться по целому ряду вопросов, связанных с организацией Контрольного совета и обеспечением наземных коммуникаций через советскую зону в Берлин для персонала США, Англии и Франции.

— Видимо, нужно будет договориться не только о наземных коммуникациях, — ответил я Д. Эйзенхауэру, — придётся решить вопросы о порядке полётов в Берлин американской и английской авиации через советскую зону.

На это генерал Спаатс, откинувшись на спинку стула, небрежно бросил:

— Американская авиация всюду летала и летает без всяких ограничений.

— Через советскую зону ваша авиация летать без ограничений не будет, — ответил я Спаатсу. — Будете летать только в установленных воздушных коридорах.

Тут быстро вмешался Д. Эйзенхауэр и сказал Спаатсу:

— Я не поручал вам так ставить вопрос о полётах авиации.

А затем, обратившись ко мне, заметил:

— Сейчас я приехал к вам, господин маршал, только с тем, чтобы лично познакомиться, а деловые вопросы решим тогда, когда организуем Контрольный совет.

— Думаю, что мы с вами, как старые солдаты, найдём общий язык и будем дружно работать, — ответил я. — А сейчас я хотел бы просить вас только об одном: быстрее вывести американские войска из Тюрингии, которая, согласно договоренности на Крымской конференции между главами правительств союзников, должна оккупироваться только советскими войсками”.

Солдатская дипломатия проста и конкретна. Она чем-то напоминает перегруппировку сил перед предстоящей битвой, управлять которой предстоит уже не военным. Военные в какой-то момент запоздало осознают это, и дипломатическая работа начинает тяготить их своей бесперспективностью.

Именно в те дни штабы союзников разработали окончательный вариант плана “Немыслимое”: удар по советским войскам, сосредоточенным в Европе. Атаку должны были осуществить 47 американских и английских дивизий, а также десять германских. Выводы, сделанные Комитетом по стратегическим вопросам при Объединённом комитете начальников штабов Великобритании и США, были для “атакующей” стороны весьма неутешительными: преимущество Красной армии в Европе настолько мощно, что возможная атака союзников, в лучшем случае, приведёт к тотальной войне с Россией с непредсказуемыми последствиями...

К тому же американцам предстояло покончить с Японией. Война на островах и в океане ещё продолжалась. И лучшим союзником в этой войне мог быть только Советский Союз.

Семнадцатого июля 1945 года в Потсдаме состоялась конференция глав стран победительниц. Это была третья и, как показала история, заключительная встреча руководителей “большой тройки”: Тегеран (1943), Ялта (1945) и, наконец, пригород Берлина.

С ними уже не было Рузвельта. А через девять дней Черчилля сменит новый премьер Англии Эттли. Только Сталин оставался завидным долгожителем на этом олимпе, предгорья которого были завалены искорёженным металлом Второй мировой войны. Войну ещё предстояло завершить, а завалы разобрать. В Европе это уже произошло, и настало время делить трофеи.

“Большая тройка” приняла решение о полной демилитаризации Германии. Упразднялись все сухопутные, морские и воздушные вооружённые силы, войска СС, СА, СД, службы гестапо, учебные заведения и команды, а также все военные и полувосенные организации. Оружие, амуниция и прочее воинское снаряжение подлежали уничтожению или передаче союзникам. Отменялись все нацистские законы, запрещалась пропаганда. Виновные в преступлениях, совершённых в годы войны, подлежали аресту и суду. Подлежала ликвидации вся военная промышленность, вводился запрет на производство любых видов вооружения и воинского снаряжения.

Однако по поводу некоторых пунктов соглашений сразу же возникли разногласия, и они чаще всего заканчивались не в пользу советской стороны. Так, СССР было отказано в осуществлении совместного контроля над Рурским промышленным районом.

В Потсдаме было подписано специальное соглашение о репарациях и праве народов, пострадавших от германской оккупации, на компенсацию уничтоженного и утраченного. Решили, что все стороны, включая Францию, “получат репарации из своих зон оккупации и за счёт германских вложений за границей”. СССР как страна, наиболее сильно пострадавшая от германской агрессии, получала дополнительно четвертую часть промышленного оборудования, изымаемого в западной промышленной зоне. Сталин — кавказец во всём! — умел и драться, и торговаться.

Торговаться в те дни Сталину было тяжело. За день до начала переговоров американцы взорвали атомную бомбу. Её взрывная волна в одно мгновение смела представления о будущих войнах, их тактике и стратегии, нарушила баланс сил и, как следствие, увеличила амбиции Запада. Сталин был потрясён, когда Трумэн как бы между прочим, в разговоре вне конференц-зала сообщил ему о том, что США владеют бомбой “исключительной силы”. Это означало, что, вместо восстановления народного хозяйства и послаблений, ожидаемых советскими людьми, необходимо — другого варианта нет! — снова запрягать свой народ в тяжёлые оглобли... “Иначе нас сомнут”. Пока же он по-прежнему располагал главным козырем — двадцатимиллионной армией. И этим козырем бил и американские бомбы “исключительной силы”, и претензии Англии, граничащие с наглостью.

Во время переговоров произошёл диалог, который характеризует и напряжение, не покидавшее стороны, и твёрдость Сталина, и его гибкий ум.

“СТАЛИН: Из печати, например, известно, что господин Иден, выступая в английском парламенте, заявил, что Италия потеряла навсегда свои колонии. Кто это решил? Если Италия потеряла, то кто их нашёл? (Смех). Это очень интересный вопрос.

ЧЕРЧИЛЛЬ: Я могу на это ответить. Постоянными усилиями, большими потерями и исключительными победами британская армия одна завоевала эти колонии.

ТРУМЭН: Все?

СТАЛИН: А Берлин взяла Красная армия. (Смех)”.

Смех, как говорят, самый изысканный способ показать зубы противнику.

Бомбы у Сталина к тому времени не было. Но были его молодые маршалы во главе огромных группировок в самом центре Европы. И это позволяло генералиссимусу чувствовать себя более раскованно, чем, к примеру, Черчиллю, чьи дни в большой политике истекали.

Но Сталин чувствовал, как его оттирают от трофеев, которые принесла Победа: от выхода к южным морям, от “бесхозного” золота, среди которого находились сокровища рухнувших монархий Европы, а также “нацистское” и русское “царское золото”; от иранской нефти, от датских островов, где в это время ещё стояли советские войска; от Триполитании*, которую Сталин хотел иметь в качестве колонии в Северной Африке.

Диктатор, обладавший сверхрациональным мышлением, прекрасно понимал, что в новой войне его молодые и талантливые полководцы победы не принесут. В новой войне, — а она, возможно, уже у дверей — победу принесёт бомба. Или несколько бомб. И средства их доставки — хорошие самолёты, способные преодолевать большие расстояния на большой высоте.

То, что война возможна в самое ближайшее время, Сталин почувствовал в дни победы над Японией.

Шестого и девятого августа 1945 года американские бомбардировщики сбросили на японские города Хиросиму и Нагасаки две атомных бомбы. 8 августа Советский Союз объявил войну Японии и атаковал позиции Квантунской армии на материке. Когда Молотов сказал американскому послу Гарриману, что у союзников в этой войне должны быть два командующих

* Нынешняя Ливия.

и предложил генерала Макарута и маршала Василевского, Гарриман ответил твёрдо, как о давно решённом: США воюет с Японией четыре года, а СССР всего два дня, а потому верховным главнокомандующим союзнических войск будет только американец и никто другой. Затем был отменён десант советских войск на остров Хоккайдо. Стало очевидным, что союзники попросту не желают пускать Красную армию на Японские острова.

Игра получила неожиданный поворот 11 августа. На этот день планировалась очередная встреча Молотова и Гарримана. До капитуляции Японии оставалось трое суток. Американцы спешили занять ключевые объекты и территории. Трумэн отдал распоряжение Макаруту “сразу же после капитуляции Японии занять порт Дальний”. Приказ должно было выполнить специальное подразделение морской пехоты.

Когда американские морские пехотинцы подошли к Дальнему, все подступы к порту уже контролировались советскими войсками.

Тогда Трумэн “в категорической форме потребовал” уступить США часть Курильских островов для развёртывания там базы и строительства аэродрома для своих ВВС, на что Сталин ответил, что “так разговаривают с побеждённой страной, но Советский Союз не побеждён”, и требование американского президента отверг в том же решительном тоне.

В Москву Сталину регулярно доставляли западную прессу. Газеты и журналы пестрели фотографиями Маршала Победы. Жуков охотно раздавал интервью. Судя по публикациям, маршал наслаждался триумфом, и эта его игра затягивалась и явно выходила из берегов.

Глава сороковая

ТРОФЕЙНОЕ ДЕЛО

“Он человек был, человек во всём...”

...Из “дела авиаторов” вытекло “трофейное дело”. Уже 23 августа 1946 года за подписью первого заместителя министра Вооружённых Сил СССР генерала армии Булганина на стол диктатору легло донесение.

“Товарищу СТАЛИНУ

В Ягодинской таможне (вблизи г. Ковеля) задержано 7 вагонов, в которых находилось 85 ящиков с мебелью.

При проверке документации выяснилось, что мебель принадлежит Маршалу Жукову.

Установлено, что И. О. начальника Тыла Группы Советских Оккупационных Войск в Германии для провоза мебели была выдана такая справка: “Выдана Маршалу Советского Союза тов. ЖУКОВУ Г. К. в том, что нижепоименованная мебель, им лично заказанная на мебельной фабрике в Германии “Альбин Май”, приобретена за личный расчёт и Военным Советом Группы СОВ в Германии разрешён вывоз в Советский Союз. Указанная мебель направлена в Одесский Военный округ с сопровождающим капитаном тов. ЯГЕЛЬСКИМ. Транспорт № 152/8431”.

Вагоны с мебелью 19 августа из Ягодино отправлены в Одессу.

Одесской таможне дано указание этой мебели не выдавать до получения специального указания.

Опись мебели, находящейся в осмотренных вагонах, прилагается”.

Это было не то, чего ждал Сталин от верного Абакумова. Но более существенного компромата на Жукова пока собрать не удалось.

В январе 1948 года на стол Сталину лёг новый документ:

“Совершенно секретно

Совет Министров СССР

Товарищу Сталину И. В.

В соответствии с Вашим указанием 5 января с. г. на квартиру Жукова

в Москве был произведён негласный обыск. Задача заключалась в том, чтобы разыскать и изъять на квартире Жукова чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими ценностями.

В процессе обыска чемодан обнаружен не был, а шкатулка находилась в сейфе, стоящем в спальне комнаты.

В шкатулке находилось:

часов — 24 штуки, в том числе золотых — 17 и с камнями — 3;

золотых кулонов и колец — 15 штук, из них 8 с драгоценными камнями;

золотой брелок с большим количеством драгоценных камней;

другие золотые изделия (портсигар, цепочки и браслеты, серьги с драгоценными камнями пр.).

В связи с тем, что чемодана в квартире не оказалось, было решено все ценности, находящиеся в сейфе, сфотографировать, уложить обратно так, как было раньше, и произведённому обыску на квартире не придавать гласности.

По заключению работников, проводивших обыск, квартира Жукова производит впечатление, что оттуда изъято всё то, что может его скомпрометировать. Нет не только чемодана с ценностями, но отсутствуют даже какие бы то ни было письма, записи и т. д. По-видимому, квартира приведена в такой порядок, чтобы ничего лишнего в ней не было.

В ночь с 8 на 9 января с. г. был произведён негласный обыск на даче Жукова, находящейся в посёлке Рублево под Москвой.

В результате обыска обнаружено, что две комнаты дачи превращены в склад, где хранится огромное количество различного рода товаров и ценностей.

Например:

шерстяных тканей, шёлка, парчи, панбархата и других материалов — всего свыше 4000 метров;

мехов — собольих, обезьяньих, лисьих, котиковых, каракульчёвых, каракулевых — всего 323 шкуры;

шевро высшего качества — 35 кож;

дорогостоящих ковров и гобеленов больших размеров, вывезенных из Потсдамского и других дворцов и домов Германии, — всего 44 штуки, часть из которых разложена и развешана по комнатам, а остальные лежат на складе; особенно обращает на себя внимание больших размеров ковёр, разложенный в одной из комнат дачи;

ценных картин классической живописи больших размеров в художественных рамках — всего 55 штук, развешанных по комнатам дачи и частично хранящихся на складе;

дорогостоящих сервизов столовой и чайной посуды (фарфор с художественной отделкой, хрусталь) — 7 больших ящиков;

серебряных гарнитуров столовых и чайных приборов — 2 ящика;

аккордеонов с богатой художественной отделкой — 8 штук;

уникальных охотничьих ружей фирмы “Голанд-Голанд” и других — всего 20 штук.

Это имущество хранится в 51 сундуке и чемодане, а также лежит навалом.

Кроме того, во всех комнатах дачи, на окнах, этажерках, столиках и тумбочках расставлены в большом количестве бронзовые и фарфоровые вазы и статуэтки художественной работы, а также всякого рода безделушки иностранного происхождения.

Заслуживает внимания заявление работников, проводивших обыск, о том, что дача Жукова представляет собой, по существу, антикварный магазин или музей, обвешанный внутри различными дорогостоящими художественными картинами, причём их так много, что четыре картины висят даже на кухне. Дело дошло до того, что в спальне Жукова над кроватью висит огромная картина с изображением двух обнажённых женщин.

Есть настолько ценные картины, которые никак не подходят к квартире, а должны быть переданы в государственный фонд и находиться в музее.

Свыше двух десятков больших ковров покрывают полы почти всех комнат.

Вся обстановка, начиная с мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах, — заграничная, главным образом, немецкая. На даче буквально нет ни одной вещи советского происхождения, за исключением дорожек, лежащих при входе на дачу.

На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплётах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке.

Зайдя в дом, трудно себе представить, что находишься под Москвой, а не в Германии.

По окончании обыска обнаруженные меха, ткани, ковры, гобелены, кожи и остальные вещи сложены в одной комнате, закрыты на ключ и у двери выставлена стража.

В Одессу направлена группа оперативных работников МГБ СССР для производства негласного обыска в квартире Жукова. О результатах этой операции доложу Вам дополнительно.

Что касается необнаруженного на московской квартире Жукова чемодана с драгоценностями, о чём показал арестованный Семочкин, то проверкой выяснилось, что этот чемодан всё время держит при себе жена Жукова и при поездках берёт его с собой.

Сегодня, когда Жуков вместе с женой прибыл из Одессы в Москву, указанный чемодан вновь появился у него в квартире, где и находится в настоящее время.

Видимо, следует напрямик потребовать у Жукова сдачи этого чемодана с драгоценностями.

Абакумов. 10 января 1948 года”.

Не бог весть что, у других маршалов и генералов рангом куда ниже по дачам и квартирам трофеев запрятано было побольше всякого добра, вывезенного из Германии, Австрии и Восточной Пруссии.

“Чемодан с драгоценностями” Жукова не давал в те дни покоя многим. Теперь-то можно смело предположить, что его и вовсе не существовало. Ну, вы представьте себе Александру Диевну, таскающую некий чемодан... Точно такой же чемодан искали у певицы Лидии Руслановой и её мужа генерала Крюкова. Драгоценности у Руслановой имелись. Целая шкатулка. Хранила ту шкатулку домработница. И когда Русланову арестовали и начали спрашивать о бриллиантах, шантажируя оставшейся на свободе дочерью генерала Крюкова, которую она полюбила, как родную, певица написала записку домработнице, чтобы та отдала следователям шкатулку.

Начались допросы по каждому “вещдоку”. Ожидания подчинённых генерала Абакумова не оправдались: по каждому камушку певица дала исчерпывающие показания — они сразу же проверялись, иногда на очных ставках, — и ни одна из историй не привела к Жукову или его семье.

Когда Жуков попал в опалу, Сталин начал возвышать Булганина, почти всю войну бывшего при Жукове членом Военного совета фронтов, человека в военном отношении совершенно ничтожного. Однако этот бывший член Военного совета обладал одним качеством, весьма ценным в тот период для диктатора, который одновременно продолжал возглавлять Министерство вооружённых сил СССР, — он был послушен. Послушен необыкновенно, почти карикатурно. Весной 1947 года ему присвоили звание маршала и делают Министром Вооружённых сил СССР. Говорят, когда Жуков узнал о том, что поступает в непосредственное подчинение Булганину, без обиняков сказал тому: занимался бы ты, Николай Александрович, московской канализацией и мусорными ящиками, а военное дело оставил тем, кто командовал фронтами и армиями. В прошлом Булганин был председателем Моссовета. Там он с его партийностью и хозяйственной деловитостью действительно приносил пользу.

Александр Бучин вспоминал: “На Георгия Константиновича и смотреть было страшно. Но держался. Спокойно, уверенно дал чёткие указания о сборах. Провели по-фронтовому. Как будто вернулись золотые военные дни.

Из тупика подали дорогой спецпоезд. Тот самый, боевой. Погрузили в наскоро протёртый вагон-гараж машины — бронированный “мерседес” и “бьюик”. В салон-вагон поднялся маршал, охрана в своей. В сумерках с каких-то опасных путей тронулись. Без провожающих. В прозрачном сумраке летней ночи поблизости маячили знакомые фигуры — топтуны из “наружки”. Что-то высматривали, вынюхивали”.

Должно быть, ждали, не принесут ли Жукову в последний момент чемодан с бриллиантами...

Одесским военным округом командовал генерал-полковник Юшкевич. Бывший командующий 31-й армией подо Ржевом и 3-й ударной в Прибалтике. Боевой генерал, фронтовик, он приказал повесить в своём рабочем кабинете портрет маршала Жукова. Юшкевича перевели в Приволжский военный округ, и он уехал в Куйбышев, не дождавшись маршала. После его отъезда кабинет основательно подчистили политработники. Первым делом убрали фотографию Жукова, висевшую в небольшой рамке над рабочим столом командующего, и вместо неё водрузили огромный, в полстены, портрет Сталина.

Во время войны Одесса и окрестности три года были оккупированы румынскими войсками. Почти всё ценное оккупанты вывезли в Румынию. Вдобавок ко всему Одесса, с давних времён известная своим вольным нравом, буквально кишела бандитами и ворами. Случались нападения на военнослужащих и семьи офицеров, грабежи, налёты на военные склады, поэтому Жуков разрешил офицерам постоянно носить личное оружие. Но когда на офицеров стали нападать с целью завладения оружием, Жуков отдал приказ стрелять в нападающих на поражение. Город был разбит на секторы и в секторах проведена тщательная зачистка с проверкой документов и ликвидацией притонов и воровских “малин”. Во время операции среди задержанных, переданных в отделы милиции, оказались и граждане, не причастные к преступному миру или имеющие твёрдое алиби. Пошли жалобы в органы власти. Обком партии почувствовал себя неудобно: в мирное время по приказу командующего войсками округа в Одессе введено по существу военное положение и власть, таким образом, перешла к военным... У Жукова начался затяжной конфликт с первым секретарём Одесского обкома ВКП(б) А. И. Кириченко.

Но Жуков оставался самим собой. Сразу же занялся делами округа. Побывал во всех воинских частях. Солдаты, и в особенности офицеры, сразу почувствовали его командный стиль: дисциплина, ответственность, полная самоотдача, жёсткий контроль за исполнением приказов и поручений.

Офицеры охраны отмечали, что темп его работы в Одессе всегда был высоким. Ни минуты свободного времени. Лишь изредка выбирался на охоту.

По мнению Александра Бучина, Георгий Константинович старался избегать разговоров о политике. “Он сумел не войти в бюро обкома партии, что полагалось по положению командующего округом. Маршал уклонился от контактов с первым секретарём Одесского обкома партии, вельможным, разжиревшим партийным бонзой А. И. Кириченко. К политике, в обыденном понимании, маршал, по всей видимости, не хотел иметь никакого касательства”. Но Жуков был слишком крупной и заметной фигурой, чтобы оставаться незаметным в политике.

Время от времени из Москвы в Одессу приезжал человек, иногда не просто человек, а генерал из Главного политуправления. Наводил справки. Расспрашивал. Интересовался. Писал отчёт и уезжал в Москву. Так пополнялось досье на Жукова.

В феврале 1947 года Жукова вызвали в Москву на пленум ЦК ВКП(б). На этом пленуме, во время вечернего заседания решался вопрос о выводе маршала из состава ЦК. Выступил секретарь ЦК по идеологии Андрей Жданов: “Я вношу предложение вывести из состава кандидатов в члены Центрального комитета Жукова. Он, по моему мнению, рано попал в Центральный комитет партии, мало подготовлен в партийном отношении. Я считаю, что в кандидатах ЦК Жукову не место. Ряд данных показывает, что Жуков

проявлял антипартийное отношение. Об этом известно членам ЦК, и я думаю, что будет целесообразно его не иметь в числе кандидатов в члены ЦК.

МОЛОТОВ: Кто желает высказаться по данному поводу? Нет желающих. Голосую. Кто за принятие предложения товарища Жданова об исключении из состава кандидатов в члены ЦК Жукова прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Таковых нет. Кто воздержался? Таковых тоже нет. Предложение об исключении Жукова из состава кандидатов в члены ЦК утверждено единогласно*.

Из “Воспоминаний и размышлений” Жукова: “Семь человек, выведенных из состава ЦК, один за другим покинули зал заседаний. И тут я услышал свою фамилию. Каких-то новых фактов, доказывающих мою вину, не было приведено. Поэтому, когда мне было предложено выступить, я отказался от слова. Оправдываться мне было не в чем. Как только руки голосовавших опустились, я поднялся со своего места и строевым шагом вышел из зала...”

Надо было каяться перед диктатором. Иначе — в лучшем случае, лагерь, в худшем — стенка.

“Исключение меня из кандидатов ЦК ВКП(б) убило меня, — в тот же день, 27 февраля, написал он Сталину. — Я не карьерист и мне было легче перенести снятие меня с должности главкома сухопутных войск. Я 9 месяцев упорно работал в должности командующего войсками округа, хотя заявление, послужившее основанием для снятия меня с должности, было клеветническим*.

Я Вам лично дал слово в том, что все допущенные ошибки будут устранены.

За 9 месяцев я не получил ни одного замечания, мне говорили, что округ стоит на хорошем счету.

Я считал, что я сейчас работаю хорошо, но, видимо, начатая клеветническая работа против меня продолжается до сих пор.

Прошу Вас, т. Сталин, выслушать меня лично, и я уверен, что Вас обманывают недобросовестные люди, чтобы очернить меня.

ЖУКОВ”.

Двадцать седьмым февраля 1947 года датировано и ещё одно письмо Жукова Сталину. Его он передал через Булганина. Копия ушла Жданову.

“Товарищ Сталин, я ещё раз со всей чистосердечностью докладываю Вам о своих ошибках.

1. Во-первых...” И так далее.

Никакого ответа на эти письма не последовало. Должно быть, Жуков и не ждал от них улучшения своего положения. Его обращения к Сталину носили ритуальный характер. Да и Сталин, по всей вероятности, относился к ним так же. При том, что окружение энергично науськивало его на маршала Победы, он понимал: Жуков, при всей сложности его характера, нужен ему, и именно такой: порой своевольный до дерзости, порой трудно управляемый, рубака и хват, но надёжный и в общем-то послушный, по-солдатски дисциплинированный. Бомба бомбой, но, если проводить крупные войсковые операции, то не Булганину же фронтами командовать. Но строитивца, почувствовавшего волю и наслушавшегося лестных речей Эйзенхауэра, надо держать в узде и на расстоянии. Одесса для этого пока вполне подходила.

В июне того же 1947 года появилось постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О незаконном награждении тт. Жуковым и Телегиным артистки Руслановой и других орденами и медалями Советского Союза”.

“ЦК ВКП(б) установил, — говорилось в постановлении, — что тт. Жуков и Телегин, будучи первым Главнокомандующим группы советских оккупационных войск в Германии, а второй — членом Военного совета этой же группы войск, своим приказом от 24 августа 1945 года № 109/н наградили орденом Отечественной войны первой степени артистку Русланову и приказом от 10 сентября 1945 г. № 94/н разными орденами и медалями группу артистов в количестве 27 чел. Как Русланова, так и другие награждённые

* Имеется в виду заявление маршала Новикова.

артисты не имеют никакого отношения к армии. Тем самым тт. Жуков и Телегин допустили преступное нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1943 г. “Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР”, караемое, согласно Указу, тюремным заключением сроком от 6 месяцев до 2 лет.

Для того чтобы скрыть противозаконное награждение Руслановой, в приказе от 24 августа, были придуманы мотивы награждения Руслановой якобы “за активную личную помощь в деле вооружения Красной армии новейшими техническими средствами”, что представляет из себя явную фальсификацию, свидетельствует о низком моральном уровне Жукова и Телегина и наносит ущерб авторитету командования”.

Никто из фронтовиков так не думал. Фронтовики были благодарны Руслановой за то, что все четыре с лишним года войны она, великая русская певица, была рядом с ними — и в окопах, и в землянках, и в госпиталях, и в ближнем тылу. А орден Отечественной войны 1-й степени был ей вручен по заслугам. На свои средства Русланова построила четыре, а по некоторым сведениям, шесть пусковых реактивных установок БМ-13 на базе ЗиС-6 и один тяжёлый танк КВ-1. В статуте ордена определено, кто может быть им награждён. Среди прочего есть и такой пункт: “Кто лично организовал материально-техническое обеспечение операции наших войск, способствовавшее разгрому противника”.

За годы Великой Отечественной войны Лидия Русланова дала на фронте 1120 концертов. Больше, чем кто-либо из артистов. С 1942 года, когда она вышла замуж за генерала Крюкова, часто бывала во 2-м гвардейском кавалерийском корпусе. Именно гвардейцам-миномётчикам 2-го кавкорпуса она передала свои “катушки”. Дивизион, вооружённый её установками, дошёл до Берлина. И сама певица шла к своему победному концерту на ступеньках рейхстага вместе с конниками генерала Крюкова. Как вспоминал один из баянистов, 2 мая 1945 года их концертная группа пробиралась к рейхстагу под огнём. В одном из переулков на них неожиданно вышла группа немцев, прорывавшихся на западную окраину Берлина, чтобы уйти к союзникам. Музыканты и казаки положили инструменты и взялись на оружие, чтобы отбить противника. Русланова первую песню спела в самом рейхстаге после только что отгремевшего боя. Потом ей предложили выйти на улицу. Концерт продолжился на ступеньках рейхстага. Баянисты всех фронтов и армий аккомпанировали ей. И это был воистину грандиозный ансамбль, который возвестил миру об окончании войны, о Победе. Затем был второй концерт — у Бранденбургских ворот. На нём-то и вручил Жуков орден “гвардии певице” Руслановой. Так повествует одна из легенд. Никто её не опроверг.

“ЦК ВКП(б) считает, — говорилось далее в постановлении, — что т. Телегин как член Военного Совета группы войск несёт особую ответственность за это дело, и та политическая беспринципность, которую он при этом проявил, характеризует его как плохого члена партии”.

Всё, что говорилось здесь о Телегине, относилось и к нему — Жукову. Причём, к нему — вдвойне.

“Учитывая вышеизложенное и выслушав личные объяснения тт. Жукова и Телегина, ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Тов. Жукову Г. К. объявить выговор”.

Этим постановлением Жукова в буквальном смысле слова подвесили на партийный крючок. Подвесили прочно, так что не сорвёшься. Старые коммунисты помнят, что такое выговор по партийной линии. Его могли снять спустя год в райкоме партии. Вначале провинившегося заслушивала партийная комиссия, состоявшая из старых большевиков. Она решала, достоин тот снятия выговора или нет, а уже потом *вопрос* рассматривался на заседании бюро райкома. Процесс этот был долгий и унизительный.

“2. Тов. Телегина К. Ф. перевести из членов ВКП(б) в кандидаты.

3. Принять предложение т. Булганина об освобождении т. Телегина от политической работы в армии и увольнении из Вооружённых Сил.

4. Войти в Президиум Верховного Совета СССР с предложением об отмене награждения артистки Руслановой...”

“Вошли” и “отменили”. А потом ещё и арестовали по “трофейному” делу. И четыре года продержали во Владимирском центре — самой жестокой тюрьме, где в то время сидели военные преступники, немецкие генералы, воєвавшие на Восточном фронте, повинные в гибели сотен тысяч советских людей и расстрелах пленных красноармейцев. В лагере Русланову держать боялись. Она и там покоряла сердца своим пением, да и остра была на язык.

Ведомство генерала Абакумова всю раскручивало маховик “трофейного” дела.

В 1945-м, когда закончилась война, трофеи везли из поверженной Германии, Восточной Пруссии, Венгрии и Австрии все — от солдата до маршала. Солдаты — в своих фронтовых “сидорах” и в чемоданах. Немного могли увезти на родину и младшие офицеры-окошники — лейтенанты, старшие лейтенанты и капитаны, кому пришлось командовать взводами, ротами и батальонами. Старшие офицеры, пользуясь своим положением и связями с тыловыми службами, собирали багаж посольственной. Некоторые обзаводились бричками и даже трофейными грузовиками, которые двигались в обозах. Генералитет, конечно же, имел более широкие возможности.

Жалованье, которое получали генералы оккупационных войск, позволяло совершенно законно купить большое количество самого разнообразного добра и забирать им вагоны. Вскоре эти вагоны и поехали в Советский Союз.

Что касается списка вещей, составленного сотрудниками МГБ после осмотра московской квартиры и дачи Жукова, то это, разумеется, не похоже на перечень наград и трофеев, взятых “на копьё”, как говорили в старину. Трудно представить на месте победителей 1945-го Суворова или Кутузова и его генералов. Маршал и сам это прекрасно понимал.

Слаб человек.

В 1948 году начались аресты по “трофейному” делу, его чаще называют “делом Жукова”, и это исторически более точно. Потому что кому суждено было дожить до суда, пошли в лагерь и тюрьмы не как мародёры, а как враги народа. Порой случались и совершенно курьёзные приговоры. К примеру, генерал Крюков, арестованный в том же 1948 году вместе со своей женой Руслановой, пошёл в лагерь по статье 58-10 УК РСФСР — “пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений...” Крюков долго упорствовал, не давал нужных показаний. Его терзали допросами три года. Суд состоялся только в ноябре 1951 года. Генералу Крюкову, как особо близкому другу Жукова, дали по полной: 25 лет лагерей. Обычно “трофейщики” и прочие, попавшиеся на присвоении и мародёрстве, квалифицировались по статье 193-17 УК РСФСР. Но в случае с Крюковым ни у следователей, ни у суда концы с концами не сходились. И тогда применили Закон от 7 августа 1932 года, известный в народе как указ “О трёх колосках”. По этому указу любое хищение приравнивалось к контрреволюционному преступлению.

“Трофейное” дело у следователей МГБ не заладилось с самого начала. Абакумов нервничал. Хозяин требовал результата, а результата не получалось. Арестовали около ста человек — всех, кто в последние месяцы находился рядом с Жуковым. В том числе генералов — Телегина, Терентьева, Крюкова, Филатова, Минюка, Бажанова, Сиднева... Допросы вели самые лучшие и надёжные следователи, опытные “колуны”.

Маршал Новиков рассказывал, как следователь Лихачёв проводил обычный допрос: “Какой ты маршал — подлец, мерзавец! Никогда отсюда больше не выйдешь. Расстреляем к такой-то матери... Всю семью переарестуем... Рассказывай, как маршалу Жукову в жилетку плакался, он такая же сволочь, как ты...”

Генерала Телегина били так, что он забывал имена своих детей и жены.

Генерал Крюков в 1953 году из лагеря написал Жукову письмо. Это была не только просьба друга выручить его из беды, но и покаяние, рассказ о том, как из него выбивали нужные показания. Письмо большое, на одиннадцати страницах. Вот некоторые его фрагменты: “Я не отказываюсь да-

вать показания, но я не знаю, что показывать, я ничего не знаю о заговоре и сам никакого участия в нём не принимал, давать же ложные показания я категорически отказываюсь”. “Следователь задаёт вопрос: “Бывал на банкетах у Жукова и Будённого?” — “Да, бывал”. — “Какие вопросы решались там?” — “О каких вопросах вы говорите? Были банкеты, как и каждый банкет: пили, ели, веселились, вот и всё”. — “Врёшь, перестань упорствовать, нам всё известно”. — “Если вам всё известно, что же вы от меня хотите? Уличайте меня тогда фактами”. — “Я буду тебя уличать не фактами, а резиновой палкой. Восхвалял Жукова? Какие тосты говорил за него?” — “В чём же заключается моё восхваление Жукова? Я не знаю, где бы воспрещалось участие на банкетах, причём официальных”. — “Все ваши банкеты — это только фикция одна, это не что иное, как собрание заговорщиков. Будешь говорить или нет? Даю 10 минут на размышление, после чего эта резиновая палка “походит” по тебе”.

Я сидел у столика и ждал своей участи, следователь разгуливал по кабинету с резиновой палкой в руке. “Ну, — говорит следователь, — будешь давать показания?” — “Никаких ложных показаний я давать не буду”. Следователь позвонил по телефону, на его звонок пришёл какой-то майор, как видно, тоже следователь. Капитан Самарин схватил меня за плечи, ударил по ногам и повалил на пол. И началось зверское избивание резиновой палкой, причём били по очереди, один отдыхает, другой бьёт, при этом сыпались различные оскорбления и сплошной мат. Я не знаю, сколько времени они избивали меня. В полусознательном состоянии меня унесли в “бокс”. На следующий день часов в 11–12 меня снова повели к следователю. Когда ввели в кабинет, меня снова капитан Самарин и тот же самый майор начали избивать резиновой палкой. И так меня избивали в течение четырёх дней и днём, и ночью. На пятый день меня вызвал зам. н-ка следственной части полковник Лихачёв в присутствии следователя кап. Самарина. Первый вопрос, который задал мне Лихачёв, был: “Ну и после этого ты будешь упорствовать?” Я заявил: “Я ложных показаний давать не буду”. “Ну, что же, начнём опять избивать. Почему ты боишься давать показания? Всем известно, что Жуков предатель, ты должен давать показания и этим самым ты облегчишь свою участь, ведь ты только *пешка* во всей этой игре. Подумай о своей участи и начинай давать показания”.

“Избитый, голодный, принижённый, — писал в своём покаянном письме зек Крюков своему боевому товарищу, — бессонные ночи тоже давали себя знать. Я не выдержал и подписал. До сих пор я себе простить не могу. Но у меня теплилась надежда, что придёт время, и я смогу сказать правду, почему я подписал”.

Крюков решил сказать правду о пытках и вынужденных “признаниях” на суде. Но следователи почувствовали незладное — столько времени упорствовал, и вдруг подписал “признания”. Следователь капитан Самарин предупредил Крюкова: “...если откажетесь от ранее данных показаний и скажете об избиваниях — сгноим в тюрьме. А у вас перспектива поехать в лагерь, а там жить можно. Помните одно: ваша участь решена безвозвратно, и ничего вам не поможет. Всем вашим заявлениям никто не поверит. И ещё советую вам, когда попадёте в лагерь, не подумайте писать жалобы. Помните одно: куда бы вы ни писали, всё попадёт ко мне и дальше моего стола никуда не попадёт, а вас мы за это запрячем в такой лагерь, откуда никакой связи с миром нет, где вы закончите своё существование”.

Жуков не забыл боевого товарища и друга командирской юности. После смерти Сталина он вернулся в Москву и был назначен на пост министра обороны СССР. Получив письмо из ГУЛАГа, он в тот же день показал его Хрущёву. Тот посоветовал обратиться к нему письменно, пустить запрос по официальному каналу.

“ЦК КПСС товарищу ХРУЩЁВУ Н. С.

Ко мне поступило заявление бывшего командира кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Крюкова В. В., арестованного в 1948 году, с просьбой передать его в ЦК КПСС.

Крюкова В. В. знаю с 1931 года как одного из добросовестнейших командиров, храброго в боях против гитлеровских захватчиков.

Прошу Вас, Никита Сергеевич, по заявлению Крюкова дать указание.

Г. Жуков

2 июня 1953 года № 83-н”.

В тот год он вытащил из лагерей и тюрем многих невинно осуждённых на страдания и гибель.

Итак, генералы и офицеры, арестованные по “трофейному” делу, давали показания. Кто молчал, к тому применяли спецсредства.

Абакумову во что бы то ни стало необходимо было найти чемодан с драгоценностями. Все эти пыльные гобелены и обезьяньи шкуры не стоили ровным счётом ничего. Хорошего дела, достойного первого маршала страны, из них не скроишь. Тем более, что на всё это барахло у Жукова имелись чеки, накладные, дарственные расписки и другие документы, свидетельствовавшие о добросовестности приобретённого. А вот драгоценности, чемодан с золотом и камушками решил бы всё одним махом.

Вскоре на допросах всплыло имя генерала Серова, в 1945-м работавшего в штабе Жукова его заместителем по делам гражданской администрации, а в ту пору — первого заместителя министра внутренних дел СССР. “Колуны” Абакумова умело развязали язык генералу Сидневу: “Наряду с тем, что основная часть изъятого золота, бриллиантов и других ценностей сдавалась в государственный банк, Серов приказал мне все лучшие золотые вещи передавать ему непосредственно... Серов мне говорил, что все эти ценности он отправляет в Москву, однако я знаю, что свыше десяти наиболее дорогостоящих золотых изделий Серов взял себе... Много времени проводил в компании маршала Жукова, с которым он был тесно связан. Оба они были одинаково нечистоплотны и покрывали друг друга... Серов очень хорошо видел все недостатки в работе и поведении Жукова, но из-за установившихся близких отношений всё покрывал. Бывая в кабинете Серова, я видел у него на столе портрет Жукова с надписью на обороте: “Лучшему боевому другу и товарищу на память”. Другой портрет Жукова висел в том же кабинете Серова на стене. Серов и Жуков часто бывали друг у друга, ездили на охоту и оказывали взаимные услуги. В частности, мне пришлось по поручению Серова [отдать] в подчинённые мне авторемонтные мастерские присланные мне Жуковым для переделки три кинжала, принадлежавшие в прошлом какому-то немецким баронам. Несколько позже ко мне была прислана от Жукова корона, принадлежавшая по всем признакам супруге немецкого кайзера. С этой короны было снято золото для отделки стека, который Жуков хотел преподнести своей дочери в день её рождения”.

Серова ознакомили с откровениями генерала Сиднева. Опытный чекист мгновенно оценил ситуацию: конкретного нет ничего, никаких улик и доказательств, но общий фон неблагоприятный. И Серов, понимая всю шаткость своего положения и считая, что дни Жукова сочтены, пишет 8 февраля 1948 года Сталину письмо: “Сейчас для того, чтобы очернить меня, Абакумов всеми силами старается приплести меня к Жукову. Я этих стараний не боюсь, так как кроме Абакумова есть ЦК, который может объективно разобраться. Однако Абакумов о себе молчит, как он расхваливал Жукова и выслуживался перед ним, как мальчик... Когда немцы подошли к Ленинграду и там создалось тяжёлое положение, то ведь не кто иной, как всезнающий Абакумов распространял слухи, что “Жданов в Ленинграде растерялся, боится там остаться, что Ворошилов не сумел организовать оборону, а вот приехал Жуков и всё дело повернул, теперь Ленинград не сдадут”.

Далее в письме Серов, имевший полное досье на своего недоброжелателя, доносит Сталину и о трофеях Абакумова, о чартерных рейсах его самолёта СИ-47 в Крым, только что освобождённый от немцев и румын, о “девушках лёгкого поведения”, которых “фокстротчик” возил в гостиницу “Москва”, о других его крупных и мелких грехах.

О чемодане с драгоценностями заговорил адъютант Жукова подполковник Сёмочкин, арестованный вместе с генералами. По этому поводу Абакумов докладывал Хозяину: “В Одессу направлена группа оперативных работ-

ников МГБ СССР для производства негласного обыска в квартире Жукова. О результатах этой операции доложу Вам дополнительно.

Что касается не обнаруженного на московской квартире Жукова чемодана с драгоценностями, о чём показал арестованный Семочкин, то проверкой выяснилось, что этот чемодан всё время держит при себе жена Жукова и при поездках берёт его с собой. Сегодня, когда Жуков вместе с женой прибыл из Одессы в Москву, указанный чемодан вновь появился у него в квартире, где и находится в настоящее время. Видимо, следует напрямую потребовать у Жукова сдачи этого чемодана с драгоценностями”.

Судя по всему, никаких драгоценностей у Жукова в таком количестве — чемоданом! — не было. Хотя некий чемоданчик он действительно возил с собой всегда. Ещё со времён службы в Белорусском военном округе. В нём лежала пара белья и всё самое необходимое на случай ареста.

Судьба генералов, арестованных по делу Жукова, складывалась по-разному. Некоторые годами сидели в тюремных камерах, их водили на бесконечные изнурительные допросы, применяли спецсредства. Другие вскоре пошли в лагерь, получив от 10 до 25 лет. Гордова, Кулика и Рыбальченко расстреляли в августе 1950 года, когда Жуков уже служил в Уральском военном округе. Через год, получив от Военной коллегии Верховного Суда СССР свои “десятки” и “четвертаки”, по этапу пошли Милюк, Терентьев, Крюков, Телегин.

Но Жукова не трогали.

Когда арестовали Абакумова, и следователь, интересуясь делом Жукова, спросил, почему многие дела в МГБ так затягивались, тот ответил: “...есть такие дела, групповые и одиночные, которые затягивались. Делалось это по специальному указанию... или же диктовалось оперативными соображениями... Имеется дело генерала Телегина и других — 8 человек. Дело это весьма важное, и его впредь тоже следует держать и не заканчивать. Оно связано с маршалом Жуковым, который является очень опасным человеком...”

Он это чувствовал. Александр Бучин рассказывал, что осенью 1947 года он, наконец, получил отпуск и поехал из Одессы домой, в Москву. Там участвовал в соревнованиях — в первенстве Вооружённых Сил по мотогонкам. Мотоциклист он был великолепный — победил. И вскоре ему позвонил Василий Сталин, в ту пору генерал-лейтенант, помощник командующего ВВС Московского военного округа. Заехал к нему на квартиру, привёз на дачу, где совсем недавно жил командующий ВВС страны главный маршал авиации Новиков с семьёй. Кинул по этому поводу небрежно:

— Теперь сидит.

Усадил Бучина за стол, выставил хорошие закуски, налил водки. Выпили. Бучин думал, что сын вояды, страстно увлечённый спортом, заинтересован в нём как в талантливом спортсмене и готов предложить что-то, связанное с мотогонками. Но Василий вдруг заговорил о чёрном “паккарде”, стоявшем в кремлёвском гараже особого назначения. В Одессу Жуков “паккард” не взял. А Василию, освоившемуся на даче арестованного по его навету командующего ВВС страны, машина маршала Жукова давно не давала покоя.

“Убедившись, что Василий говорил всерьёз, — вспоминал Александр Бучин, — я сначала даже растерялся, потом оправился и пообещал поговорить о “паккарде” с Г. К. Жуковым. Про себя твёрдо решил — ни слова маршалу, хватит у него и без этого огорчений. Удовлетворённый Василий, порядочно набравшийся, приказал какому-то грузину отвезти меня домой на Старопанский. Тот отвёз на “мерседесе”.

В Одессу вернулся из отпуска, стараясь не подать и виду маршалу, что буквально давило меня. Василий никогда бы не осмелился нагличать, если бы Георгия Константиновича не прижимали со всех сторон. Вполголоса среди нас, близких к маршалу, пошли разговоры о том, что Жукова, наверное, арестуют, ибо по непонятным и необъяснимым причинам бросили в тюрьму десятки генералов и офицеров, непосредственно работавших с ним. Перечислять их и называть опасались даже в разговорах без посторонних. Атмосфера была гнетущая, тяжёлая... В последние месяцы моего пребыва-

ния в Одессе в машине царило погребальное настроение. Маршал во время поездок почти не разговаривал. Я также не открывал рта, боясь, что не выдержу и расскажу Георгию Константиновичу о домогательствах Василия”.

Наступил 1948 год. Год был високосный. После Нового года маршал пригласил Бучина однажды в гости и сказал:

— Убирают тебя от меня, Александр Николаевич. Пришёл приказ: отзывается в распоряжение Управления кадров МГБ СССР. Выезжать надо немедленно. Я приготовил письмо Власику, передай ему. В письме просьба — оставить тебя у меня. Письмо постарайся передать лично Власику.

В Москве на Лубянке генерал Власик встретил Бучина матюгами и оскорблениями. Тут же на руки выдали трудовую книжку: уволен из МГБ СССР с 19 января 1948 года “за невозможностью дальнейшего использования”. В МГБ, оказывается, были и такие формулировки. Письмо маршала Власик даже не стал читать.

В конце января Жуков неожиданно разыскал Бучина в Москве. В то время он уже получил направление в другой, глухой и отдалённый от центра Уральский военный округ. Хотел забрать с собой “паккард”, но машину почему-то не подавали.

Из воспоминаний Александра Бучина: “Осведомившись о моём здоровье, Георгий Константинович попросил меня об одолжении — выяснить, почему ему не подают... “паккард”. Пропуск в Кремль у меня отобрали, и с большим трудом мне удалось связаться по телефону с Удаловым*. Тот сухо ответил, что есть распоряжение Косыгина. Что это означает, непонятно. Когда Георгий Константинович позвонил и справился о моих “успехах”, я честно пересказал слова Удалова. Последовала тягостная пауза, потом Георгий Константинович поблагодарил за труды и повесил трубку. Довольно скоро я узнал — “паккард” забрал В. И. Сталин”.

Бучина арестовали весной 1950 года. Во время ареста сотрудники МГБ тщательно обыскивали комнату. При обыске нашли комсомольский билет. В билет была вложена фронтовая фотокарточка Жукова. Старший группы швырнул карточку на пол, заорал:

— Что ты эту дрянь держишь! Что он тебе, отец?!

Через несколько часов Бучина уже допрашивали во внутренней тюрьме на Лубянке.

Из воспоминаний Александра Бучина: “Первые месяцы во внутренней тюрьме — кошмар. Прежде всего, психологически. Хотя я, работая у Г. К. Жукова, наглядился на чекистов и не был восторге от них, всё же, как у каждого советского человека, у меня было представление о них как о борцах с “врагами”, людях, занятых опасным делом, идеалистах. Впервые мне пришлось столкнуться с ними в их логовище — на Лубянке, и я пришёл в неопиcуемый ужас. Вместо романтиков я увидел обыкновенных тупых мерзавцев.

Я проходил по следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Следователи полковник Герасимов, затем подполковник Мотавкин взяли за меня всерьёз и, конечно, поставили на “конвейер”. Практически мне очень долго не давали спать. На допрос вызывали вскоре после 22:30, то есть после отбоя. Только лёг, как надзиратели, или лучше именовать их уместным словечком вертухаи, поднимали и вели на допрос. Нередко по дороге запирали в бокс на несколько часов, глубокой ночью вводили в кабинет зевающего следователя, который, чтобы разогнать сон, орал, грозился и вёл безумные речи. Иной раз казалось, что ты в доме умалишённых. В камеру отводили около 6 утра, а в 6 подъём, и уж спать днём не дадут...

Довольно быстро с пугающей отчётливостью вырисовывалось — шпионаж и прочее**, предъявленное мне, по всей вероятности, разминка, разгон следствия перед выполнением основной задачи, поставленной перед этими

* Начальник гаража особого назначения.

** А. Н. Бучина допрашивали о разговорах с сыном Эйзенхауэра, а также бывшим военным атташе США в СССР Файнмонвилем, которых приходилось возить лично ему водителю Г. К. Жукова.

негодьями, — заставить меня очернить Георгия Константиновича Жукова. Соразмерно величине задачи постепенно претерпели изменение методы следствия. Подполковник Мотавкин популярно объяснил, что режим внутренней тюрьмы, уже доведший меня до умопомрачения, — санаторий. Упорствующим, закоренелым преступникам, к которым отношусь я, отправляют в тюрьму в Лефортово, и там с ними “говорят как следует”. Хочешь жить, признавайся, пока в “санатории”, в противном случае...

Мотавкин заключил: незачем защищать Жукова, у МГБ о нём своё нелицезнующее мнение. “Твой Жуков, — распаясь, внушал мне подполковник, — моська, а Сталин — слон”. Поможешь следствию изобличить Жукова, тебе будет хорошо, испортишь с нами отношения, пеняй на себя. Все эти светлые мысли, конечно, оформлялись в иных выражениях. Шла сплошная матерщина, висел густой, отвратительный мат. Как последний аргумент — если будешь упорствовать, раздавят как “козявку”.

Стоит обратить внимание на реплику подполковника Мотавкина по поводу моськи и слона. Значит, в напряжённой атмосфере тех лет существовали мысли-опасения о противостоянии на уровне Сталин—Жуков. Хотя, конечно же, фигуры несопоставимые. Однако что-то же напугало Сталина, что он открыл охоту на маршала. И затягивали это дело не случайно — из “оперативных соображений”, по “специальному указанию”, “держать и не заканчивать”. Чтобы человек постоянно висел на крючке и чувствовал это каждый час, каждый миг, затылком, кожей спины...